

Генри Джордж

***ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ЗАДАЧИ***

Перевод — С. Д. Николаев
Оцифровка — В. С. Аньянов

vanyanov@yandex.ru

vk.com/single_tax

Волгодонск

2016

Предисловие к русскому переводу книги Генри Джорджа «Общественные задачи»

В одной из последних глав своей книги Генри Джордж говорит: «Тому, кто не вник в сущность дела, может показаться смешным то, что я выставляю простое изменение в системе налогов, как величайший переворот в общественных отношениях людей. Но для того, кто следил за ходом моей мысли в предшествующих главах, должно быть ясно, что в этом простом изменении заключается величайший из социальных переворотов — переворот или революция, в сравнении с которой ничтожны как та революция, которая уничтожила деспотизм французской монархии, так и та, которая уничтожила рабство в Соединенных Штатах».

Вот это-то огромное значение революции, предлагаемой Генри Джорджем, до сих пор не понимается и не признается людьми. Главная причина этого та, что мысль его или извращается или замалчивается. Мысль Генри Джорджа представляется большинству людей как одна из систем изменения закона о земельной собственности, понимаемой часто в виде национализации земли в смысле социалистов. Люди, мнящие себя учеными, возражают на понимаемую так узко мысль Генри Джорджа тем, что или смело возражают на то, что никогда не говорил Генри Джордж, или, как доказательство против него, выставляют те неопровержимые, по их мнению, положения существующему порядку, которые самым коренным образом опровергнуты Джорджем. Неученые же люди, люди общества, землевладельцы, и вообще люди достаточные, совершенно не зная Генри Джорджа, только имея смутное понятие о том, что он как-то хочет отнять землю у теперешних собственников, чуя чувством консервативного самоохранения опасность для них теории Генри Джорджа, смело отрицают ее, не имея о ней никакого или имея о ней самое превратное понятие. «Знаю, знаю! Обложить землю с тем, чтобы земледельцы, и так задавленные налогами, платили бы еще земельный налог». Или: «Знаю, знаю! Это то, чтобы заставить землевладельца платить подать за те улучшения, которые он сделает на своей земле».

И вот тридцать лет со времени ясного, всестороннего и основательнейшего изложения этой великой мысли она остается совершенно неизвестной огромному большинству людей.

Оно и не может и не могло быть иначе. Мысль Генри Джорджа,

переворачивающая весь склад жизни народов в пользу задавленного, безгласного большинства и в ущерб властвующему меньшинству, выражена так неопровержимо убедительно и, главное, так просто, что нельзя не понять ее. А поняв, нельзя не постараться привести ее в исполнение, и потому одно средство против нее — это извращение ее и замалчивание. И то и другое вот уже более тридцати лет так успешно применяется к теории Генри Джорджа, что трудно побудить людей внимательно прочесть то, что писал Генри Джордж, и подумать об этом. Правда, существуют в Англии, в Канаде, в Соединенных Штатах, в Австралии, в Германии, хотя и очень хорошие, но жалкие по числу подписчиков журнальчики Единого налога; но среди большинства интеллигенции идеи Генри Джорджа во всем мире продолжают быть неизвестными, и равнодушие к ним едва ли не увеличивается. Общество поступает с мыслями, нарушающими его спокойствие, — а такова мысль Генри Джорджа, — так же, как пчела с червями (клични), которые вредны ей, но которых она не в силах уничтожить. Она обмазывает их гнезда клеем, так что черви хотя и не уничтожены, но не могут дальше распространяться и вредить, — так поступают и общества европейских народов с вредными для своего порядка или привычного беспорядка мыслями и в том числе с идеей Генри Джорджа и его сторонников. «Но свет и во тьме светит, и тьма его не объят». Истинная, плодотворная мысль не может быть уничтожена. Как ни заглушай ее, она все жива, живет всех тех неясных, пустых, педантических мыслей и слов, которыми заглушают ее, и рано или поздно истина прожжет скрывающие ее покровы и засветит всему миру. И такова мысль Генри Джорджа.

И мне думается, что именно теперь ее время, именно теперь, и именно в России. Именно теперь, потому что теперь совершается в России революция, серьезная основа которой одна: отрицание всем народом, настоящим народом, земельной собственности. Именно в России потому, что в огромном большинстве русского народа всегда жила и живет до сих пор основная идея Генри Джорджа, состоящая в том, что земля есть общее достояние всех людей и что обкладываться налогами может только земля, а не труд людей, Генри Джордж говорит, что переводение всех налогов на ренту есть не что иное, как сообразование самых важных общественных мероприятий с естественными законами (a conforming of the most important adjustments to natural laws). Он говорит, что мысль о том, что ценность земли (рента) должна быть употребляема на пользу всего общества

так же естественно для общества, как естественно для людей ходить на ногах, а не на руках.

И эту-то мысль не только всегда разделял весь русский земледельческий народ, но и всегда приводил в исполнение, пока не метало ему правительственное насилие.

В семидесятых годах статистик Орлов об отношениях крестьян к земле писал следующее:

«Крестьянский мир не понимает и не различает тех разнородных предметов обложения, которые значатся в окладных листах. Все разнообразные подати, повинности, волостные и сельские сборы, взимаемые с общества, при мирской раскладке сливаются в одну общую сумму, которая разверстывается между членами общины по числу значащихся за каждым окладных душ, а окладная душа, в понятии крестьян, сливается с известной долей мирского земельного надела. Окладная душа, по своеобразному воззрению крестьян, немислима без земли, мало того — душа то и есть, собственно, известная доля мирской земли, несущая на себе соответствующую долю мирских платежей. Если на вопрос о числе душ одни домохозяин отвечает, что за ним числится две души, а другой говорит, что у него три души, то это значит лишь, что у первого домохозяина находится во владении две доли, а у второго три доли мирской земли; с мирской же землей связаны решительно все следующие о общества по окладным листам платежи, какое бы название они ни имели и для какого бы учреждения ни предназначались».

В этих коротких словах сущность отношения русского народа к земле и к податям, и отношение это именно то самое, которое проповедует и предлагает Генри Джордж. Отношение это не в том, как представляют себе обыкновенно теорию Генри Джорджа, что дело только в ином распределении земли, а в том, что обеспечивается за каждым человеком полная неприкосновенность произведений его труда и полная, равная со всеми возможность пользоваться всеми преимуществами, даваемыми землей. Таково воззрение русского народа и на труд и на право на землю. И потому, если понятно, что европейские народы, для которых исполнение мысли Генри Джорджа разрушает весь установленный и выгодный для большей половины населения порядок, должны враждебно относиться к теории Генри Джорджа и замалчивать ее, у нас в России, где больше девяти десятых населения составляют земледельцы и где эта теория есть только сознательное выражение того, что всегда признавалось справедливым

всем русским народом, понятно, что у нас, особенно при теперешней перестройке общественных условий, мысль эта должна найти применение и завершить великим делом справедливости столь ложно и преступно направляемую революцию.

Из всех прекрасных книг, речей и статей Генри Джорджа книга эта несомненно лучшая и по краткости и ясности и строгой логичности изложения, и по неотразимости научных доводов, и по красоте языка, и по искреннему и глубокому чувству любви к истине, добру и людям, которыми проникнуто все изложение.

Л. Н. Толстой

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ

«Тогда и они скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?»»

Тогда скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне».

Евангелие от Матфея.

ГЛАВА I.

Возрастающая важность общественных вопросов.

В жизни каждого из нас бывают моменты, когда приходится напрягать все свои силы, когда, отбросив иллюзии, приходится соображать и действовать на пределе своих умственных и физических способностей. Так и в жизни народов бывают подобные же периоды, требующие наибольшей работы мысли и наибольшего напряжения сил.

Мы, повидимому, вступили в один из таких периодов. И раньше перед народами и цивилизациями являлись задачи, не разрешить которые, как не разгадать загадки сфинкса, значило бы погибнуть; но никогда еще не представлялось им задач столь запутанных и сложных. И в этом нет ничего странного. Что девятнадцатый век должен был привести к общественным вопросам величайшей важности, это было заметно по самому ходу тех научных и технических открытий и усовершенствований, которыми было ознаменовано его течение.

Между развитием общества и развитием видов существует близкая аналогия. Среди низших форм жизни нет большой разницы в частях: и нужды и способы их удовлетворения немногочисленны и просты; движения, повидимому, автоматичны; инстинкты едва отличимы от инстинктов растения; настолько однородны некоторые из этих живых существ, что когда их разрезают на части, то части эти оказываются в состоянии вести независимое существование. Но лишь только жизнь достигает более высоких проявлений, как простота уступает место сложности; части развиваются в органы, имеющие каждый особое назначение и тесно связанные друг с другом; являются новые потребности и способы их удовлетворения, и всё большая и большая степень понимания оказывается нужной для обеспечения продовольствия и избежания опасностей. Будь у рыбы, у птицы или у зверя не больше понимания, чем у полипа, то природа могла бы вызывать их к жизни только лишь для того, чтобы они немедленно же погибали.

Возрастающая сложность и тонкость организации ведет к повышению способностей и возрастанию сил, а также сопровождается ростом потребностей и увеличением опасностей и поэтому требует более развитого понимания. Этот закон проявляет свое действие всюду в природе. На поднимающихся ступенях жизни появляется наконец человек — наиболее высоко и тонко

организованное из животных. И не только его высокие способности требуют для своего проявления более развитого понимания, чем то, какое имеется у других животных, но без этого более развитого понимания он не мог бы и существовать. Его кожа слишком тонка; его ногти слишком слабы; он слишком плохо приспособлен для бега, лазания, плавания и зарывания в землю. Не будь он одарен более развитым пониманием, чем какое-либо из животных, и он погиб бы от холода, не был бы в состоянии кормиться, был бы истреблен животными, лучше приспособленными для борьбы, в которой сказываются лишь грубые инстинкты.

В человеке, однако, понимание, постепенно развивающееся в природе, разом переходит в понимание столь высокое, что кажется уже отличающимся скорее в роде, чем в степени. В нем то узкое и, повидимому, бессознательное понимание, которое мы называем инстинктом, преобразуется в сознательный разум, и богоподобная способность приспособления и изобретения делают слабого человека царем природы.

Но далее человека восходящая линия не поднимается. Животная жизнь не принимает более высоких форм; нигде не заметно, чтобы человек, как животное, сколько-нибудь улучшился во всем ряде его поколений. Но в другом направлении открывается движение вперед. Там, где останавливается развитие видов, начинается развитие общества, и то общественное движение, которое мы называем цивилизацией, так увеличивает способности человека, что между дикарем и цивилизованным человеком оказывается пропасть, напоминающая ту, какая есть между высокоорганизованным животным и устрицей, прилепившейся к скале. И каждый шаг в этом направлении открывает все новые и новые перспективы. Нашего воображения мало, чтобы представить себе то значение и ту силу, которые прогрессирующая цивилизация может дать людям будущего.

На этом пути совершенствования, который начинается с человека, как и на том, который постепенно приводит к нему, проявляет свою власть тот же самый закон. Каждый шаг вперед усиливает требование большего и большего понимания. С возникновением общества является надобность в общественном понимании, — в том соглашении понимания отдельных личностей, которое образует общественное мнение, общественное сознание, народную волю, и которое проявляется в законе, в учреждениях и в управлении. По мере того, как развивается общество, требуется все высшая и высшая

степень этого общественного понимания, т. к. отношения между личностями становятся все более и более тесными и важными, а возрастающая сложность общественной организации наталкивается на опасности нового рода.

В начале, при грубом состоянии общества, каждая семья сама производит для себя пищу, сама изготавливает для себя одежду, сама строит для себя дом и, перемещаясь, пользуется лишь собственными средствами передвижения. Сравните с этой самостоятельностью переплетенную взаимную зависимость граждан современного города. Они могут снабжать себя продовольствием с большей точностью и в большом разнообразии и изобилии, чем дикари, но только лишь благодаря совместной деятельности многотысячного населения; даже вода, которую они пьют, и искусственный свет, которым они пользуются, доставляются им при посредстве сложного устройства, которое требует постоянного труда и бдительности множества людей. Они могут путешествовать с быстротой, невероятной для дикаря, но они отдают при этом свою жизнь и здоровье на попечение других. Лопнувший рельс, пьяный машинист, небрежный стрелочник, — и пассажиры отправляются к своим праотцам. Самая возможность прилагать свой труд непосредственно с удовлетворению своих желаний, тем же порядком, уходит из под власти отдельных лиц. Работник становится только лишь частью огромной машины, которая во всякое время может быть остановлена причинами, выходящими из сферы его влияния или даже предусмотрительности. Таким образом благосостояние каждого все более и более становится в зависимость от благосостояния всех — личность все более и более подчиняется обществу.

И вот возникают новые опасности. Первобытное общество напоминает тех существ, которые могут жить даже разрезанные на куски; цивилизованное общество бывает похоже на высокоорганизованных животных; укол в какую-нибудь жизненную часть, подавление какой-нибудь одной функции — и наступает смерть. Поселок дикарей может быть сожжен и население его разогнано; но, привыкнув к непосредственному общению с природой, люди эти все же будут в состоянии поддерживать свое существование. Тогда как цивилизованный человек, пользующийся капиталом, машинами, разделением труда, внезапно лишенный всего этого и поставленный лицом к лицу о природой, оказывается совершенно беспомощным. При фабричном производстве шестьдесят человек,

пользуясь множеством дорогих машин, работают совместно над изготовлением какой-нибудь пары башмаков. Но из этих шестидесяти человек ни один, не мог бы сшить целого башмака. Нечто подобное можно заметить во всех отраслях производства, даже к земледелию, Много ли найдется фермеров из нового поколения, умеющих молотить цепом? А в числе их жен, много ли найдется таких, которые сумели бы изготовить одежду из шерсти? Множество наших фермеров не готовят сами для себя масло, которое они едят, не выращивают для себя сами овощей! Получается огромный выигрыш в производительных силах благодаря разделению труда, когда отдельному лицу приходится производить лишь немногие из тех предметов, а то и вовсе лишь малую часть одного из тех предметов, которые требуются для него, и когда каждый становится в зависимость от других, с которыми он никогда не приходит в непосредственное соприкосновение; но общественная организация при этом приобретает большую чувствительность. Первобытная сельская община может продолжить свою обычную жизнь, не чувствуя тех бедствий, каким подвергаются соседние села; но при том тесном единении, какого мы достигли с нашей цивилизацией, война, неурожай, экономический кризис в одном полушарии производят могущественное действие на другом, и те толчки и потрясения, от которых легко оправлялись первобытные общества, неизбежно вели бы к гибели цивилизованное.

Страшно подумать, как разрушительно сказались бы на цивилизации, подобной нашей, те жестокие столкновения, какими наполнена история прошлого. Войны цивилизованных стран, в век машин и применения пара, стали скорее поединками между армиями, чем столкновениями между народами или классами. Лишь слабым подобием того, что могло бы случиться, если бы разгорелись вполне страсти, является борьба Парижской коммуны. А с 1870 г. к керосину прибавился еще целый ряд разрушительных сил. Взрыв маленького количества нитроглицерина под несколькими магистралями водопровода сделал бы необитаемым огромный город; уничтожение порохом нескольких железнодорожных мостов и тоннелей произвело бы голод быстрее, чем произвела его та линия окопов, которой Тит окружил Иерусалим; накачивание воздуха в газопроводные трубы и поднесение спички взрыло бы все улицы и разрушило дома. Тридцатилетняя война подвинула назад цивилизацию в Германии; столь же жестокая война в настоящее время почти уничтожила бы ее.

Не только возросли в огромной мере разрушительные силы, но и вся общественная организация стала несравненно более нежной.

При более простом состоянии общества хозяин и работник, сосед и сосед знают друг друга, и между ними поддерживается та близость, которая позволяет им объединяться в минуты опасности. Но все теперешние течения времени направлены к тому, чтобы уничтожить эту близость. В Лондоне жильцы одного дома не знают жильцов соседнего, хозяева соседних квартир — люди совершенно чуждые друг другу. Если гражданская смута уничтожит или парализует в Лондоне власть, поддерживающую порядок, то его огромное население сразу же превратится в пораженную ужасом толпу черни, лишенную всякой внутренней связи или объединяющего начала, и город будет разграблен и сожжен армией воров. А ведь Лондон только наибольший из больших городов. Что верно о нем, верно и в Нью-Йорке, и точно так же верно во всяком другом городе, в котором сотни тысяч населения стремятся превратиться в миллионы. Эти огромные людские скопления, в которых тот, кто ищет уединения, найдет его скорее, чем в пустыне; среди которых встречаются и сталкиваются богатство и бедность; среди которых один пирует в то время, как другой тут же рядом умирает с голода, отделенный от него той же пропастью, какая отделяла богача в аду от Лазаря на лоне Авраама, — скопления эти суть центры и типичные образцы нашей цивилизации. Пусть какой-нибудь толчок или движение сместит сложную и нежную организацию, пусть будет брошен или отнят жезл у полицейского, и откроются потоки с огромной глубины, и быстрее, чем когда-либо ранее, наступит хаос. Какой бы могущественной ни казалась нам наша цивилизация, но она развивает уже разрушительные силы. Не в пустынях и лесах, а в городских трущобах и на больших дорогах воспитываются те варвары, которые могут сделаться для новой цивилизации тем же, чем были гунны и вандалы для древней.

Не надо забывать и того, что и в цивилизованном человеке еще таится дикарь. Люди, которые в минувшие времена подавляли или восставали, которые бились на смерть из-за ничтожных споров и упивались в ярости кровью, которые сжигали города и делили царства, по существу дела, были такими же, как те, которых мы встречаем ежедневно. Общественный прогресс накопил знание, смягчил нравы, изошрился вкусы и расширил симпатии, но человек до сего времени остался столь же способным на бешеную ярость, как и в

те времена, когда он, одетый в шкуры, выходил против диких зверей с кремневым копьем. И современные веяния, по крайней мере — некоторые, грозят зажечь страсти, которые так часто некогда пылали несокрушимым пламенем.

За все минувшие времена мы не увидим ничего похожего на те быстрые перемены, которые совершаются теперь в цивилизованном мире. Кажется, как будто лишь теперь в европейской расе и в нашем веке человек только что вступает на свое поприще, — только что начинает овладевать своими орудиями и сознавать свои силы. Черепаший шаг движения древнего мира сменяется как бы стремительным бегом локомотива, несущегося с возрастающей скоростью. Этот быстрый прогресс прежде всего сказывается в способах производства и в развитии производительных сил. Однако перемены в промышленности предполагают собой общественные перемены и делают необходимыми политические. Прогрессирующие общества вырастают из своих учреждений, как дети вырастают из своей одежды. Общественный прогресс постоянно требует большего и большего понимания в заведывании общественными делами, и требует его тем настоятельнее, чем быстрее он совершается и чем резче выражаются перемены.

А что быстрые перемены, совершающиеся в настоящее время, ставят на очередь задачи, требующие самого напряженного внимания, это мы можем заметить повсюду. Всюду в цивилизованном мире обнаруживаются симптомы опасности, предвестники насильственных переворотов. Умирают верования, меняются убеждения; рассеиваются силы, поддерживающие старый порядок. Политические учреждения оказываются несостоятельными, как в демократической Америке, так и в монархической Европе. Всюду, независимо от форм правления, обнаруживается беспокойство среди народных масс, растет озлобление, проявляется смутное стремление найти какой-нибудь выход из положения, которое делается невыносимым. Приписывать их внушениям демагогов то же, что приписывать лихорадку ускоренному биению пульса. Это новое вино начинает бродить в старых мехах. Ставить на парусное судно могучие машины первоклассного океанского парохода значит обрекать его на полное разрушение при их работе. Так и новые силы, быстро изменяющие все общественные отношения, должны будут в конец расстроить общественные и политические организации, не приспособленные к их работе.

Преобразовать наши учреждения соответственно возросшим потребностям и изменившимся условиям — вот возложенное на нас дело. Благоразумие, любовь к родине, сочувствие к людям и религиозное чувство, все одинаково побуждает нас приняться за него. Есть опасность в опрометчивых переменах, но еще больше опасности в слепом консерватизме. Задачи, возникающие перед нами, тяжелы, — так тяжелы, что жутко становятся за то, успеем ли мы во время разрешить их, чтобы предупредить наступающую катастрофу. Но трудность их проистекает от нерасположения открыто признать их и смело приступить к их решению.

Опасности эти, грозящие не только нашей стране, но и самой нашей цивилизации, показывают только, что какая то высшая цивилизация испытывает муки рождения, — что нужды и вожеления людей переросли уже условия и учреждения, удовлетворявшие их ранее.

Цивилизация, стремящаяся сосредоточить богатство и власть в руках немногих счастливых и сделать из остальных людей простые человеческие машины, должна неизбежно привести к анархии и разрушению. Но возможна цивилизация, при которой самый бедный мог бы иметь все те удобства и прелести жизни, которыми пользуются теперь только богатые; при которой были бы ненужны тюрьмы и богадельни, и не приходилось бы думать о благотворительных обществах. Такая цивилизация ждет только общественного понимания, которое приспособило бы средства к целям. Силы, которые могли бы дать изобилие каждому, находятся уже в наших руках. Хоть мы и видим бедность и нужду, но, повидимому, заметно также и некоторое замешательство от самого избытка сил, производящих богатство. «Дайте нам только рынки, и мы будем снабжать их товарами без конца!» — говорят промышленники. «Дайте нам только работы!» — кричат безработные люди.

Бедствия, которые начинают обнаруживаться, обуславливаются тем обстоятельством, что мы прилагали понимание к нашим общественным делам далеко не в той мере, к какой мы его прилагали к делу удовлетворения наших личных нужд или достижения материальных целей. Естественные науки шагали вперед гигантскими шагами, но политические сильно отставали. При всех наших успехах в технологиях, производящих богатство, мы ровно ничего не сделали для обеспечения справедливости в его распределении. Знания в огромной мере возросли, промышленность и торговля подверглись

коренному преобразованию, но что более содействует благоденствию народа: покровительство промышленности или свобода торговли, — относительно этого мы еще не пришли к соглашению. Мы довели машины до такого совершенства, о каком нельзя было и мечтать пятьдесят лет тому назад, а перед политической коррупцией остаемся беспомощными как идиоты. Бруклинский мост является венцом инженерного искусства, но чтобы построить его, выдающимся гражданам Бруклина пришлось принести в саквояже \$60000 для подкупа членов нью-йоркского городского совета. Душа строителя этого огромного моста заключена была в разбитое и расслабленное тело, привязанное к постели, и он мог наблюдать за его постройкой, лишь пользуясь зрительной трубой. Тем не менее вес этой огромной массы был определен и соразмерен для каждого дюйма. Но искусство инженера все же не могло предупредить того, чтобы бракованная проволока не была засунута в стальные канаты недобросовестными производителями.

Прогресс цивилизации требует, чтобы все больше и больше вкладывалось понимания в управление общественными делами, и понимания не меньшинства, а большинства. Мы не можем без опасения предоставить политику политикам или политическую экономию университетским профессорам. Народ сам должен думать, т. к. только один народ может действовать.

В одной из летописей нашей цивилизации один из признанных учителей ее провозглашает словом спасения для общества, чтобы каждый ведал свое собственное дело. Таково евангелие себялюбия, звучащее нежной флейтой для ушей тех, которые, устроившись более или менее удобно, полагают, что и все должны быть довольны. Но спасение общества, надежда на свободное, полное развитие человечности, заключается в евангелии братства, в учении Христа. Общественный прогресс делает благосостояние всех все более и более делом каждого; он все теснее связывает всех узами, от которых никто не может быть освобожден. Тот, кто соблюдает закон и приличия и заботится о своей семье, но не интересуется общим благом и не думает о людях, прозванных подонками цивилизации, ограничиваясь лишь подачей им милостыни, тот не есть истинный христианин. Не есть он и добрый гражданин. Долг гражданина не так-то прост и легок.

Понимание, которое требуется для решения общественных задач не есть просто дело рассудка. Оно должно быть проникнуто

религиозным чувством и горячей любовью к страждущему человечеству. Оно должно идти далее сознания собственного интереса, будь то интерес меньшинства или большинства. Оно должно искать справедливости, т. к. в корне каждого общественного вопроса мы всегда найдем какую-нибудь общественную неправду.

ГЛАВА II.

Политические опасности.

Американская республика является в настоящее время самой передовой из всех цивилизованных стран. Ее население наиболее однородно, наиболее деятельно и всего легче усваивает пришлые элементы. Средний уровень его развития и благосостояния выше, чем любого из народов европейской семьи; оно в наибольшей мере пользуется современными техническими усовершенствованиями и с наибольшей быстротой применяет к делу открытия и изобретения; его политические учреждения находятся в наибольшем соответствии с современными идеями, его положение устраняет от него те опасности и трудности, которые осаждают европейские народы, и огромная площадь незанятой земли дает ему простор для роста.

Если население, говорящее по-английски, будет возрастать в Америке с той же быстротой, с какой оно возросло до настоящего времени, то к концу девятнадцатого столетия оно будет исчисляться приблизительно в сто миллионов, т. е. будет равно населению Римской империи в дни ее наибольшего могущества. В середине XX века — время, которое должны увидеть ныне родившиеся дети, — оно превзойдет, при том же росте, теперешнее население Европы; а к концу XX века будет равняться населению всей земли, исчисляемому на начало этого века.

Однако рост производительных сил опережает рост населения и продолжается все с увеличивающейся быстротой. Открытия и изобретения сами собой ведут к новым открытиям и изобретениям и только лишь приняв в соображение вероятность того, что успехи промышленности за последние 50 лет должны будут побледнеть перед успехами следующего пятидесятилетия, мы в состоянии будем смутно представить себе то будущее, которое откроется перед американским народом. Центр богатства, искусств, роскоши и образования должен будет переместиться на эту сторону Атлантического океана даже ранее центра народонаселения. Кажется, будто наш континент нарочно был оставлен про запас, — припрятан на несколько веков от остального мира, — как поле, на котором во всю ширь могла бы развернуться европейская цивилизация. И потому самому, что наш рост столь стремителен; потому самому, что все тенденции современной цивилизации проявляются здесь живее и сильнее, чем где-либо в другом месте, — те проблемы, на которые наталкивается

современная цивилизация, должны прежде всего представиться здесь в наиболее полном виде и наиболее повелительно потребовать для себя того или иного решения, — сознательного, обдуманного, или бессознательно выработанного в борьбе.

Приглядываясь к истории прошлого и переходя затем к мысли о том несравненном величии, какое обещает, повидимому, Соединенным Штатам их быстрый рост, трудно бывает удержаться от чего-то похожего на то чувство, которое побудило Амазиса Египетского порвать свой союз с удачливым Поликратом, из опасения, что «боги не дозволит смертным такого благоденствия». Но в одном, во всяком случае, мы можем быть уверены: что быстрота нашего развития заключает в себе опасности, которые может отвратить лишь проникновенное понимание и горячая любовь к народу.

Есть один замечательный факт, который должен поразить всякого человека, размышлявшего над историей минувших времен и прежних цивилизаций. Великие, богатые и могущественные народы всегда утрачивали свою независимость, и только среди небольших, бедных и уединенных племен сохранялась свобода. Недаром поэты постоянно пели о том, что свобода любит скалы и горные цепи, что она бежит от богатства, власти и блеска, что она сторонится больших городов и торговых сел. Недаром видели изучавшие философию истории в изобилии материальных средств причину развращения и порабощения народов.

Свобода естественна. Первоначальные понятия людей сходятся в признании равенства прав за всеми гражданами, и политические организации всегда исходят из этого начала. Только с дальнейшим общественным развитием власть концентрируется, и учреждения, основанные на равенстве прав, превращаются в учреждения, делающие из массы рабов меньшинства. Мы можем проследить, как это совершается. Во всех учреждениях, опирающихся на правительственную власть, с общественным ростом развивается склонность возвеличивать свою деятельность и централизовать свою власть, а среди более сильных из этих учреждений проявляется стремление поглощать власть остальных. Дело управления таким образом с общественным развитием становится достоянием особого класса. А так как с ростом народонаселения власть и значение каждого отдельного человека все уменьшается сравнительно с властью и значением целого общества, то вместе с тем и правительство все более и более выходит из-под контроля народа.

Вождь кучки воинов или староста маленького села может распоряжаться или управлять лишь с общего согласия, и каждый обиженный им легко может пожаловаться своим товарищам. Но когда племя разрастается в народ, а село превращается в город, тогда власть начальника, без всякого формального увеличения ее, сама собой значительно усиливается. Так как с ростом численности населения, надзор за поступками начальника все более и более затрудняется, все труднее и труднее становится рассчитывать на успех при жалобах на него, тогда как власть общества, которой он располагает, становится несокрушимой для отдельных личностей. И постепенно при такой концентрации власти, утрачиваются первобытные понятия и развивается привычка смотреть на народную массу, как на рожденную для служения ее правителям.

Таким образом, самый рост общества заключает в себе опасность постепенного превращения правительства в нечто отдельное и независимое от народа, — опасность постепенного захвата власти общества правящим классом — классом, который далеко не всегда выделяется из массы личными титулами и наследственным званием, т. к., как показывает история, личные титулы и наследственные звания являются не вместе с концентрацией власти, а следуют за ней. Те самые способы, которые в небольшом городке, где каждый знает своего соседа и где все общественные дела находятся у всех на глазах, дают возможность гражданам вести свободно самоуправление, в большом городе, как это мы видели во многих случаях, дают возможность шайке грабителей захватывать и удерживать в своих руках управление. Подобным же образом, как это мы видим в конгрессе Соединенных Штатов и даже в законодательных палатах отдельных штатов, рост страны и большее число интересов, только лишь уменьшают количество избирателей, который вникают или хотя бы вникают в курс дела. Так же и исполнительная и судебная власть постоянно стремятся выйти из-под контроля народа.

Но к изменениям, вызываемым ростом, у нас в Америке, прибавляются еще изменения, вызываемые улучшениями в способах производства. Применения пара и машин всюду ведут к разделению труда, к сосредоточению богатства и власти. Рабочие скучиваются сотнями и тысячами для работ на единоличных предпринимателей; мелкие лавочники и торговцы превращаются в служащих в крупных торговых домов; у нас имеются уже акционерные компании, доходы и платежи которых на много превышают бюджеты самых больших

штатов. А вместе с концентрацией увеличивается легкость соглашения между крупными деловыми интересами. Как легко вступают в сговор железнодорожные компании, углепромышленники, производители стали и даже производители спичек, когда они пожелают поднять цены или воспользоваться властью правительства! Во всех отраслях промышленности можно заметить это стремление к образованию предпринимательских союзов и синдикатов, против которых бессильны отдельные личности и которые оказывают могущественное влияние на правительство всюду, где затрагиваются их интересы.

И не только положительно, но и отрицательно, огромные скопления богатства в руках отдельных лиц или обществ стремятся развращать правительство и вывести его из-под контроля народа. «Ничто так ни робко, как миллион долларов, — за исключением двух миллионов». Крупные богачи всегда поддерживают правящую партию, все равно, как бы развращена она ни была. Они никогда не гонятся за реформами, т. к. они инстинктивно боятся перемен. Они никогда не борются против дурного управления. Угрожаемые носителями государственной власти, они никогда не агитируют, никогда не апеллируют к народу, а попросту откупаются деньгами. Вот этим-то путем, не менее, чем путем прямого воздействия, огромные скопления богатства развращают правительства, превращая в торговлю заведывание государственными делами. Наши организации подпольных деятелей конгресса и палат опираются на опасения денежных воротил не менее, чем на их надежды. Когда «дела» у них бывает мало, то они прежде всего пускают в ход какой-нибудь проект закона, за провал которого им предложит солидную награду какой-нибудь денежный интерес. И эти же крупные денежные интересы всегда являются поддержкой правящих партий при подписке на разного рода фонды, проявляя к ним такую же предупредительность, как железнодорожные компании к президенту Артуру, возя его бесплатно на рыбную ловлю во Флориду.

Чем развращеннее правительство, тем легче богатству пользоваться им. Где продается законодательство, там богатые пишут законы; где можно покупать правосудие, там лишь имеющего деньги слушает суд. И если, несмотря на это, крупные богачи не всегда предпочитают развращенное правительство честному, то все же они оказывают на него не менее тлетворное влияние. Общество, составленное из очень богатых и очень бедных, легко делается

добычей каждого, кто только захватывает власть. У очень бедных не хватает духа и понимания, чтобы сопротивлялся, а у очень богатых слишком велика ставка, чтобы рисковать.

Рост чудовищных состояний в Соединенных Штатах, скопление огромных богатств в руках корпораций необходимо предполагает собой утрату народом возможности надзора над правительством. Демократические формы могут сохраняться, но под этими формами может укрываться столько же тирании и правительственного произвола сколько и под всякими другими, — в сущности, они особенно легко приспособляются к тирании и произволу. Формы имеют очень мало значения. Римляне изгнали своих царей и гнушались самого имени царя. Однако под названием цезарей или императоров, которое первоначально имело не больше значения, чем американское «хозяин» («boss»), они поклонялись тиранам, не менее жестоким, чем цари. Мы уже, под любезным народу названием «хозяин» расплодили у нас политических цезарей в администрациях наших городов и штатов. Если дело и дальше пойдет так же, то со временем и у всей нашей нации появится хозяин. Мы еще молоды, но мы быстро растем. И вот наступит день, когда «хозяин» Америки сделается для современного мира тем же, тем были цезари для римского мира. Одно во всяком случае не вызывает сомнения: истинное демократическое правительство, а не только называемое так по имени, может существовать лишь там, где богатство распределяется с большим или меньшим подобием равенства, где большинство граждан лично свободны и независимы, где они не скованы бедностью и не подчинены богатством. В сущности, есть известный смысл в разграничении людей по их имущественному положению. Тот, кто зависит от хозяина в своих средствах к жизни, не есть свободный человек. Давать право голоса рабам значит лишь собирать голоса в пользу их владельцев. Что всеобщая подача голосов может скорее увеличить, чем уменьшить политическую власть богатства, это мы можем видеть уже из того, как заставляют теперь подавать голоса своих рабочих фабриканты и владельцы рудников. Возможность зарабатывать себе, никого не боясь и ни перед кем не заискивая, достаточные средства к жизни есть необходимое условие свободного голосования. Только эта возможность может обеспечить твердость республиканских учреждений. Как может человек называть какую-либо страну своею, когда он не имеет в ней права даже на одну пядь земля, когда у него есть в ней только лишь его рабочие руки и

когда он, понуждаемый голодом, должен бороться с себе подобными даже из-за возможности пользоваться ими? Когда бродяги оказываются избирателями, тогда избирательное право доводится до смешной и опасной крайности. Я знаю случай, когда выборы решались доставкой нищих из богаделен к избирательным участкам. А такие выборы едва ли могут содействовать установлению хорошего управления.

За всеми политическими проблемами скрывается социальная проблема распределения богатства. Народ не видит этого, и вот он слушает шарлатанов, которые предлагают лечить симптомы, не касаясь болезни. Будем набирать хороших людей на общественные должности, говорят шарлатаны. Да, будем ловить птичек, посыпая им соли на хвост.

Не будем обманывать себя. Опыт народного управления в Соединенных Штатах оказывается явно несостоятельным. Не то, чтобы он оказывался неудачным везде и во всем. Но опыт такого рода и не нужно производить во всей его полноте, чтобы признать его несостоятельность. И говоря вообще, мы уверенно можем сказать, что во всей нашей стране, от Атлантического до Тихого океана, и от Великих озер до Мексиканского залива, наше народное управление в значительной мере сделалось и в еще большей мере делается управлением людей сильных и неразборчивых в средствах.

Народ наш, конечно, продолжает участвовать в выборах; но он теряет свою власть. Все больше и больше приобретают значения на выборах деньги и организация. В некоторых округах подкуп сделался хроническим явлением, и множество избирателей из году в год продают свои голоса. В других округах крупные предприниматели систематически устрашают своих рабочих, заставляя их подавать голоса за своих кандидатов. В управлениях городов, штатов и всей страны все больше и больше значения приобретают «машины» — политические организации, руководимые своекорыстными или узкопартийными целями. Во многих местах машины эти вошли в такую силу, что обыкновенные граждане могут оказывать на свое управление не больше влияния, чем сколько они оказывали бы его в Китае. Они составляют уже, в сущности, не правящий, а управляемый класс. Иногда, чувствуя отвращение к своим владыкам, они подают голоса за «других» людей или за «другую» партию, но и это, в конце концов, обыкновенно приводит лишь к перемене господ или к возвращению тех же господ под другим обликом. И вот они

начинают примиряться со своим положением, предоставляя занятие политикой политикам и относя ее к тем делам, в которые не может вмешиваться честный, уважающий себя человек.

Мы постоянно выделяем из себя правящий класс или, вернее, класс преторьянцев, который делает своей профессией захват политической власти и затем торговлю ею. Типом возвышающегося лидера партии является у нас уже не оратор или государственный муж прежнего времени, а искусный организатор, знающий как подобрать «работников», как скомбинировать денежные интересы, как добыть или пустить в ход деньги, как набрать себе сторонников и заручиться их поддержкой. Партийные «машины» начинают поддерживать друг друга, т. к. политические дельцы, подобно железнодорожным, отчетливо видят, что соглашение гораздо прибыльнее соревнования. И вот политические организации делаются несокрушимыми, и денежные воротилы всегда достигают своих целей, независимо от того, как проходят выборы. Некоторые суверенные штаты так прочно захвачены разными объединениями и корпорациями, что кажется только восставший народ может вырвать их из рук их обладателей. И в сущности, есть полное основание подозревать, не вышло ли из-под контроля народа и общее управление нашей страны. Наверное можно утверждать, что это общее управление в течение некоторого времени не вполне сохраняло вверенную ему от народа власть. И по меньшей мере одно четырехлетие президентское кресло занимал человек, который не был избран народом. Случай этот, конечно, обуславливался бесчестностью избираемого кандидата и беспринципностью его сторонников. Тем не менее, это произошло.

Что касается крупных железнодорожных магнатов, то они отлично могут говорить, пользуясь выражением величайшего из них: «Народ да будет проклят». Когда им нужно бывает власть народа, то они подкупают его властителей. Карту Соединенных Штатов раскрашивают, чтобы показать границы штатов и территорий. Карта истинных политических делений была бы раскрашена совершенно иначе. Тут пришлось бы пронести широкую полосу, чтобы показать владения Вандербильта; там ярко очертить области, находящиеся под верховным управлением Гульда. На одном краю пришлось бы отметить местности, входящие в состав империи Стенфорда и Хантингтона, на другом — местности, вошедшие во вновь образовавшееся царство Генри Вилларда; штаты и части штатов,

находящиеся под скипетром Пенсильванской железнодорожной компании, надо было бы отграничить от штатов и частей штатов, управляемых Балтиморской и Огайской компаниями, и так далее. Предполагается, что в нашем сенате присутствуют представители суверенных штатов, но на самом деле там восседают представители железнодорожных королей и крупных денежных интересов, хотя иногда попадают туда и владельцы рудников, не настроенные враждебно против правящей партии и покупающие там места для себя из-за тщеславия. Высший суд так же, как и сенат, наполняется прислужниками компаний. И железнодорожные короли делают своих поверенных судьями последней инстанции совершению так же, как прежде земельные магнаты делали епископами своих духовников.

Мы не устроили даже дешевого правительства. Мы могли бы содержать королевскую семью, разместить ее во дворцах, подобных Версалю или Сан-Суси, снабдить ее придворными и гвардейцами, гардеробмейстерами и паркмейстерами, дать ей средства на устройство балов, более роскошных, чем устраиваемые г-жой Вандербильт, настроить для них яхт, отделанных с большим великолепием, чем Гульдовские, и все же это обошлось бы нам гораздо дешевле того расточения и воровства, которые совершаются при нашем, так называемом, самоуправлении народа. Какой прекрасный доход был бы у герцога нью-йоркского, маркиза филадельфийского или графа сан-францисского, если бы они стали управлять городами за половину той суммы, которая растрачивается и разворовывается их теперешними руководителями. Будь у нас во главе управления вместо эстетического купчины какой-нибудь самодержавный правитель, и разве мог бы он воздвигнуть у нас такой памятник исключительной пошлости, как капитолий штата Нью-Йорк? А пока в нашем конгрессе благожелательные господа, решившиеся защищать нас от нищенского труда Европы таможенными пошлинами, знай себе спорят друг с другом из-за дележа награбленного ими с помощью этих пошлин, уделяя плательщикам их так же мало внимания, как мало, можно думать, уделяли его пираты владельцам захваченного ими корабля.

Народ в значительной мере сознает все это, и среди него, в массе, не мало недовольства. Но ему недостает того просвещенного внимания, которое необходимо для приспособления политической организации к изменяющимся условиям. Народное представлении о

реформе, повидимому, сводится просто к перемене людей или к перемене партий, но отнюдь не к изменению системы. Несовершеннолетние политически, мы приписываем плохим людям или дурным партиям то, что на самом деле обуславливается глубокими причинами общего характера. Наши две главные политические партии, в сущности, ничего не могут предложить, кроме как поддерживать одну из них против ее соперницы в борьбе за удержание или захвата власти. К ним примыкают сторонники финансовых реформ, имеющие более или менее определенное представление о том, чего они желают в области денежного обращения, но лишь смутно выражающие общественное недовольство; сторонники преобразования гражданской службы, надеющиеся выполнить политические реформы, удаляясь возможно более от политики, и антимонополисты, предлагающие связывать локомотивы тонкими веревками. Даже рабочие организации в своих предложениях не идут далее установления восьмичасового рабочего дня, учреждения бюро рабочей статистики, усиления ответственности предпринимателей и запрещения договоров с тюремными мастерскими.

Все это указывает на недостаток понимания и робость мысли. Ведь не случайно разворачивается наше правительство и выходит из-под контроля народа. И если мы точно желаем, чтобы наше правительство было и оставалось народным правительством, отвечающим интересам народа и выражающим его волю, то мы должны с глубоким вниманием отнестись к нашим общественным делам; мы должны быть готовы изменить наши мнения, отказаться от старых взглядов и усвоить новые. Мы должны отбросить предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который, невзирая на перемены в ветре, все на один и тот же лад будет ставить одни и те же паруса, никогда не достигнет гавани.

ГЛАВА III.

Предстоящее усиление общественной напряженности.

Деревья, когда я пишу, еще не оделись листьями; на них не появились еще и цветы; но проходя по прилегающим к пристани частям Нью-Йорка, при первом же пробуждении весны, то и дело встречаешь партии странно одетых мужчин и женщин, несущих узелки, ящики и всякого рода багаж. Далее, весной, этот человеческий поток еще более усилится, но даже и зимой он не прекращается совсем. Это огромное океанское течение человечества, направляющееся из Европы в Америку, величайшее из перемещений народов, когда-либо совершавшихся на земле. Оно направляется и другими меньшими потоками к Бостону и Филадельфии, к Портленду, Квебеку и Монреалу, к Нью-Орлеану, Гальвестону, Сан-Франциско и Виктории, все более и более усиливаясь благодаря притокам из более и более отдаленных источников. Эмиграция в Америку, начиная с 1848 года, уменьшила народонаселение Ирландии более, чем на одну треть, а вместе с упадком способности Ирландии питать этот поток стала увеличиваться эмиграция из Англии; из Германии поток направляется уже с такой силой, что обещает превзойти все прочие, да и многомиллионное население Италии, теснимое нуждой, столь же жестокой, как в Ирландии, обращается уже, подобно ирландцам, к услугам эмигрантских пароходов. Среди переселенцев в Нью-Йорке можно видеть костюмы и слышать разговоры на языках почти всех европейских народов. Они стекаются сюда и из фиордов Норвегии, и с равнин Россия и Венгрии, и с гор Валахии, и с берегов и островов Средиземного моря, бывших некогда центром классической цивилизации. С каждым годом увеличивается легкость их перемещения. Из года в год улучшения в паровом транспорте практически сокращают расстояние между двумя континентами; из года в год европейские железные дороги делают все более и более легким делом для населения центральных частей материка доступ к морю, а телеграф, газеты, школьный учитель и дешевая почта все уменьшают и уменьшают те преграды к переезду на новые места, какие чинят невежество и чувство привязанности к дому, среди людей поколениями привыкших жить на земле своих предков. И все же, невзирая на этот огромный отток, численность населения Европы, в целом, постоянно возрастает.

Еще большее перемещение населения совершается на нашем континенте с востока на запад, из более старых в более новые штаты. Наше население переселяется с большей легкостью, чем европейское, и как ни возрастает переселенческое движение из-за океана, все же оно по размерам своим значительно уступает тому внутреннему перемещению народонаселения, которое обуславливается нашим естественным приростом. В Чикаго и Сент-Поле, в Омахе и Канзасе размеры этого течения к западу увеличились, а не уменьшились. И оттуда, где недавно был новый запад с девственными степями и первобытными лесами, население непрерывно направляется, с подрастанием молодежи, к дальнейшему, еще более новому западу.

Это движение населения на запад совершалось постоянно со времени первого заселения Атлантического побережья. Оно было выдающейся отличительной чертой в условиях нашего быта. Без возможности к нему мы не были бы похожи на то, что мы есть. Наша более высокая заработная плата и высший уровень благосостояния и образования, наша самостоятельность, энергия, изобретательность, способность приспособляться к новым условиям и усваивать пришлые элементы, все это столь же прямо вытекает из этой возможности, как и наш могучий рост, не имеющий себе подобного. Все, чем мы гордились в нашей национальной жизни и в нашем национальном характере, обуславливается прежде всего нашим запасом неиспользованной земли. Мы ведь лишь пересаженные на новую почву европейцы и, в виду этого, происходим главным образом из «низших» классов. Эмигрируют обыкновенно не те, кому хорошо живется и у кого весело на душе; эмигрируют те, кто живут в нужде и лишениях и не видят выхода из своего безотрадного положения. В Европе имеются геральдические учреждения, которые недурно промышляют, снабжая некоторые классы американцев родословными и гербами; но, вероятно, к счастью для самопочитания такого рода, большинство из нас не может с достоверностью назвать отдаленных своих предков. Правда, в их числе были кое у кого отцы-пилигримы, кое у кого отцы-квакеры и еще кое-какие отцы; однако большинство даже первых переселенцев являлось в Америку не из-за свободы служения Богу, а из-за того, что они были бедны, недовольные своим положением, неуспешны в своих начинаниях или увлечены необузданной страстью к приключениям, — многие из-за того, что они были прогнаны с земли, которую они обрабатывали; многие из-за того, что им грозила тюрьма; многие из-за того, что они были

насиленно завербованы в солдаты; многие как продавшие себя в рабство, как закабаленные ремесленные ученики или как наемные солдаты. И сила новой земли, возможность устраиваться на просторе, придавала здоровый человеческий рост тем элементам, которые, оставаясь они в Европе, падали бы нравственно и становились бы опасными для общества, подобно тому, как в Австралии подобные же условия превращали в уважаемых и самоуважающих граждан потомков каторжников и даже самих каторжников.

Сомнительно, чтобы до сих пор было достаточно оценено влияние открытия Нового Света на ход развития современной цивилизации. Во многих отношениях дело Колумба оказалось важнейшим событием в истории европейского мира со времени рождения Христа. А какое огромное значение имела Америка для Европы, представляя выход для всех ее беспокоящих, недовольных, угнетенных и подавленных обитателей; как явления, порождаемые земельным простором и свободной жизнью в Америке, отражались на европейской мысли и жизни, — об этом мы можем получить некоторое понятие, лишь попытавшись представить себе, каково было бы теперь положение Европы, если бы Колумб нашел лишь водную пустыню между Европою и Азией или даже если бы он нашел здесь континент, населенный так же, как были населены Индия, Китай или Мексика.

И, соответственно, одним из важнейших событий какие только могли бы произойти для современного мира, было бы прекращение этого движения на запад. А что оно должно рано или поздно прекратиться, это станет понятным для нас, лишь только мы вспомним, что Земля имеет форму шара.

Практически же, событие это уже не далеко от нас. Его тень уже теперь нависает над нами. Я не говорю, чтобы нам грозила опасность, что наш континент на самом деле окажется перенаселенным. Не говорю и того, что через некоторое время, даже при теперешнем нашем росте, у нас не будет избытка неиспользованной или лишь отчасти использованной земли. Но нам и не надо ждать этого, чтобы испытать на себе результаты того, что называется давлением избыточного населения, чтобы почувствовать здесь давление того же рода, как то, которое вынуждает население Европы переправляться на наш берег. Европа в настоящее время не перенаселена. В Ирландии, откуда к нам шла такая огромная масса переселенцев, не обрабатывается и одной шестой всей земли, и там, где некогда в этой

стране были людные села, теперь зеленеют луга и бродит скот. В Шотландии леса, в которых бродят олени и гнездятся тетерева, покрывают те места, где сто лет тому назад были жилища людей. Можно ехать по железной дороге через богатейшие земледельческие округа Англии, и видеть не больше домов, чем в долине Ла-Платы, где несколько лет тому назад ходили стада буйволов.

В прошлом году в это же время, когда цвели живые изгороди, я проходил в одной из красивейших местностей Англии по поместью одного из благороднейших обитателей этой страны. По одну сторону дороги шли огромные пространства богатой земли, которой однако в это время не касался плуг земледельца, т. к. ее собственник требовал за нее большей платы, чем та, какую могли бы дать фермеры. По другую сторону дороги, на много десятин, шел господский парк, нежную траву которого лишь кое-где могли топтать ноги грациозных ланей. Дорогою, мой спутник, уроженец тех мест, горько жаловался мне на то, что их барин, собственник этого поместья, отнял у них маленький луг, которым они пользовались всей деревней, а изгороди вдоль дороги поставил так, что лишили их придорожной травы. Фермеру нельзя завести даже гуся, и у деревенских детей нет места, чтобы поиграть! Собственно говоря, простору там было много, но он также недоступен для детей, как если бы этот простор находился в Африке или на Луне. Так же и на нашем Диком Западе я видал переселенцев, мучительно проходивших огромные расстояния по пустыющим землям в поисках земли, на которой они могли бы поселиться. Путник в стране, в которой все родники и ручьи отгорожены неприступными стенами, лишь по чьей-нибудь милости может не погибнуть от жажды, — как в пустыне. В Нью-Йорке множество пустыющих земель, и тем не менее в этом городе люди скучены теснее, чем где-либо на свете. Кругом не мало простору — есть человек, который один владеет сорока акрами земли, не пользуясь ими, т. к. он находится на его яхте в водах Европы; но при этом тысячи детей умирают каждый год в Нью-Йорке от недостатка воздуха, и тысячи других умирали бы, если бы благотворители не устраивали подписок с целью доставления детям бедных родителей возможности проводить лето в деревне. Давление населения, выбрасывающее на наш берег эту раздувающуюся волну иммиграции, зависит не от того, что вся земля в Европе использована, а от того, что вся она прибрана к рукам. То же самое скоро будет и у нас. Наша земля не будет вся использована, но вся она будет кому-то

принадлежать.

Мы еще говорим о наших огромных государственных землях, и цифры, показывающие миллионы и миллионы не перешедшей в частную собственность земли, еще величественно вырисовываются в отчетах земельного департамента. Однако найти государственную землю, пригодную для поселения, уже так трудно, что большая часть поселенцев считает более выгодным приобретать для себя землю путем покупки, и аренда в Калифорнии и на крайнем Северо-Западе, уже достигает размеров от одной четверти до половины урожая. Не надо забывать, что поверхность, исчисляемая в отчетах земельного департамента, включает в себе огромные пустыни и безводные равнины, пригодные лишь для пастбища или даже непригодные и для него; не надо забывать, что и в числе плодородных земель миллионы и миллионы акров уже переданы железнодорожным компаниям, но еще не утверждены комиссиями или, что для переселенцев одно и то же, уже отведены под строительство новых железнодорожных путей; что не мало пригодных земель захвачено путем присвоения воды, без которой они бесполезны, и что еще больше их присвоено под разными предлогами, которые все равно, законны они или не законны, все же достаточны, чтобы не допустить до этих земель переселенцев, пока те не согласятся заплатить за них деньги или надолго закабалить себя долгами.

Но все же земля еще сравнительно дешева у нас. Однако существующие цены на нее могут продержаться недолгое время. Поток иммиграции, который все увеличивается, сопутствуемый нашим все усиливающимся ростом, вскоре так заполнит все удобные земли, что цена и самой бедной земли, пригодной для поселения, поднимется до невиданного уровня. Около 20 лет назад Г. Уэд из Огайо, в одной из своих речей в сенате, предсказал, что к концу XIX века акр хорошей сельскохозяйственной земли в нашей стране будет стоить не меньше 50 долларов. Что его предсказание более, чем оправдывается, это мы можем уже видеть. К концу XIX века численность населения в нашей стране, при установившемся темпе роста, будет превышать теперешнее более чем на сорок миллионов. Другими словами, в ближайшие 17 лет добавочное население, большее чем население всех Соединенных Штатов в конце Гражданской войны, будет требовать себе места. Где оно найдет дешевую землю? Дальше на запад идти уже некуда. В своем движении мы уже достигли Тихого океана, а за ним начинается уже Восток с его

кишащими миллионами. От Сан-Диего до Пьюджет-Саунда, от одного океана до другого, у нас не найдется ни одной прибрежной долины, которая не была бы заселена или прибрана к рукам. Поселенцы осваивают уже самые отдаленные уголки нашей страны. Давление уже настолько сильно, что земельные хищники и переселенцы начинают переходить через нашу северную границу в Канаду и через южную — в Мексику; настолько сильно, что заселяется и получает цену земля, которая была бы заброшена несколько лет тому назад, — земля, на которой зима длится шесть месяцев в году и столбик термометра опускается до тридцати градусов ниже нуля; земля, на которой вследствие малого количества осадков урожай всегда остается под сомнением; земля, которая вовсе не может подвергаться обработке без искусственного орошения. Огромные пространства западной половины нашего континента заключают в себе далеко не столько же земли, пригодной для обработки, как восточной. «Великая Американская пустыни» все же существует, хотя ее теперь и не отмечают на наших картах. В настоящее время в Соединенных Штатах нет сколько-нибудь значительного количества хорошей земли, незаселенной и свободной, к которой мог бы направиться переселенец в надежде получать ее на обычных в прежнее время условиях. Переселенческие волны уже бурно ударяются о границу земель, признанных собственностью индейцев, и если бы не препятствия со стороны федерального правительства, то захлестывали бы уже и их. В Техасе, при населении едва-едва большем шести человек на квадратную милю, последний акр обширных общественных владений этого штата уже перешел в частные руки, а спрос на землю в этом штате за последний год был так велик, что ее продано было на много тысяч акров больше, чем сколько имело ее правительство штата.

О том, что происходит, мы можем судить по той жадности, с какой скупают нашу землю капиталисты, и особенно иностранные капиталисты, знающие какую ценность имеет земля там, где ее нет уже в запасе для желающих на ней поселиться. Они и раньше скупали ее довольно бойко, но теперь, кажется, едва ли найдется какой-нибудь богатый английский аристократ или банкир, который не владел бы, лично или как член какой-нибудь компании, значительным пространством нашей девственной земли, и огромные покупки ее ежедневно совершаются на имена иностранных граждан. Вот с этим-то, не живущими среди нас, землевладельцами и придется считаться нашим грядущим поколениям.

Не надо забывать и того, что в то время, как растет численность нашего населения, а наши «дикие» земли присваиваются, производительность нашей земли постоянно падает, что практически равнозначно сокращению ее количества. Говоря вообще, земледелие в Соединенных штатах может быть названо хищническим. Мы не возвращаем почве того, что мы берем из нее; каждый сжатый урожай пшеницы истощает землю. Мы вырубаем леса, которые мы обратно не засаживаем; мы сплавляем за океан, в пшенице, хлопке, табаке и мясе, или выбрасываем в море, через канализационные трубы наших больших городов, элементы плодородия, которые накапливались в почве медленными естественными процессами в течение долгих веков.

Близок час, когда нашему растущему населению нельзя будет более свободно расселяться по новым землям; когда нам самим будут нужны для собственных миллионов ртов те огромные излишки пищевых продуктов, которые мы вывозим теперь за границу; когда мы не только начнем чувствовать то давление населения, которое устанавливается, когда бывают монополизированы все естественные богатства страны, но когда усиливающееся здесь народное давление будет усиливать народное давление в Европе. Насколько важен этот факт, это мы поймем, когда попытаемся представить себе другой какой-нибудь выход для населения, подобный тому, какой представляли из себя Соединенные Штаты. Мы тщетно будем искать его. Британские владения к северу от нас заключают в себе сравнительно мало земли, пригодной для земледелия: долины Саскачевана и Красной реки уже заняты, и спекуляция землей развивается там с лихорадочной быстротой. Мексика представляет известные удобства для американских предпринимателей, торговцев и промышленников, но едва ли для переселенцев. Есть несколько мест для наших переселенцев на той северной полосе, которая оставалась мало населенной из-за свирепости обитающих там индейцев; но его очень не много. Мексиканское плоскогорье и части Центральной и Южной Америки, пригодные для нашего поселения, уже заняты жителями, которых мы можем отеснить только лишь так, как саксы отеснили древних бриттов, путем истребительной войны. Англосаксонские капиталы, предприимчивость и влияние, без сомнения, будут господствовать в этих странах, и многие из нашего народа будут селиться там, но они будут селиться там лишь так, как англичане

поселяются в Индии или в Британской Гвиане. Где земля уже прибрана к рукам и где поденный труд можно нанять за гроши, там не может быть такого переселенческого движения, как то, которое распространялось на запад в Соединенных Штатах. То же можно сказать и относительно Африки. Люди нашей расы устроили для себя постоянное местопребывание на южной оконечности этого обширного материка, но их попытки поселения к северу уже не удаются из-за тропической жары и присутствия племен могучей жизнеспособности. На севере, повидимому, снова укореняются латинские ветви европейской семьи и со временем они, вероятно, вернут средиземному побережью Африки его прежнюю населенность и важность; но оно едва ли может служить местом поселения еще для кого-либо, кроме них. Что же касается экваториальной Африки, то хотя мы и можем ее исследовать, цивилизовать и развивать, но мы не можем заселять ее в силу ее климата и в виду того, что местное население ее скорее возрастает, чем уничтожается, в присутствии белой расы. В Австралии земли, пригодные для обработки, не только будут вскоре же заселены при направлении туда того потока переселенцев, какой устремляется теперь в Америку из Европы, но и самые захваты земли совершаются там с такою же быстротою, как у нас. Таким образом, мы снова приходим к тому величайшему из материков, от которого наша раса начала некогда свое движение на запад, — к Азия, матери народов и религий, — многомиллионное население которой живет и умирает в полном неведении нашего нового мира. В пробуждении ее народов от соприкосновения с западной цивилизацией заключается одна из величайших проблем будущего.

Однако в мой план не входит обсуждение столь отдаленных следствий. Что я хотел бы указать, так это то, что мы вскоре должны будем лишиться одного из важнейших условий, при которых развивалась наша цивилизация, — той возможности расселяться по девственной земле, которая придавала простор и свободу американской жизни и облегчала давление населения среди наиболее прогрессивных европейских наций. Стремления, безвредные при этом условии, могут сделаться опаснейшими, когда оно изменится. Порох не взрывает, если он находится не в ограниченном пространстве. Вы можете положить свою руку на медленно поднимающийся столик гидравлического пресса. Он будет лишь плавно поднимать ее. Но что будет с нею тогда, когда он встретится с сопротивлением?

ГЛАВА IV.

Два противоположных стремления.

Жизнь нашего времени так свободна, возвышенна, полна и разностороння, сравнительно с жизнью предшествующих поколений, что оглядываясь на них мы не можем не чувствовать к ним чего-то в роде жалости, если не презрения.

Жизненные удобства, утехи и прелести, которых в недавнее время не могли приобрести для себя за деньги даже богатые люди, теперь сделались общим достоянием. Мы совершаем в один час легко и удобно такие переезды, для которых нашим отцам требовался целый день томительного путешествия; мы в несколько минут пересылаем сообщения, для передачи которых в их время требовались целые недели. Мы более знакомы с отдаленными странами, чем были они с близлежащими; нам известно, как нечто заурядное, то, что для них было глубокой тайной природы; наш мир обширнее, наш кругозор шире; за время нашей жизни мы можем более видеть, более сделать, более изучить.

Подумайте о распространении знаний, о развития образования и просветительной деятельности разного рода. Сравните учебники, по которым учатся наши дети, с учебниками, по которым учились наши отцы; посмотрите как доступны стали для народной массы сокровища нашей литературы благодаря удешевлению печатания, как расширился благодаря ему круг читателей у беллетристов, историков, литературных критиков и поэтов; как улучшились по своей форме и содержанию даже те пошленькие романы, которыми обыкновенно услаждают свое воображение магазинные продавщицы, сравнительно с теми грубыми повестями, с речами умирающих героев и торжественными признаниями, которые были их прототипами. Загляните в ежедневные газеты, которые читаются даже самыми бедными и которые дают своим читателям понятие обо всем, что творится среди различных классов общества, и сообщают новости со всех концов земного шара. Вспомните об иллюстрированных журналах, которые еженедельно доставляют миллионам своих подписчиков картины жизни в разных странах и в различных ее проявлениях — виды городов с высоты птичьего полета, величественные и прекрасные пейзажи, портреты замечательных мужчин и женщин, заседания парламентов, конгрессов и съездов, придворные балы и пляски дикарей, выдающиеся произведения

живописи, ваяния и архитектуры, промышленные производства и успехи изобретений. Такой панорамой, еженедельно проходящей перед глазами обыкновенных людей, не могли располагать одно поколение назад, и самые богатые и наиболее могущественные люди.

Все это, и множество других культурных успехов, неизбежно оказывает могущественное влияние на мысль и чувство. Суеверия умирают, предрассудки уничтожаются, нравы и обычаи становятся более общими, симпатии расширяются, новые мечты начинают одухотворять народные массы.

Мы вступаем в мир с душой, готовой воспринимать всевозможные впечатления. Для глаз ребенка все ново, и одно не более чудесно, чем другое. Обо всем, что выходит за пределы повседневного опыта, мы принимаем мнения окружающих нас лиц, и только лишь самые могучие умы могут возвыситься несколько над господствующими суждениями своего времени. В стране, в которой преобладало бы мнение, что земля есть равнина, поддерживаемая гигантским слоном, огромное большинство из нас так же несомненно верило бы в это, как мы теперь в то, что она есть шар, вращающийся вокруг солнца. Нет теории, достаточно лживой, нет басни, достаточно нелепой, нет суеверия, достаточно низкого, чтобы они не были приняты за божескую истину, как только они включаются в круг обычных понятий. В угоду им, люди будут подвергать себя пыткам и смерти, матери станут закалывать своих детей. Что может быть неестественнее многоженства? Но посмотрите, как долго оно сохраняется и как широко оно распространено.

В этой склонности принимать то, что мы находим, и верить в то, что нам говорят, заключается в одно и то же время и добро и зло. Именно она делает возможным поступательное движение общества, но она же делает это движение и столь медленным и мучительным. Каждое поколение благодаря ей, без усилия получает достоящееся ему в наследство знание, приобретенное тяжким трудом, но и каждое поколение, благодаря ей, порабощается ошибками и заблуждениями своих предшественников.

Именно благодаря ей поддерживается тирания и сохраняется суеверие. Полигамия неестественна. Очевидные факты всеобщего опыта доказывают это. Постоянное численное отношение, в каком оба пола вступают в мир, исключительность чувства, которое при здоровых условиях влечет их друг к другу, обязательства, налагаемые медленным ростом и развитием детей, все указывает на союз одного

мужчины с одною женщиною, как на веление природы. Однако многоженство, хотя оно и идет в разрез с самыми очевидными отношениями и самыми сильными инстинктами, кажется вполне естественным для людей, воспитанных в обществе, в котором оно является признанным учреждением, и такого рода взгляд на него уничтожается лишь ценою долгих усилий и жестокой борьбы. То же и с рабством. Даже таким умам, как Платону и Аристотелю, владеть человеком казалось столь же естественным делом, как владеть лошадью. Даже в нашем девятнадцатом веке и в нашей «стране свободы» всего несколько лет тому назад, люди, отрицавшие право собственности на человеческую плоть и кровь, признавались «коммунистами», «неверующими», «поджигателями», стремящимися к ниспровержению существующего общественного порядка и уничтожению всякого права собственности. То же было и с монархией, с аристократией и со множеством других вещей, столь же неестественных, но которые и до сего времени признаются за нечто, неподлежащее сомнению. Может ли быть что-нибудь более неестественным, — другими словами, более противным здравому разуму и всем явлениям и законам природы, — чтобы люди, всего менее работающие, получали всего более того, что производится трудом? «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Это не просто слова апостола, это — очевидный закон природы. Однако всюду на свете тяжела и бедна доля трудящихся масс, тогда как люди, которые не участвуют в производстве ни мыслью, ни делом, живут в роскоши и пышности. Мы привыкли к этому, и это стало казаться нам столь же естественным, как естественными кажутся для людей, привыкших к ним, многоженство, рабство, аристократия и монархия.

Но умственные привычки, сделавшие это как бы естественным в наших глазах, утрачиваются; суеверия, не допускаявшие нас до сомнений, рассеиваются. Открытия естественных наук, большее знакомство с иными временами и другими народами, распространение образования, переселения в другие страны, путешествия, рост духа критики и совершающиеся повсюду перемены в старых методах, уничтожают те верования, которые делали народную массу довольной своим положением дровосеков и водовозов, смягчают нравы, расширяют симпатии и распространяют мысль о равенстве и братстве всех людей.

Всюду на свете народные массы становятся более и более недовольными тем положением, которое вполне удовлетворило бы

людей прежнего времени. Тщетно говорят им, что их положение много улучшилось; тщетно указывают им, что им доступны теперь такие удобства, утехи и удовольствия, о каких не могли и мечтать их отцы. Получая так много, они только спрашивают, почему бы им не получать еще больше. Желания растут при их удовлетворении. Человек не вол. У него нет определенной нормы удовлетворения. Возбудите его самолюбие, пробудите в нем новые потребности, и вы столь же верно сделаете его недовольным своим положением, как если бы ухудшили бы его положение. Мы безропотно примиряемся с своей участью, когда знаем, что ничто не может нам помочь; но когда мы видим, что возможно улучшение, тогда мы перестаем быть смиренными. В этом объяснение того парадокса, который смутил Токвиля: что народные массы находят свое положение тем более невыносимым, чем более оно улучшается. Рабовладельческие кодексы были мудры в том отношении, что предписывали кары и наказания за обучение чтению рабов, и совершенно правильно рассуждали те люди, которые противодействовали народному образованию на том основании, что оно вызовет революцию.

Тем не менее в современных условиях цивилизованного мира есть нечто более важное, чем возрастающее недовольство издавна существовавшим злом. Все направлено в нем к пробуждению чувства естественного равенства, к вызову надежд и желаний, ранее чуждых народным массам, к усилению сознания великой неправды неравенства в распределении богатства и прав. Но в то же время все направлено в нем к стремительному и необычайному усилению этого неравенства. Никогда еще с того времени, как крупные поместья выели сердце Рима, мир не видел таких огромных состояний, какие образуются в настоящее время. А вместе с тем никогда он не видел и более ужасных пролетариев. В газете, содержащей в себе подробный отчет о бале у Вандербильта, о роскоши бывших там костюмов и блеске бриллиантов, о дожде из роз, стоящих по 5 долларов каждая, и дорогих винах, которые лились там рекой, я прочел также коротенькую заметку о том, как тридцать девять человек — в том числе восемнадцать женщин — тут же рядом искали себе пристанища в полицейском участке, как все они были отосланы на следующий день в суд и отправлены на шесть месяцев в тюрьму. «Женщины, — говорится в заметке, — рыдали и горько плакали, когда их вели в тюрьму». Христос был рожден от женщины, и к Марии Магдалине обратился он с нежным благословением. И вот таким хламом

сделались эти человеческие существа, созданные по образу Божию, что мы без дальних разговоров упрятываем их в тюрьмы.

Железные дороги есть новое изобретение. Они едва только начали свое дело. Однако они уже разделили людей на таких, которые исчисляють свои доходы миллионами, и на таких, которые рады работать из-за одного только пропитания. Кто при существующих условиях поставит предел накоплению огромных состояний для следующего поколения? Кто остановит сопутствующее этому накоплению увеличение количества бродяг?

Все изобретения и усовершенствования, так поразительно увеличивающие производительные силы, направлены к тому, чтобы сосредоточить огромные богатства в руках немногих лиц, и сделать положение массы более безнадежным; чтобы превратить в машины для производства богатства людей, которые им не пользуются, но которых и мечты и надежды уже пробуждаются. Без всякого исключения, стоящего упоминания, технические усовершенствования нашего времени все направлены к установлению производства в крупном размере, к узкой специализации труда, к предоставлению подавляющих преимуществ обладателям крупных капиталов. Даже такие изобретения, как телефон и пишущая машинка, клонятся к тому, чтобы концентрировать богатство, увеличивая легкость управления крупными предприятиями и уменьшая препятствия, стоящие на пути к их расширению.

Машины стремятся повсюду не только лишить рабочего возможности сделаться собственным работодателем, но и обратить его в простого надсмотрщика или прислужника, сделать ненужным для него, — если он не принадлежит к числу немногих, заведующих производством, — знание, ловкость или уметость, превращая его дело в однообразную работу автомата, без конца повторяющего одни и те же движения.

При старой системе, рабочий мог работать много и тяжело, но, работая, он находился в общении с другими людьми, видел разнообразие, испытывал то наслаждение, которым сопровождается затрата творческой силы, — радость видеть, как в его руках материал превращается в законченные изделия. Он работал у себя дома или тут же вместе с хозяином. Его труд облегчался соревнованием, беседой, шуткой, спорами. Как ученик, он ждал времени, когда он сделается мастером; как мастер, он ждал времени, когда он сделается хозяином и сам заведет учеников. Он был независим, имея немного

инструментов и материала. Он имел непосредственные сношения с людьми, которые пользовались теми законченными изделиями, которые он производил. Если он не мог найти рынка сбыта, то он находил рынок для обмена. Тот ужасный страх, что он лишен будет возможности добывать себе средства к жизни, что он не в состоянии будет содержать своей семьи, — было совершенно неведомо ему.

Возьмите, для примера, исчезающий тип кузнеца старого образца. Его кузница стояла близ дороги или улицы. Через ее открытые двери видно было все, что делается кругом на белом свете. Путники останавливались около, чтобы порасспросить о дороге, соседи — чтобы поболтать и разузнать новости, дети — чтобы посмотреть, как светится накаленное железо и как летят от него красные искры. То он подковывает лошадь, то натягивает шину на колесо, то выделывает и закаляет какое-нибудь орудие, то сваривает сломанный таган, то искусными ударами выковывает крюк для подвешивания котелка в камине, а то, когда нет заказов, заготавливает гвозди для продажи.

Отправьтесь теперь на один из тех огромных заводов, занимающих площади по несколько акров, где рабочие скучиваются тысячами и где железо перерабатывается при помощи паровых двигателей и машин в готовые изделия лишь с малой долей тех затрат, какие требовались при старой системе. Вы не войдете туда без разрешения из конторы, т. к. на каждой двери вы увидите надпись: «Посторонним вход воспрещен». Получив разрешение, вы должны не разговаривать с рабочими; да это и бесполезно, т. к. среди грохота и стука, лязга и шума приводов и колес, вы не могли бы говорить. Люди делают здесь всегда одно и то же дело — одни целые дни пропускают железные полосы через огромные вальцы; другие подносят пластинки к стальным прихваткам, поворачивая туда и обратно, среди шума, в котором вы едва ли слышали бы самих себя, кусочки железа, шестьдесят раз в минуту, час за часом, день за днем, год за годом. На всем огромном заводе едва ли бы нашелся хоть один человек, за исключением немногих, учившихся при более простой, кончающейся теперь, системе, который мог бы делать что либо еще, кроме ничтожной доли того, что требуется для изготовления законченного изделия. Поступающий на завод быстро научается работать на какой-нибудь одном станке. И на этом оканчивается его обучение. Он может поседеть, не научившись ничему большему. Когда подрастут его дети, тогда единственное, что он может сделать, чтобы увеличить свой доход, так это и их привлечь к работе. Что же касается надежды

сделаться когда-либо хозяином такого предприятия, с его миллионными капиталами в станках и товарах, то ее у него может быть не больше, чем надежды сделаться английским королем или римским папой. Он может повлиять на условия, от которых зависит его работа, не более, чем пассажир в железнодорожном вагоне на движение поезда. Причины, которых он не может ни отвратить, ни предусмотреть, разом могут остановить его станок и выбросить его на улицу, как ни на что не годного человека, не умеющего даже работать мотыгой или копать лопатой. Когда дела идут хорошо и хозяин его гребет деньги лопатой, тогда он может добиться прибавки лишь забастовкой или угрозой ею. Чуть оказывается заминка в делах, и его заработная плата падает, и падению ее он может противиться лишь забастовкой, иными словами, лишением себя заработной платы на более или менее долгое время.

Я говорил лишь об одной отрасли производства; но сказанное применимо и ко всем другим. Всюду промышленная организация принимает те же формы, даже в земледелии. Крупные компании выращивают теперь скот на безграничных степных пастбищах и огромные поместья обрабатываются артелями пришлых наемных рабочих. Во всех занятиях рабочие оказываются все более и более отделенными от орудий труда и естественных удобства, и всюду более и более бросается в глаза неравенство доходов. И это в то время, когда мысль пробуждается, когда ослабевают старые пути консерватизма, когда растет и распространяется вера в равенство людей.

Когда между людьми, которые трудятся и терпят лишения, и людьми, которые живут в праздности и роскоши, образуется столь глубокая пропасть, что в народном представлении они являются уже как бы существами различного порядка; когда от имени религии народным массам постоянно внушается, что все в этом мире устроено божественным проведением, указавшим каждому его место; когда с раннего детства учат людей тому, что, выражаясь словами епископального катехизиса, это их долг по отношению к Богу и человеку «повиноваться гражданским властям, воздавая им положенное почтение», и относиться смиренно и благоговейно к стоящим над ними, довольствуясь тем общественным положением, к какому «Господу угодно было призвать их»; когда такие советы низкопоклонства, подчинения и самоунижения внушаются вместе со страшной угрозой вечной муки; когда, с другой стороны, бедняки научаются верить, что если они будут терпеливо выносить здесь свои

бедствия и невзгоды, то Бог после смерти переведет их на небо, где нет ни частной собственности, ни бедности, тогда самые вопиющие неравенства уже не могут возбудить ни зависти, ни негодования.

Но идеи, пробивающиеся теперь в мир, отличаются от этих.

Почти две тысячи лет тому назад, когда среди другой цивилизации развивалось чудовищное неравенство, когда народные массы повсюду доведены были до безнадёжного рабства, — в одной еврейской деревушке восстал неученый плотник и, пренебрегая правоверием и обрядами своего времени, стал проповедывать крестьянам и рыбакам благовест о том, что Бог есть отец людей, а люди все равны и братья, наставляя учеников своих молиться о наступлении царства Божия на земле. Профессора высших учебных заведений насмеялись над ним, правоверные проповедники ругали его. Он был признан мечтателем, возмутителем спокойствия, «коммунистом». и, наконец, почтенное общество сочло его опасным, и он был распят между двух разбойников. Но слово его полетело дальше, стало разноситься беглыми и рабами, и, невзирая на всякие запрещения и преследования, стало делать свое дело, пока не преобразило мир и из гниющей старой цивилизация не вывело зачатков новой. Тогда привилегированные классы снова соединились, вырезали изображения сына народа в судах и на гробницах царей, именем его освятили неравенство и извращенным его учением стали защищать общественную неправду. Но вновь те же великие идеи, что Бог есть наш общий отец, что все люди братья, что возможна жизнь, когда никто не был бы изнурен работой и никто не страдал от нужды, начинают оживать среди народной массы.

Когда могучий ветер встречает сильное течение, тогда ничто не предвещает спокойного моря. И всякий, кто подумает о тех противоположных стремлениях, которые начинают развиваться в цивилизованном мире, поймет всю огромную важность тех общественных задач, с которыми мы должны будем вскоре встретиться. Он поймет также значение слов, сказанных Иисусом:

«Не думайте, что я пришел принести мир на землю. Не мир пришел я принести, а меч».

ГЛАВА V.

Ход концентрации.

В 1790 году, ко времени первой переписи, в Соединенных Штатах в городах жило 3,3% всего населения. В 1880 году в городах жило уже 22,5%. Это стремление населения к концентрации есть одна из выдающихся черт нашего времени. Всюду в цивилизованном мире большие города растут быстрее, чем численность населения. Весь прирост численности населения Англии и Шотландии за девятнадцатое столетие приходится на города. Во Франции, где население пока не изменяется в своей численности, крупные города год от году становятся все крупнее. В Ирландии, где население постоянно уменьшается, Дублин и Белфаст постоянно растут.

Те же самые великие деятели, — пар и машины, которые так сгущают население в городах, с еще большей энергией концентрируют промышленность и торговлю. Это можно наблюдать всюду, где применялись новые силы, и во всех отраслях промышленности, начиная с таких первичных, как земледелие, скотоводство, горное дело и рыбная ловля, и кончая такими, которые созданы были позднейшими изобретениями, — как железные дороги, телеграф, газовое или электрическое освещение и т. п.

Утверждали, на основании данных Центрального статистического бюро, что средний размер ферм уменьшается в Соединенных Штатах. Это утверждение не только не вяжется с фактами, очевидными всюду в нашей стране, и с тенденциями, обнаруживающимися в земледелии других стран, но не вяжется и с донесениями самого бюро. Согласно «Сводной таблице десятой переписи», увеличение числа ферм в Соединенных Штатах за десятилетие между 1870 и 1880 годами равнялось приблизительно 50%, а выводы из перечня ферм по восьми классам указывают на постоянное уменьшение числа малых ферм и увеличение числа крупных. В числе ферм менее 3 акров уменьшение за десятилетие равнялось приблизительно 37%; в числе ферм между 3 и 10 акрами приблизительно 21%; между 10 и 20 акрами — приблизительно 14%; между 20 и 50 акрами — несколько менее 8%. Увеличение числа начинается для ферм, величиною от 50 до 100 акров, достигая для этого класса приблизительно 37%. В следующем классе, фермы от 100 до 500 акров, увеличение равняется приблизительно 200%; в классе от 500 до 1000 акров — приблизительно 400% и в классе свыше 1000 акров, самом обширном из

представленных, увеличение достигает почти 700%.

В донесениях бюро не только нет никаких оснований для вывода, будто средний размер ферм в Соединенных Штатах уменьшился с 153 акров в 1870 году до 134 акров в 1880, но, напротив, из подробного изучения их можно убедиться, что, согласно с общим наблюдением, средний размер ферм значительно увеличился. Оказывается неоспоримым фактом, что, подобно всему прочему, земельная собственность концентрируется и земледелие принимает крупные размеры. Это зависит от усовершенствования в земледельческих машинах, для пользования которыми требуется более капитала, от роста цен на землю, от перемен, произведенных железными дорогами, и специальных тарифов, дающих крупным производителям преимущества перед мелкими. Что такого рода тенденции будут развиваться с возрастающей быстротой, в этом не может быть сомнения. Новая эра в земледелии только еще начинается. И каковы бы ни были ее выгоды, но она неизбежно поставит огромное большинство американских фермеров в положение арендаторов или рабочих. Нет возможности проследить увеличение числа арендуемых ферм в Соединенных Штатах за последнее десятилетие (1870 — 1880 гг.), т. к. до последней переписи не было данных, относящихся к аренде ферм; но на факт этот указывает то обстоятельство, что в 1880 году в Соединенных Штатах было не менее 1021001 фермеров-арендаторов*. Если бы, в добавок, мы определили еще число фермеров, только номинально владеющих землею, но, в сущности, платящих аренду в виде процентов по закладным, то результат получился бы поразительный.

Как идет тот же процесс во всех других отраслях промышленности, об этом едва ли стоит говорить. Всюду ясно, что независимый слесарь становится фабричным, мелкий торговец — продавцом в большом магазине, офисным служащим или бухгалтером, и что люди самостоятельные при прежней системе во множестве делаются служащими крупных торговых фирм или промышленных компаний. Последствия этого едва ли сознаются. Обширный класс людей, и в числе их многие признанные наставники народа, постоянно толкуют нам о том, что, будто бы, для успеха в делах только и нужны, что энергия, трудолюбие и бережливость, — постоянно указывают на людей, которые начали с нуля, а сделались

---

* Общее число фермеров и огородников равняется 4225945 человек.

богачами, как на доказательство того, что всякий может начать с нуля и сделаться богачом.

Что большая часть наших американских богачей начали с нуля — это правда. Но что такого же успеха может легко достигнуть каждый — это неправда. Переходные времена всегда представляют благоприятные обстоятельства для возвышения отдельных личностей, но эти благоприятные обстоятельства пропадают, лишь только общественные отношения снова налаживаются. А мы не только осваивали новый материк, но и введение пара и машин производило перемены в промышленности, каких еще не видел свет.

Когда Вильгельм Завоеватель поделил Англию между своими сподвижниками, тогда шайка искателей приключений целиком вошла в состав феодальной аристократии. Но когда общество вновь устоялось, тогда образовалась наследственная знать, в которую не мог проникнуть простой человек, и потомки прежних авантюристов стали смотреть на людей того класса, к какому принадлежали их отцы, уже как на существ низшей породы. Таким же образом, когда быстро заселяется какая-либо новая страна, люди, являющиеся туда пока еще дешева земля и только еще устраивается промышленность и торговля, имеют преимущества, каких не могут иметь такие же люди, но являющиеся уже в то время, когда земля получила ценность и общество сформировалось.

Богатые люди первого поколения в новой стране всегда бывают людьми, вступившими в жизнь ни с чем, но богатыми людьми последующих поколений обыкновенно бывают уже их наследники. В Соединенных Штатах, когда мы слышим о каком-нибудь богаче, то естественно спрашиваем: «А как он нажил состояние?», т. к. в нашей стране по большей части предполагается, что он приобрел его сам. В Англии обыкновенно не задают такого вопроса — там предполагается, что он его наследовал. Однако и там, хотя земля и поделена была уже давным-давно, крупные перемены, последовавшие за введением паровых двигателей и машин, создали, как и у нас, возможность для трудящихся достигнуть богатства. Но эта возможность уже прекратилась или прекращается. Когда трогается железнодорожный состав, достаточно бывает одного шага, чтобы запрыгнуть в вагон. Но через несколько минут не сделавшие этого шага могут бежать за ним, что есть мочи, и все же они не попадут в него. Нелепо думать, будто легко сесть в поезд на полном ходу, на том

основании, что легко сесть в него при отправлении. Точно так же нелепо думать, будто те преимущества, которые представлялись людям в то время, когда еще только начинали свое концентрирующее действие пар и машины, будут представляться им всегда.

Один из моих английских друзей, богатый удалившийся на покой манчестерский промышленник, рассказывал мне как-то историю своей жизни: как он начал работать восемнадцати лет, помогая скручивать бечевки в то время, когда бечевки были исключительно ручного производства; как, затем, молодым человеком он отправился в Манчестер и, получив в кредит кипу льна, переработал ее в бечевку и продал; как, заведя маленькое дело, стал давать от себя работу другим; как он извлекал выгоды из входивших в то время в употребление паровых машин и механических станков, пока не построил огромной фабрики и не нажил состояния, когда он решил удалиться на покой, предоставив ведение дела своему сыну.

«Но предположите, что вы теперь были бы молодым человеком, — сказал я, — могли ли бы вы отправиться в Манчестер и теперь устроить так же жизнь, как тогда?»

«О, нет, — возразил он, — никоим образом. Теперь я не мог бы сделать того же даже в том случае, если бы я имел не пять шиллингов, как тогда, а хотя бы сто тысяч».

То же самое можно сказать и о любой отрасли промышленности, из числа тех, в которых новые силы начали сколько-нибудь проявлять свое действие. Миллионер Стенфорд гнал когда то упряжку волов в Калифорнию; Виллерд прибыл в Соединенные Штаты из Германии бедным малым, сделался газетным репортером и проехал на муле из Канзаса в Денвер в то время, когда прерии кишмя кишели индейцами, — предприятие, на которое не решился бы человек с кругленьким банковским счетом. Стенфорд и его товарищи стали во главе центральной Тихоокеанской железной дороги с ее правительственными земельными грантами, и владеют теперь приблизительно двадцатью тысячами миль железных дорог, миллионами акров земли, пароходными линиями, транспортными предприятиями с банковскими отделениями, газетами, не говоря уже о законодательных палатах, членах конгресса, судьях и всем прочем. Так же Виллерд, ловко воспользовавшись рядом счастливых случаев, захватил в свои руки Орегонскую пароходную компанию вместе с Северной Тихоокеанской железной дорогой и ее землями, сделался железнодорожным царьком региона, лежащего к северу от царства

Стенфорда, владея, подобно ему тысячами миль железных дорог, миллионами акров земли, газетами, политическими прислужниками и литературными лакеями, хотя еще и остается под сомнением, удастся ли ему удержаться против напора более крупных железнодорожных королей.

И не только те условия, которые так подняли Стенфордов и Виллердов возникают лишь при открытии новых стран и развитии новых производительных сил, но и само появление Стенфордов и Виллердов делает невозможным появлением других таких же, как они. Всякий, кто вздумает устроить железную дорогу в области того или другого, должен подчиниться им и сделаться их данником. Против крупных железнодорожных царьков могут выступить только крупные железнодорожные царьки, а владение главными железнодорожными линиями не только дает им власть над транспортными компаниями, почтовыми и пароходными сообщениями, власть создавать или разорять более мелкие города, но и власть над всеми вообще предприятиями, требующими транспортные услуги, возможность отбирать в свою пользу весь излишек дохода от них против того, который признается ими, по тщательному рассмотрению, достаточным. Рост этих великих властей или держав подобен росту больших деревьев, вытягивающих влагу из окружающей почвы и своею тенью заглушающих всякую другую растительность.

Таким же образом проявляется концентрация повсюду. Крупная фабрика душист мелкие. Огромный магазин начинает продавать по таким ценам, по каким не могут продавать маленькие, и освобождается от их конкуренция. На вершине здания Американской компании для торговли газетами, в Нью-Йорке, красуется газетчик, высеченный из мрамора. Таким молодцом начал дело главный акционер и директор этого предприятия. Однако то, что было первоначально не более, как союзом нескольких продавцов газет, устроенным ради общего удобства, превратилось в такое могущественное предприятие, что все попытки уничтожить его власть или отобрать часть его монопольной прибыли, — попытки, которые делались людьми, обладавшими и капиталом и знанием дела, — могли до сих пор оканчиваться только полной неудачей. Газетчик, может смотреть на статую, венчающую здание, так же, как молодой английский чиновник, отправляющийся в Индию на статую лорда

Клейва. Конечно, — это пример, поощрение; но как победы Клейва, утвердив английское владычество в Индии, сделали другую, такую же, как его, карьеру невозможной, так и успех таких предприятий, как Американская компания для торговли газетами, делает невозможным для людей с маленькими средствами учреждение других подобных предприятий.

С таким же чувством наборщик может смотреть на огромное здание газеты «Трибуна» или журналист на здание «Герольда». Самый ловкий редактор не мог бы теперь рассчитывать на основание первоклассной газеты в Нью-Йорке или стать во главе какой-либо из существующих, не заручившись поддержкой какого-нибудь миллионера. Даже в наших самых новых городах миновало уже время, когда несколько наборщиков и несколько писателей могли договориться и начать издание газеты. Не говоря уже о счетах с Американским союзом редакторов и издателей газет, преследующим узко-корпоративные цели, сама газета сделалась огромной машиной, требующей крупных капиталов и заполняемой обыкновенно мастерами литературного цеха, знающими, как можно угодить стоящим во главе ее капиталистам.

Раньше вполне оснащенный океанский корабль признавался за очень большое судно, если имел массу 500 тонн. Теперь мы строим суда 1000 тонн. Недавно наши первоклассные океанские пароходы были вместимостью от и 200 до 1500 тонн. Теперь лучшие пароходы, поддерживающие сообщение с Европой достигают веса 10000 тонн. Но капитанов стало относительно меньше, и жизненные условия их изменились не к лучшему. Капитан огромного трансатлантического парохода, искусству и бдительности которого вверяются полторы тысячи человеческих жизней и миллиона на четыре долларов собственности, рассказывал мне как-то, что он получает теперь не более, чем сколько получал тогда, когда управлял маленьким парусным судном. Нет для них теперь и разных премий и бонусов, как нет теперь ни у кого из них надежды сделаться собственником какого-либо из тех огромных пароходов, какими им приходится управлять.

При любом общественном строе, за исключением системы замкнутых наследственных каст, всегда, конечно, находятся люди, которые, благодаря своим огромным способностям или счастливым случаям, поднялись из бедности до богатства и из низкого положения до высокого; но могущественные течения нашего времени направлены к тому, чтобы сделать это все более и более трудным.

Гульд, вероятно, более ловкий человек, чем теперешний Вандербильт. Начни они с одного и того же, и Вандербильт был бы теперь, самое большое, каким-нибудь продавцом мышеловок или сидельцем в овощной лавке, тогда как Гульд все же считал бы свое состояние миллионами. Однако теперь, при всех своих выдающихся стяжательных способностях, Гульд все же не может преодолеть того перевеса, какой дают его сопернику огромные приобретения первого Вандербильта. И когда сыновья теперешних великих стяжателей огромных состояний станут на место своих отцов, тогда сыновья простых смертных будут чувствовать со стороны их еще более подавляющее превосходство в жизненной борьбе.

Все в настоящее время направлено не только к концентрации крупных состояний, но и к их продолжению. Теперь нет более крестовых походов; привычки богатых людей тоже далеки от той безумной роскоши, которая могла бы содействовать их проматыванию; крупная игра вышла из моды, а биржевая игра опасна не столько для людей с миллионами, сколько для людей с тысячами.

Акция, облигация, закладные листы, банковские вклады и разного рода союзы капиталистов помогают удержанию крупных состояний, а все современные порядки содействуют расширению сферы успешного пользования для промышленных целей.

С другой стороны, простой рабочий делается все более беспомощным, и все труднее и труднее становится мелким капиталистам конкурировать с крупными. Небольшие железнодорожные компании поглощаются большими; одна крупная телеграфная компания уже захватила в свои руки все наши телеграфы и, чтобы избавить себя от покупки новых патентов, выдает плату изобретателям с тем, чтобы они не изобретали. Как в Англии почти все пабы перешли в руки крупных пивоваренных заводов, так и у нас — в Соединенных Штатах — крупные фирмы завербовывают с той же целью молодых людей, давая им необходимые средства и отбирая от них невыкупаемые закладные. Как в Великобритании снабжение железнодорожных пассажиров пищей и питьем перешло в руки одной только крупной компании, а в Париже один крупный ресторатор, устраивая повсюду многочисленные отделения своего ресторана, вытесняет из бизнеса более мелких, так в Америке мальчишки, продающие в поездах газеты и жаренный миндаль, торгуют уже от компаний, и компании доставляют посылки и исполняют мелкие поручения.

Я не отрицаю того, что все это клонится к удобству публики. Я просто отмечаю существование такого стремления. Великая перемена совершается всюду в цивилизованном мире, подобная той, которая при развитии феодальной системы в Европе превратила свободных собственников в вассалов и подчинило все общество иерархии богатства и привилегий. Будет ли новая аристократия наследственной или нет, — это не составляет большой важности. Только случай решит, кому достанутся немногие выигрышные в лотерейные билеты. Но что большинству достанутся пустые билеты, — это вызывает сомнения. Силы новой эпохи еще не имели достаточно времени, чтобы установить наследственную преемственность привилегий, но, ведь, уже ясно видно, когда промышленная организация заставляет тысячи рабочих работать на одного хозяина, что отношение хозяев к рабочим будет равняться одному к тысяче, хотя этот один, может быть, будет братья из той же тысячи. «Хозяин!» — «Master!». Мы, граждане Соединенных Штатов, не любим этого слова. Оно не американское. Но какой смысл возражать против слова, когда у нас имеется уже именно то, что им обозначается? Человек, дающий мне работу, которую я должен брать под угрозой лишения, все равно будет моим хозяином, буду ли я называть его так или нет.

ГЛАВА VI.

Неправда в существующих общественных условиях.

Удобная теория, доказывающая, что это в природе вещей, чтобы одни были богаты, а другие — бедны, и что грубые и постоянно возрастающие неравенства в распределении богатства не служат показателем ошибочности наших учреждений, заполняет нашу литературу и проповедуется в печати, с церковных кафедр, в школах и в университетах.

Наша страна — страна свободы, — говорят нам; каждый гражданин имеет право голоса и каждый по-своему может искать счастья. Сын фермера может сделаться президентом республики; бедный малый сегодня станет миллионером через тридцать или сорок лет, а внук миллионера к тому времени, по всей вероятности, будет бедняком. Чего еще больше желать? Есть у человека энергия, трудолюбие, благоразумие и предусмотрительность, и он может достигнуть богатства и почестей. Нет у него к тому способности, и он не должен сетовать на тех, у кого она есть. Если некоторые много получают, а мало делают, то это потому, что они или их родители обладали высшими способностями, давшими им возможность «приобрести собственность» или «нажить состояние». Если другие должны много трудиться, а довольствоваться малым, то это потому, что они еще не встали на свою дорогу, потому, что они невежественны, грубы и неспособны быть настолько бережливыми, насколько это нужно для первоначального накопления капитала, — или потому, что отцы их не имели должных качеств. Неравенство состояний вытекает из неравенств в человеческой природе, из различий в силах и способностях разных людей. Если одному приходится трудиться десять или двенадцать часов в день, чтобы получать несколько сот долларов в год, тогда как другой, работая мало и не делая никакого трудного дела, получает по несколько тысяч, то это потому, что первый содействует увеличению общего запаса богатства только лишь силою своих мускулов. Он может рассчитывать на немногим большее, чем животное, потому что силы, которые он пускает в ход, мало чем отличаются от сил животного. Он не более, как рядовой, в рядах великой армии работников, который идет или останавливается, смотря потому, что ему приказывают. Тогда как другой является организатором, военачальником, который руководит и управляет всей великой машиной, который должен взвешивать,

предусматривать; и его большой доход только лишь соразмеряется с несравненно более высокими и редкими качествами души, которые он проявляет, и с несравненно большей важностью того дела, которое ему поручено. Разве образование не должно вознаграждаться и искусство не должно давать преимуществ? Какое побуждение было бы к труду, необходимому для изучения какого-либо дела, если бы дело это не давало преимуществ изучившим его? Оплачивать труд Рафаэля или Рубенса так, как оплачивается труд маляра, значило бы не только совершать тяжкую несправедливость в отношении их, но и препятствовать развитию высоких дарований. Уничтожать неравенство состояния значило бы уничтожить побуждение к совершенствованию. Восставать против этого неравенства значило бы идти против законов природы. С неменьшим правом мы могли бы осуждать также различия в продолжительности дня, ругать фазы луны, сетовать на то, что есть горы и долины, пояса тропической жары и области вечного льда. И если бы мы путем насилия разделили поровну богатство, то мы все равно ничего по сделали бы хорошего; короткое время спустя образовалось бы неравенство не меньшее, чем прежде.

Таково, в сущности, учение, которое мы постоянно слышим. Одни принимают его потому, что оно льстит их самолюбию, отвечает их интересам или питает их надежды; другие — потому, что им прожужжали этим учением все уши. Подобно всем ложным теориям, получившим широкое распространение, оно содержит в себе не мало истинного, но это истинное оторвано от других истин и приправлено ложью.

Пытаться выкачать воду из корабля с пробитым дном — безнадежно; но отсюда нельзя сделать того вывода, что не надо заделывать пробоин и выкачивать воды. Неоспоримо, что при теперешних условиях, неравенство состояний стремилось бы восстановиться даже и тогда, когда оно было бы насильственно выравнено на короткое время; но это не доказывает, чтобы условия, которые поддерживают это стремление к неравенству, не могли бы быть изменены. Нельзя утверждать и того, чтобы существующее неравенство обуславливалось различием между людьми в силах и способностях. Я знавал очень быстрых и очень медленных наборщиков; однако, самый быстрый из всех, виденных мною, наборщиков не мог набирать вдвое быстрее, чем самый медленный, и я очень сомневаюсь, чтобы существовали большие различия в других

промыслах. Между нормальными людьми разница в одну шестую или в одну седьмую считается большой разницей в росте, а самый высокий из великанов, когда-либо существовавших, был едва ли более, чем в четыре раза, выше самого низкого из карликов, и сомнительно, чтобы внимательный наблюдатель пришел к заключению, что в умственном отношении между людьми есть больше разницы, чем в физическом. Однако у нас есть уже люди во сто миллионов раз более богатые, чем другие.

Что тот, кто производит, должен получать, а тот, кто сберегает, должен накапливать — это согласно с разумом и естественным порядком. Однако существующее неравенство состояний не может быть оправдано на этом основании. На самом деле, о скольких крупных состояниях можно честно сказать, что они нажиты были от праведных трудов? Сколь многие из них представляют богатство, произведенное их обладателями или людьми, от которых получили их теперешние обладатели? Не содействовало ли формированию их что-нибудь еще, помимо большого искусства и трудолюбия? Качества эти могли кое-что значить только в начале, но тогда, когда у людей уже насчитываются миллионы, им всегда помогают какие-нибудь монопольные захваты, какое-нибудь присвоение богатства, произведенного другими. Часто совсем отсутствует преимущество трудолюбия, искусства или самоограничения, а есть только больше удачи или больше неразборчивости в средствах.

Один из моих знакомых умер недавно в Сан-Франциско, оставив \$4.000.000, которые пойдут к его наследникам, разыскиваемых в Англии. Я знал много людей, более трудолюбивых, искусных и воздержных, чем он, которые не оставили или не оставят после себя ни цента. Он нажил свое богатство не благодаря своему трудолюбию, искусству или воздержанию. Он не более произвел его, чем его счастливые родственники в Англии, которые могут теперь проводить в праздности весь остаток своей жизни. Он стал богачом благодаря тому, что занял некогда участок земли в Сан-Франциско, который с ростом этого города приобрел огромную ценность. Его богатство представляет не то, что он заработал, а то, что монопольное владение этим участком давало ему возможность присваивать из зарабатываемого другими людьми.

Также в Питсбурге умер не так давно один человек, оставив \$3.000.000. Он мог быть или не быть особенно трудолюбивым,

искусным или бережливым, но не в силу этих качеств он сделался таким богачом. Он сделался им потому, что побывал в Вашингтоне и сумел, где следует, добиться постановления конгресса, которое, «оказывая защиту американским рабочим от европейского нищенского труда», давало ему выгоды 60%-го таможенного тарифа. До самой смерти своей он оставался ярким протекционистом и говорил, что свободная торговля уничтожит нашу «зарождающуюся промышленность». Очевидно, что те \$3.000.000, которые он получил от своего херувимчика «зародившейся» промышленности не представляли прибавки с его стороны к производству. В них выразилось лишь преимущество, полученное им от тарифа, который дал ему возможность присваивать заработок других людей.

Этот элемент монополии, присвоения и грабежа окажется, при ближайшем исследовании, всюду одним из важнейших факторов, создающих крупные состояния.

Есть два класса людей, которые постоянно говорят о крупных состояниях так, как будто они являются следствием силы прироста, присущей капиталу: люди, которые утверждают, что существующий общественный порядок вполне хорош, и люди, которые ругают капитал и настаивают на уничтожении процента. Типичным богачом для людей первого класса является человек, который, сберегая зарабатываемое им, посвящает свои сбережения делу содействия производства и богатеет благодаря естественному росту своего капитала. Люди второго класса исчисляют по правилу сложных процентов огромную сумму, в какую превратился бы рубль через сто лет, и затем говорят, что надо отменить процент, чтобы предупредить рост крупных состояний.

Однако, я думаю, трудно было бы представить хотя бы один пример крупного состояния, обязанного своим существованием действительно законному росту капитала, приобретенного благодаря трудолюбию.

Огромное состояние Ротшильдов ведет свое начало от сокровищ, полученных ландграфом гессенским при продаже своего народа Георгу III, в подмогу ему, в качестве ненавистных гессенцев нашей революции, в борьбе тирании против наших дедов. Зерном его были кровавые деньги, полученные мелким тираном от крупного, как плату за жизнь своих подданных. А оно разрослось до своих теперешних огромных размеров благодаря ссудам из него европейским королям на удержание в подчинении их подданных и на ведение

опустошительных войн между собою. Оно так же мало может считаться созданием труда или капитала, как те суммы, которые выжимаются теперь Англией из задавленных бедностью египетских крестьян для уплаты огромных процентов по займам хедива, которые тот расточил на дворцы, яхты, гаремы, балет и бриллианты.

Огромное состояние герцога Вестминстерского, богатейшего из богатых людей Англии, является всецело плодом присвоения. В нем заключается не больше труда его владельца или его предков, чем в тех огромных состояниях, которые образовались в России в то время, когда русские монархи награждали своих приближенных, раздавая им тысячами русских крестьян. Какой-то английский король, давно уже умерший, подарил какому-то предку теперешнего герцога Вестминстерского участок земли, который вошел теперь в состав Лондона, — другими словами, наградил его привилегией, до сего времени еще признаваемой глупым английским народом, дающей возможность теперешнему герцогу присваивать себе столько-то заработка у стольких-то тысяч ныне живущих англичан.

Подобным же образом огромные состояния английских пивоваров и производителей виски составились главным образом благодаря содействию акциза устройству монополий и концентрации дела.

Или, обратившись вновь к Соединенным Штатам, возьмите огромное состояние Асторов. Оно представляет собой, большею частью, такое же присвоение заработка других, как доход герцога Вестминстерского и других английских землевладельцев. Первый Астор вошел в какое-то соглашение с людьми, жившими в его время, и в силу этого соглашения детям его позволяется теперь облагать налогом других людей, — отбирать значительную часть заработка у многих тысяч теперешнего населения Нью-Йорка. Главным элементом, образовавшим это состояние, было не производство и не сбережение. Ни одно человеческое существо не может произвести или накопить земли. Если бы все Асторы оставались в Германии или если бы никогда не было никаких Асторов, земля под Нью-Йорком все равно была бы там, где она есть, и такую же, какова она есть.

Возьмите огромное состояние Вандербильта. Первый Вандербильт был лодочник, который зарабатывал тяжким трудом деньги и сберегал их. Но не работа и не сбережение дали ему возможность составить такое крупное состояние, а грабеж и монополизация. Лишь только у него набралось достаточно денег, как он стал пользоваться ими, как

палкой, для выколачивания из людей их заработка. Он душил конкурировавшие с ним компании и всецело захватывал в свои руки линии пароходных сообщений, затем занялся железными дорогами, следуя тем же приемам. Состояние Вандербильтов ведет свое начало от труда и сбережения не в большой мере, чем состояние, зарытое в землю удалым предводителем пиратов капитаном Кидом.

Или, возьмите огромное состояние Гульда. Гульд мог положить ему начало благодаря своему большому трудолюбию и большей умеренности. Но не они сделали его обладателем сотен миллионов, а железнодорожные компании, подкупы судей и законодателей, устройство стачек и соглашений с целью поднятия и понижения биржевых ценностей и перевозочных тарифов.

То же можно сказать об огромных состояниях, созданных Тихоокеанскими железными дорогами. Они составились благодаря щедрой раздаче земель и народных денег подкупленным конгрессом, благодаря операциям разных Credits Mobiliers и других подобных компаний, благодаря монополиям, захватам и обманам. То же можно сказать и о состояниях, созданных такими учреждениями, как Главное общество для торговли минеральными маслами, Союз производителей бессемеровской стали, Союз производителей виски, Союз спичечных фабрикантов и разными другими союзами для защиты американского рабочего от «нищенского труда Европы».

Или, возьмите состояния, нажитые на удачных патентах. Они, подобно состояниям, наживаемым благодаря возрастанию цен на землю, всецело образуются благодаря монополии, простой и ясной. И заметим мимоходом, не касаясь целесообразности законов о патентах, что в огромном большинстве случаев от патентов наживаются не те люди, которые делают изобретения.

Во всех крупных состояниях и, в сущности, почти во всех приобретениях, к которым в наше время может быть применено название состояния, можно усмотреть эти элементы монополии, грабежа, обмана, спекуляции. Глава одной из крупнейших мануфактурных фирм в Соединенных Штатах говорил мне недавно: «Мы наживаем деньги не на наших обычных делах; мы наживаем их лишь там, где нам удастся монополизировать дело». И это, мне думается, общее правило.

Посмотрите, какое огромное участие в образовании состояний принимал, и в Соединенных Штатах принимает, рост цен на землю. А тут мы имеем дело, конечно, с монополией, простой и ясной. Если

земля растет в цене, то не потому, что ее собственник что-либо прибавляет к общему богатству. Он мог никогда не видеть ее, и даже препятствовать улучшениям. Он мог, как это часто и бывает, жить где-нибудь в другом городе или даже другой стране. Возрастание цен на землю просто означает то, что собственники земли, в силу присвоения ими того, что существовало ранее человека, получают возможность брать себе большую долю богатства, производимого трудом других людей. Посмотрите, как содействуют сосредоточению богатства в руках немногих более бессовестных людей монополии и привилегии, которые поддерживаются нашим таможенным тарифом и нашей системой налогов; посмотрите, как содействуют концентрации богатства железные дороги (монополии, по самой сущности своей), телеграфы, предприятия по устройству газового освещения и водоснабжения и т. п.; посмотрите, как помогают образованию крупных состояний специальные железнодорожные тарифы, разного рода союзы промышленников и синдикаты, их стачки, биржевые махинации и расточительные, в конце-концов оплачиваемые тем же народом, приемы борьбы с конкурентами и другие особенности ведения промышленных дел в наше время, — и вам во всяком случае станет ясно, что неравенство в распределении богатства зависит в значительной мере от прямого грабежа; что причина, почему много работающие получают так мало, а мало работающие получают так много, в весьма значительной мере обуславливается тем, что заработок одних так или иначе отнимается у них и прибавляется к доходам других.

То, что отдельные лица постоянно пробиваются из рядов тех, которые получают менее, чем зарабатывают, в ряды тех, которые получают более, чем зарабатывают, оправдывает такое положение дел не более, чем тот факт, что матросы торговых судов нередко становились пиратами и участвовали в выгодах морского разбоя, оправдывал бы разбой и доказывал бы, что не нужно принимать никаких мер для его подавления.

Я не хую богачей и, говоря это, не хочу возбудить к ним зависть или злобу; но, желая составить себе ясное представление об общественных задачах, мы должны признать факт, что если одни люди имеют возможность достигать такого огромного богатства в то время, как другие остаются в такой ужасной бедности, то зависит это от монополий, которые мы допускаем и создаем, от преимуществ,

какие мы даем одному человеку над другими, от приемов вымогательства, которые мы санкционируем законом и общественным мнением. Если мы оглянемся вокруг себя и отметим элементы монополии, вымогательства, грабежа, содействующие образованию всех или почти всех состояний, то, с одной стороны, нам станет ясна вся недобросовестность тех людей, которые, проповедают нам, что нет никакой неправды в общественных отношениях и что неравенство в распределении богатства вытекает из наших природных неравенств, а с другой, мы поймем всю дикость тех, которые толкуют, будто капитал есть враг общества, и предлагают планы законодательных препон к приобретению богатства. Капитал — благо, и капиталист — полезный член общества, если только в то же время он не монополист. Мы можем без опасения предоставлять каждому делаться таким богатым, каким он может, если он не будет при этом грабить других.

Есть тяжкая неправда в теперешнем строе общества, но эта неправда не присуща природе человека или тем социальным законам, которые являются такими же законами Творца, как законы физического мира. Неправда эта обуславливается теми плохими порядками, которые в нашей власти исправить. Идеальным общественным строем будет не тот, при котором каждый будет получать равную с прочими долю богатства, а тот, при котором каждый будет получать соответственно тому, насколько он содействовал накоплению общего запаса. И при таком общественном строе будет не меньше побуждений к труду, а несравненно больше. Чтобы люди были более трудолюбивыми и нравственными, лучшими работниками и лучшими гражданами, надо сделать так, чтобы каждый получал зарабатываемое им и приносил его в свою семью, а не так, чтобы заработок людей собирался в кучу и потом проводился бы розыгрыш собранного, после которого у одних оказывалось бы несравненно больше того, сколько они могли заработать, а у других или меньше или ничего.

ГЛАВА VII.

Является ли наш мир наилучшим из всех миров?

Есть миры и миры — даже в пределах одного и того же горизонта. Человек, который приезжает в Нью-Йорк с кучей денег и останавливается в каком-нибудь первоклассном отеле, видит один Нью-Йорк. Человек, который является туда с тремя долларами и занимает номер за 50 центов, видит другой. А есть еще номера за 30 центов и люди, для которых дороги даже и эти.

По душистой аллее парка, в ярком сиянии майского дня, несется на английском скакуне дочь железнодорожного магната; изящное платье ее красиво относится ветром от ее пегого лоснящегося коня, а ее грум в форменной фуражке, в сапогах с отворотами и нарядном новом пиджаке, скачет за нею, на почтительном от нее расстоянии, на другом чистокровном коне, упрямо кусающем удила. Навстречу ей едет крупной рысью сын биржевого игрока, подпрыгивая в седле на английский лад, держа английский хлыст на середине; он поднимает шляпу в ответ на ее кивок. А вот раскланивается с нею благородный господин, едущий в одноконной коляске с ливрейным лакеем, сидящим позади экипажа со скрещенными на груди руками; его предки были немецкими огородниками, и их огород, застроенный теперь высокими зданиями, превратился во владение, приносящее вполне барский доход. В мягком, теплом воздухе слышится звук рога, и показываются клубские четверни с ливрейными лакеями и смеющимися нарядными людьми, для которых жизнь, с ее нескончаемыми балами, поездками, театрами, ухаживаниями и путешествиями, представляется сплошным праздником, во время которого можно было бы затосковать от пресыщения, если бы не изобретались новые удовольствия.

Как непохож этот блестящий мир на мир старой женщины, которая сидит с утра до вечера на пыльной улице за своим лотком с яблоками и пряниками; на мир девушек, которые стоят целые дни за прилавками или станками, которые гнут нескончаемые часы за швейными машинками или выходят по вечерам торговать своим телом!

Один железнодорожный царек передаст свои огромные владения заведыванию сатрапов и отправляется в Европу; для другого, не щадя расходов, отделяется новая стальная яхта на случай кругосветного путешествия, в которое, может быть, он отправится; третий не поедет

за границу — слишком занят скупкой акций какой-то железной дороги, которую ему удалось прибрать к своим рукам. Совсем другие человеческие существа собираются в церкви румяного и выхоленного проповедника послушать о доле, назначенной им от Господа Бога. какие у них мрачные мертвенные лица, как мало огня в их глазах, как мало надежды в их взорах, — это «бродяги», «золоторотцы», подонки нашей цивилизации, парии культурного человечества.

Как-то вечером я шел по главной улице Нью-Йорка, и у великолепного дома человека, который убил Джима Фиска*, встретил своего приятеля, доброго малого, которого я знал еще в Калифорнии, когда у него в кармане, по американскому выражению, никогда не звенело двух долларов в кармане. Теперь не то, и платя за дорогие сигары, которые мы закуриваем, он вынимает из кармана целую пачку денег. Он живет в одном из лучших отелей Нью-Йорка, первый портной в городе шьет на него платье, а порядочный обед он находит только в самом дорогом ресторане. Он рассказывает мне о разных крупных предприятиях, в которых он участвует, и говорит о миллионах так, как будто это фантики. Если у человека есть ловкость, замечает он, то ему будет так же легко справляться с крупными делами, как с мелкими: когда вы встанете рядом с крупными воротилами, вы поймете, что они отнюдь не предприимчивее других людей. Относительно политики он держится того мнения, что в ней главное иметь своих людей там, где нужно. Разного рода компании владеют страной и овладевают ей, и глуп тот, кто сторонится от них. Что касается народа, то что он видит, что он понимает? Газеты повелевает народом, а капитал повелевает газетами. Лучше травить с собаками, чем быть затравленным вместе с зайцами.

Мы расстаемся, но на повороте со мной здоровается другой мой знакомый; разговор его заинтересовывает меня, и я провожаю его в сторону от моей дороги, так как грех было бы задерживать его: в два часа утра он должен уже встать на работу. Он пытался читать «Прогресс и Бедность», но, говорит, читать ему приходилось только урывками и в таком шуме — живет он в двух комнатках с кучей детей, которых жена не выпускает на улицу, боясь, чтобы они не научились разным гадостям, — что ему было крайне трудно понять некоторые части книги. Он пекарь и работает поденно в очень хорошем месте.

---

* Джим Фиск (1834-1872) — американский финансист, сколотивший состояние на фондовом рынке и замешанный в финансовых аферах.

Он пекарь при ресторане, и работает лишь двенадцать часов в день. Большинство пекарей, по его словам, работает по четырнадцать и по шестнадцать часов в сутки. Есть такие места, на которых выдерживают работу лишь очень привычные к ней, да и те со временем принуждены бывают оставлять ее, или пьют, — иначе не выдержать. В некоторых булочных, рассказывает он, используют хорошую муку, но это приводит к высоким ценам на продукцию, которые по карману только богатым. В большинстве же пекарен приходится отсеивать червей от муки, и масло используют всегда прогорклое. Он принадлежит к профсоюзу, и он старается привлечь к нему всех поденных пекарей; но, оказывается, всего труднее привлечь к нему тех пекарей, которые всего более имеют в нем нужды, работая всех дольше. Они тупеют от долгих часов работы и всякие духовные интересы становятся им чужды. Он пытался начать самостоятельное дело, скопив с женой путем многих лишений, несколько сот долларов. Завел маленькую пекарню, но у него не хватило средств, чтобы вступить в пекарный союз, составленного из хозяев-пекарей и продающего муку своим членам по дешевым ценам, — он оказался не в состоянии выдерживать конкуренцию, потерял все свое состояние и снова должен был пойти на поденную работу. Выбраться из нее, по его словам, у него нет надежды, и ему кажется иногда, что он так же хорошо мог бы быть рабом. Его семья все растет и ему все дороже обходится ее содержание. Первого мая на два доллара повысилась плата за квартиру. Жена его пошла к управляющему, говорила ему, что их зарплаты не увеличиваются, а расходы растут. Но тот отвечал, что он тут не при чем; что дома повысились в цене и, стало быть, должна повысится квартирная плата. А если они жалуются на нее, то потому, что живут не по средствам, хотят, чтобы и у них было все, что видят у людей. Чтобы быть сытым и здоровым достаточно одной овсянки. Питались бы ей, вот и не жаловались бы на домохозяев.

За Атлантический океан все эти дни так много отправляется народа, что трудно достать билет на место в каюте даже за месяц и за два вперед. Двери прекрасных просторных домов на барских улицах скоро будут заколочены досками, т. к. их обитатели уедут скоро в Европу, на морской берег или в горы. «Ведь, все уезжают», будут говорить они. Но, нет, не все. Порядка 1,3 миллиона людей, не считая Бруклина, останутся здесь, чтобы задохнуться от жары. Переполненные многоквартирные дома не будут заколочены досками; каждое окно, каждая дверь распахнется в них настежь,

чтобы хоть немножко облегчить дыхание. Грязные улицы покроются убогими бедняками и огласятся шумными играми нечесанных детей, которые никогда не видали зелени полей и не слышали прибоя волн, — если только им не случилось попасть на какую-нибудь экскурсию, организованную благотворителями. Усталые женщины будут успокаивать своих плачущих младенцев, страдающих от недостаточного питания и плохого воздуха, и унижение и нищета, которые прячутся зимою, станут обнаруживаться на каждом шагу.

В таком городе, как этот, мир некоторых людей отличается от мира, в каком живут другие люди, быть может, не менее, чем Юпитер отличается от Марса. Есть миры, от которых мы закрываем свои глаза, о которых мы стараемся не думать, которых мы боимся даже издали, и тем не менее в которых живут люди, — миры, в которых порок заступает место добродетели, из которых кажется навсегда изгнанной надежда, — бездны нечестия и страдания, скотского огрубения и бессмысленной жестокости.

«Зачем они требуют хлеба?» — спрашивала невинная французская принцесса в то время, как на дворе Версальского дворца гудела освирепевшая толпа. «Если у них нет хлеба, то почему же они не едят пирожные?»

Однако не душой из дур была эта милая принцесса, никогда за всю свою жизнь не слышавшая о том, что пирожные не являются к людям, лишь только их пожелают. «Почему бедняки не сделаются трудолюбивыми, добродетельными, мудрыми и воздержными?» — слышишь всегда в богатых домах, когда речь заходит о положении низших классов. Что это, как не тот же вопрос французской принцессы. Трудолюбие, добродетель, мудрость и воздержание — плохие спутники бедности.

Но мне хочется сказать здесь не об этом, а о том самодовольстве, которым проникнута текущая литература и мысль, — будто этот мир, в котором живем мы и наши современники, христиане, американские граждане и гражданки, по крайней мере по его общественным порядкам, есть приблизительно такой мир, каким предназначал ему быть Всемогущий.

Некоторые прямо выражают это, другие — лишь допускают это в своих рассуждениях, но это всюду признается в той или другой форме. Даже чудесные изобретения нашего времени, среди наиболее

влиятельной части общества, едва ли поколебали веру в невозможность общественных улучшений. Люди того класса, который не так давно смеялся над мыслью о том, будто паровые экипажи могут двигаться по земле, а паровые суда ходить по воде, теперь не откажутся поверить в самые поразительные механические изобретения. Но тот, кто скажет, что общественная жизнь может быть улучшена, что бедность и жадность могут быть изгнаны из мира, того признают в кружках, гордящихся своей культурой и образованием, за мечтателя, если не за опасного помешанного.

Старая мысль, что все в общественном мире установлено Божественной Волею, — что таинственное назначение Провидения дает богатство немногим и делает бедность уделом большинства, ставить одних правителями и закрепощает других, — теряет свою власть над умами людей, на место ее заступает другая мысль, служащая той же цели, и нам говорят от имени науки, что если возможно какое общественное улучшение, то только путем медленного развития расы, при котором главной движущей силой является жестокая борьба за существование, что, — как выражается один писатель, переходя, в недавно попавшейся мне журнальной статье, от проповеди того, что он называет христианством, к изложению того, что он называет политической экономией, — что, «только *élite* — избранные, цвет общества — поднялся до той точки, когда разум и совесть могут вполне обуздывать более низкие побуждения», что пределом достижимого для всех нас, за редкими исключениями, бывает в лучшем случае прожить свой жизненный срок, уплатить свои долги, поставить на ноги троих или четверых детей и на этом кончить свой счет. Что же касается «друзей человечества», и тех, которые желали бы «помочь беднякам», то к ним он относится с тем же прозрением, с каким девятнадцать веков тому назад книжники и фарисеи относились к зачумленному общественному преобразователю, которого они в конце концов распяли.

Опорой всех таких теорий бывает себялюбие, препятствующее исследованию прав на богатства, собранные жадностью, и трудность для зажиточных классов, или нерасположение, допустить существование какого-либо иного мира, непохожего на тот, какой они привыкли представлять.

«Одна половина света не знает как живет другая,» — это с большим основанием можно сказать о верхней, чем о нижней

половине. На том, что им нравится, люди останавливаются более, чем на том, что им неприятно. Молоденькая продавщица улаживает повествованием о любви лорда такого-то к леди такой-то совершенно так же, как уличные дети видом конфет на витрине кондитерской, как голодные люди рассказами о пиррах или бедняки — сказками о неожиданно приваливших богатствах. А страдание по большей части скрывается в обществе. Хорошо одетый идет большой улицей, люди в рублище пробираются где-нибудь переулками. Человека в хорошем пальто внимательно слушают там, откуда вытолкали бы его, будь он в лохмотьях. И именно та часть общества, у которой есть полное основание быть довольной тем, что есть, имеет голос в печати, в церкви и в школе, и она то и пускает в ход составленное ею мнение, будто этот мир, в котором живем мы, американские христиане, в этот век просвещения, мало чем уступает тому, чем предназначал ему быть Создатель, если только был Создатель.

Но оглянитесь кругом. Всюду в цивилизованном мире красота, блеск и слава цивилизации держатся на человеческих жизнях, истерзанных и попранных.

Я не говорю о Германии, Франции или Англии. Посмотрите здесь, в Америке, где европейская цивилизация развивается на свободе и просторе нового континента, где нет королей, нет постоянных армий, нет остатков феодального крепостничества, где национальное существование началось с торжественного провозглашения равных и неотчуждаемых прав человека.

Я выписываю известие из газет, — почти первое попавшееся мне на глаза известие, ибо я не стараюсь сгущать красок:

«Маргарита Гиккей, тридцатилетняя женщина, приехала в Нью-Йорк из Бостона несколько дней тому назад с семинедельным ребенком. Она пыталась найти для себя работу, но безуспешно. В субботу вечером она положила ребенка в подвал на одной из отдаленных улиц города. В полночь она явилась в центральное полицейское управление и заявила, что она потеряла своего ребенка, а как на место, где она его потеряла, указала на соседнюю улицу. Тем временем ребенок был найден одним из полицейских офицеров. Мать была задержана, препровождена вчера в суд и отослана на шесть месяцев в тюрьму».

Утром и вечером, изо-дня в день, во времена мира и благоденствия, читаем мы в газетах известия такие, как это, и худшие, чем это. Мы так привыкли к ним, что они не останавливают на себе нашего

внимания и не вызывают рассуждений. Мы знаем, какова будет судьба Маргариты Гиккей, тридцати лет, и ее семинедельного ребенка, отправленных в тюрьму на шесть месяцев. Лучше было бы им, да и лучше было бы для всего общества, если бы их попросту утопили, как мы топим ненужных кошек и слепых котят; но так обыкновенны такие известия, что мы останавливаемся на них не более, чем на отчетах о призовой стрельбе в голубей, и обращаемся затем к известиям о том, что делается в свете, — о последней новой опере или драме; о дачах, снятых на лето там-то и там-то; о бракоразводном процессе какого-то миллионера и крупной растрате какого-то чиновника, об предстоящем отлучении от епископальной церкви Хиберы Ньютона за то, что он назвал Песнь Песней любовной драмой, а историю Ионы с китом поэтической вольностью, или о том великом деле, какое будет решать на следующий год американский народ при выборах, могущих заменить чиновников-республиканцев чиновниками-демократами.

Я читал недавно в одной бруклинской газете отчет судебной комиссии, собравшейся, согласно требованиям закона, для исследования смерти двухдневного ребенка. В вонючей комнате не было ничего, кроме сломанного стула, грязной постели и пустой бутылки виски. На постели лежала, без всякого ухода, молодая девушка; на стуле, и в пьяном оцепенении, храпел человек — ее отец. «Пораженная ужасом комиссия, — гласит отчет, — сделала постановление, отвечающее фактам, и поторопилась удалиться из этого места». Мы бежим от этих ужасов. С ними считаются полицейские, участки, больницы и благотворительные общества...

Однако мы посылаем миссионеров к язычникам, и я читал недавно о миссионерах-баптистах, отправившихся проповедывать евангелие в Индию. Их миссия была профинансирована за счет разницы между курсами доллара и рупии благочестивыми господами, которые остались дома и занимались финансами. Но где на земле, от Северного и до Южного полярного круга, надо искать язычников, среди которых были бы такие униженные и искалеченные человеческие существа, на каких мы наталкиваемся на каждом шагу в центрах нашей, так называемой, христианской цивилизации, где мы питаем такое уважение к всеведению Бога, что бегаем с заднего крыльца в кабаки, когда нам хочется выпить в воскресенье? Среди каких диких племен, никогда не видавших миссионера, возможно что-либо, превосходящее ту изошренную жестокость, о какой повествует

нам комиссия, ревизовавшая Массачусетский дом призрения. «Дети обыкновенно не живут здесь долго», говорили там жене одного фермера, принесшей туда подкидыша. И, действительно, они не жили. В несколько недель из 74 умерло 73 младенца, при чем их маленькие тельца продавались патологоанатому оптом по столько-то долларов за дюжину. Шестимесячный ребенок, попав туда, за два дня потерял в весе три фунта. Не дольше жили там и взрослые люди, несчастные старики и старухи, искавшие там прибежища. Их грабили, морили голодом, били и в короткое время превращали в продажные мертвые тела, тогда как высокоуважаемые управители этого заведения жирели и богатели, угощая ревизоров роскошными обедами с дорогими винами. Было бы обидой для зверей, называть зверством то, что было раскрыто в этом ужасном пристанище. Однако массачусетские представители богатства, культуры и высоких нравственных идеалов не только отнеслись с полным хладнокровием к этим разоблачениям, но и жестоко преследовали человека, сделавшего их, как будто пролитие света на такие ужасы, а не устройство их, было непрослительным грехом. Ведь это были только призреваемые! И я читал в нью-йоркской «Трибуне», что все, сообщавшееся массачусетскими газетами об этом доме призрения, есть «не более, как общий удел призреваемых в заведениях такого рода всюду в нашей стране».

Или, возьмите разоблачения, сделанные этой зимой следственной комиссией по поводу истязаний, производимых в нью-йоркской тюрьме. Система тамошняя осталась неизменной; даже никто из служащих не был уволен. Очевидно, что в нашем обществе господствует убеждение, которое было недавно выражено одним из наших профессоров такими словами: «преступник не имеет никаких прав перед обществом. Что может быть сделано с ним есть всецело вопрос целесообразного выбора средств!» Я очень сомневаюсь, чтобы наши миссионеры, отправляющиеся к язычникам, когда-либо читали американские газеты. Во всяком случае, они не будут читать их язычникам.

Все это следствия общественного недуга. Преступники, люди, живущие общественной благотворительностью, проститутки, женщины, бросающие своих детей, люди, кончающие самоубийством в отчаянии добыть себе пропитание, огромные армии нищих и воров, указывают на существование обширных классов населения, которые, невзирая на тяжесть труда, едва-едва сводят концы с концами. Так оно

и есть на самом деле. «У нас, в Нью-Йорке и Бруклине, — говорил мне как-то один из нью-йоркских судей, — есть множество семей, живущих настолько бедно, что прибавка к ним еще пары детей неизбежно является прибавкой кандидатов в тюрьму или публичный дом». Неполный отчет о благотворительной работе в Нью-Йорке, не заключающий в себе данных о деятельности некоторых крупных благотворительных обществ, насчитывает 36 000 семей, пользующихся пособиями, тогда как определяют, что если бы были поставлены и ряд все дома Нью-Йорка, в которых имеются преступники и люди, получающие милостыню, то получилась бы улица длиной в 22 мили. Одно благотворительное общество стало выдавать этой зимой пособия семействам трехсот портных. Их заработная плата так мала, что им приходится или просить милостыню, или воровать, или умирать от голода.

И такое положение дел не ограничивается только Нью-Йорком. Массачусетское бюро статистики труда доказывает, что среди рабочих, живущих на жалованье (не стажеров), заработок не достигает стоимости проживания; что в большинстве случаев рабочие люди бывают не в состоянии содержать свои семьи на один только свой заработок и отцы принуждены бывают от одной четвертой до одной третьей части своего бюджета восполнять заработком детей, причем от одной восьмой до одной шестой этого бюджета восполняется заработком детей моложе пятнадцати лет. Эмма Браун указывала, как принуждены бывают родители обходить закон, запрещающий труд малых детей, и я читал, как в Пенсильвании, где введен был такой закон, рабочие одной фабрики объявили бойкот лавочнику, родственник которого донес, что к работе допускаются дети моложе тринадцати лет. А из Канады прошлой зимой писали, как работали на тамошних фабриках дети моложе тринадцати лет от шести часов вечера до шести часов утра, поддерживаемые в бодрствующем состоянии особыми надзирателями с плетками.

Иллинойс является одним из богатейших американских штатов. Он едва ли еще достаточно заселен, так как последняя перепись указывает там на перевес мужского населения над женским, и заработная плата там значительно выше, чем в более восточных штатах. В своем последнем отчете бюро статистики труда в этом штате оговаривается, что его данные о заработной плате и стоимости проживания относятся «лишь к образованным рабочим, которые

наилучшим образом пользуются своими преимуществами, а не к тем жертвам безнадежного невежества и нищеты, из которых составляется масса городского населения и положение которых определяется лишь статистикой эпидемий, пауперизма и преступлений». Тем не менее в отчете этом бюро все же приходит к заключению, что половина всех этих интеллигентных иллинойских рабочих «не в состоянии зарабатывать себе своего насущного хлеба и для поддержания своего жалкого существования принуждена обращаться к труду своих жен и детей».

Безумец сказал в сердце своем, что нет Бога. Но как назвать того человека, который скажет, что Бог велит нам быть довольными таким миром?

ГЛАВА VIII.

Мы все могли бы быть богаты.

Слова «богатый» и «бедный», само собой разумеется, очень часто употребляются в относительном смысле. Среди ирландских фермеров, живущих впроголодь из-за тех вымогательств, каким они подвергаются ради содержания в роскоши своих помещиков где-нибудь в Лондоне или Париже, «женщина с тремя коровами считается богачкой, тогда как в обществе миллионеров человек, у которого есть только пол миллиона, признается за бедного. Понятно, что все мы не можем быть богатыми в том смысле, чтобы каждый из нас имел больше прочих.

Но когда говорят, как это часто приходится слышать, что все мы не можем быть богатыми или что бедных мы всегда будем иметь с собой, тогда употребляют слова бедный и богатый не в этом относительном смысле. Тогда понимают под богатыми тех, у которых достаточно или более, чем достаточно, богатства для удовлетворения всех разумных потребностей, а под бедными — тех, у которых его недостаточно.

И вот, употребляя слова в этом смысле, я вступаю в спор с теми, которые говорят, что все мы не можем быть богатыми, с теми, которые провозглашают, что бедные всегда должны быть в человеческом обществе. Я не хочу, конечно, сказать, чтобы все мы могли иметь ряды слуг; чтобы все мы могли друг перед другом щеголять одеждой, экипажами, расточительностью балов или обедов, великолепием домов. Тогда было бы противоречие в терминах. Но я хочу сказать, что все мы могли бы иметь досуг, жизненные удобства и изобилие не только того, что считается необходимым для жизни, но и того, что было бы признано теперь за ее украшение или роскошь. Я не думаю, чтобы возможно было абсолютное равенство или чтобы оно было желательно. Я не думаю, чтобы всем нам нужно было одинаковое количество разных видов богатства. Но я убежден, что все мы могли бы иметь достаточно богатства, чтобы удовлетворять все наши разумные желания; что все мы могли бы иметь столько материальных предметов, из-за которых мы боремся теперь, что никому не было бы нужды грабить или обирать своего ближнего; что никто не мучился бы целые дни и не просыпался бы ночью в страхе, что его может постигнуть бедность, не измышлял бы, как ему приобрести богатство.

Может ли это казаться утопичной мечтой? Что подумали бы люди, пятьдесят лет тому назад, о том, кто стал бы рассказывать им, что

было бы возможно шить паровой силой, пересекать Атлантический океан в шесть дней или весь наш континент в трое суток, получать в Бостоне утром известия из Лондона, посланные оттуда в полдень того же числа; слышать в Нью-Йорке голос человека, говорящего в Чикаго?

Видели ли вы, как бросается стадо свиней к ведру с помоями? Это — человеческое общество, каково оно есть в настоящее время.

Видали ли вы, как обедают вместе, без давки, жадности или обжорства, благовоспитанные люди, знающие, что всем им хватит и старающиеся уступать и помогать друга другу? Это человеческое общество, каким оно могло бы быть.

«Дьявол хватает отставших», — вот девиз нашего теперешнего, так называемого, цивилизованного общества. Мы рано научаемся заботиться лишь о собственной персоне, чтобы она ни в чем не нуждалась, и отнимаем у другого то, что может не понадобится нам. Страх бедности заставляет нас с удивлением относиться к богатству, и вот образуются хищнические привычки, и мы видим жалкое зрелище людей, у которых есть уже больше, чем сколько им когда-либо может понадобится, но которые знай-себе всеми правдами и неправдами умножают свое достояние до дня своей смерти, которая, что бы она ни означала, а во всяком случае означает расставанье со всеми своими земными владениями, как бы они ни были велики.

Напрасна в роскошных храмах в указанное воскресенье читают притчу о богаче и бедном Лазаре. Что может она значить в церквях, в которых приветствовали бы богача, а Лазарю указали бы на дверь? Напрасно проповедники будут толковать о тщете богатства, когда люди, как черта, боятся бедности. Безумная борьба прекратится лишь тогда, когда исчезнет страх бедности. Тогда, и только тогда, станет возможной истинно христианская цивилизация.

И почему бы не быть ей?

Мы так привыкли к бедности, что даже в наиболее развитых странах смотрим на нее, как да естественную участь народных масс. Мы привыкли думать, что даже при нашей наивысшей цивилизации многие слои общества должно испытывать недостаток в средствах, необходимых для здоровой жизни, и что огромное большинство должно тяжким трудом добывать себе жалкое нищенское пропитание. Есть профессора политической экономии, которые учат, что такое положение дел является следствием социальных законов, на которые бесполезно было бы сетовать. Есть служители церкви, которые

проповедуют, что такая жизнь, предназначена была всеведущим и всемогущим небесным Отцом для Его детей! Если бы какой-нибудь архитектор построил театр, в котором лишь одна десятая посетителей могла видеть и слышать, мы назвали бы его прохвостом и шарлатаном. Если бы кто-нибудь устраивал пир и припас бы так мало пищи, что девять десятых его гостей ушли бы домой голодными, мы назвали бы его дураком или еще хуже. Однако мы так привыкли к бедности, что даже проповедники того, что считается у нас христианством, говорят нам, будто великий Зодчий мира, о безграничном искусстве которого свидетельствует вся природа, создал этот мир настолько несовершенным, что огромное большинство человеческих существ, призванных Им к жизни, бывает осуждено, из-за наложенных Им условий, на лишения, страдания и оскотинивающий труд, не дающий никакого простора для развития умственных способностей, — бывает вынуждено проводить свою жизнь в мучительной борьбе из-за одного только существования!

Но кто, оглянувшись вокруг себя, не скажет, что какова бы ли была причина бедности, и она во всяком случае зависит не от скупости природы, что только слепота или кощунство могут приписывать воле Бога ту тяжкую жизнь, как какую осуждена народная масса.

Если у некоторых нет достатка, чтобы жить благопристойной жизнью, то разве другие не имеют больше, чем сколько им действительно нужно? Если нет достаточно богатства, чтобы хватило его на всех, чтобы все жили в довольстве, то разве потому, что мы достигли предела в его производстве? Использована вся наша земля? Расходуется весь наш труд? Применяется весь наш капитал? Напротив, куда бы мы ни поглядели, везде увидим мы самое безрассудное расточение производительных сил, — производительных сил настолько могущественных, что если бы они шли на дело, то богатства производилось бы более, чем достаточно для всех. Есть ли какое-нибудь производство, которое достигало бы своего предела? Есть ли хоть один товар, которого мы не могли бы производить несравненно более, чем теперь?

Если большая доля жителей Нью-Йорка теснится в вонючих комнатах огромных домов с маленькими квартирами, то не потому, чтобы не было в городе и его окрестностях достаточно земли, на которой можно бы было построить отдельные дома для каждой семьи. Если переселенцы направляются в Монтану, Дакоту и Манитобу, то не

потому, чтобы не было простора необрабатываемых полей несравненно ближе к центрам народонаселения. Если фермер платит четверть, треть и даже половину урожая за привилегию получить землю для обработки, то не потому, чтобы не было, даже в наиболее заселенных наших штатах, огромного количества земли, которая никогда еще не подвергалась обработке. То, что бедность обуславливается не невозможностью производить более богатства, мы можем видеть и из повсеместных жалоб на избыток готовности производить перед возможностью находить сбыт, и из постоянных опасений за то, что будет произведено слишком много, а не мало. Разве мы не поддерживаем высокого таможенного тарифа и не содержим целую орду таможенных чиновников из боязни, как бы народы других стран не наводнили нас своими товарами? Разве не стоит подолгу без движения значительная часть наших станков? Разве не видим мы даже во времена, так называемого, промышленного бума, огромной массы безработных, которые с радостью принялись бы за работу, если бы имели возможность? Разве мы не слышим, даже теперь, отовсюду о затруднениях, испытываемых как раз из-за избытка производительных сил, и о стачках, направленных к сокращению производства? Углепромышленники по взаимному соглашению сокращают добычу угля; металлургические заводы стоят или работают лишь наполовину; водочные заводы сократили производство вдвое, а сахарные — на шестьдесят процентов; писчебумажные фабрики приостанавливаются на один, на два и на три дня в неделю; рогожные фабриканты, на последнем митинге, согласились остановить свои фабрики до значительного сокращения имеющихся запасов на рынке; к тому же решению пришли и многие другие фабриканты. Машинное производство обуви в Новой Англии, говорят, за шесть месяцев полной работы могло бы удовлетворить весь спрос Соединенных Штатов за целый год; резиновые мануфактуры могли бы производить вдвое более, чем сколько в состоянии поглотить рынок.

Это кажущееся переполнение производства, этот кажущийся избыток производительных сил, обнаруживается во всех отраслях промышленности и замечается всюду в цивилизованном мире. От черной смородины, бананов и яблок до океанских пароходов и зеркал, едва ни найдется какой-нибудь предмет, который не мог бы производиться в несравнимо большем, чем теперь, количестве, ни мало не уменьшая производства чего-либо иного.

Это настолько очевидно, что многие так-таки и думают и говорят и пишут, что вся беда в том, что нам приходится хлопотать, чтобы на всех хватало работы. Мы постоянно боимся, чтобы другие нации не сделали для нас того, что мы можем сделать для себя сами, и, чтобы предупредить это, ограждаем себя тарифом. Мы называем благодетелями общества тех, которые «создают рабочие места». Мы постоянно выражаемся так, будто бы это создание рабочих мест является величайшей милостью, какую только можно оказать стране. Послушаешь, что говорят и пишут об этом, и начинает казаться, что бедность проистекает оттого, что для многих не хватает работы, и что если бы Создатель сделал скалы более твердыми, почву менее плодородной, железо столь же редким, как золото, а золото — как бриллианты, или если бы почаще тонули суда и горели города, то было меньше бедности, потому что больше было бы работы.

Лондонский мэр заявляет депутации от безработных, что нет спроса на их труд, и что единственный выход для них — рабочий дом и переселение. Английское правительство выселяет из Ирландии здоровых и крепких мужчин и женщин с целью избежать содержания их за счет общественных средств. Даже здесь, в Америке, постоянно имеется значительное число, а при экономическом кризисе, — и очень значительное число, людей, ревностно ищущих работу — возможности отдавать труд за предметы, произведенные трудом.

Быть может, ничто с большей ясностью не доказывает огромности производительных сил, как тот факт, что временем наибольшего процветания всех отраслей промышленности, какое когда либо знала наша страна, была Гражданская война, когда мы содержали огромные огромные флоты и армии и миллионы наших производителей были заняты снабжением их богатством для непроизводительного потребления или для безрассудного уничтожения. И напрасно говорят, что благоденствие в то беспокойное время было только лишь кажущееся. Народные массы лучше жили, лучше одевались, легче добывали себе пропитание и больше имели удобств и увеселений, чем в обычное время. В конце войны, в северных штатах, было больше вещественного осязаемого богатства, чем в ее начале. И это благоденствие зависело не от огромного выпуска бумажных денег или от образования долга. Правительственные печатные станки изготовляли лишь платежные обязательства; они не могли вырабатывать судов, пушек, ружей, инструментов, пищи и одежды. Не могли мы и занять этих предметов в других странах или «у

потомства». Наши государственные процентные бумаги стали появляться в Европе не ранее конца войны, а занимать у последующих поколений мы можем не более, чем у обитателей другой планеты или иной солнечной системы. Богатство, которое потребляли и уничтожали наши флоты и армии, бралось из существовавшего в то время запаса богатства. Мы могли бы вести войну, не выпустив ни единой облигации, если бы, не гнушаясь брать у жены и детей их единственного кормильца, не погнушались брать богатство у богачей.

Наши флоты и армии содержались; огромное непроизводительное и разрушительное употребление богатства поддерживалось трудом и капиталом, которые в то время были заняты на производстве. И лишь потому, что огромный спрос, созданный войной, вызвал к деятельности производительные силы, не только восполнялась огромная утечка средств на войну, но и накапливалось богатство на Севере. Расточение труда на атаки и контратаки, на проведение траншей и копание окопов, на стрельбу из ружей и пальбу из орудий, расточение богатства, потреблявшегося и уничтожавшегося нашими армиями и флотами, все же не могло сравниться с расточением, которое постоянно совершается из-за того, что остается незанятым труд и не работают или работают не на полную мощность станки и прочее оборудование.

Очевидно, что это огромное расточение производительных сил зависит не от недостатков в законах природы, а от общественных неурядиц, которые преграждают труду доступ к естественным удобствам и отнимают у работника его справедливое вознаграждение. Очевидно, что переполнение рынка зависит не от перепроизводства, когда такое множество людей нуждается в предметах, и которые с удовольствием обменивали бы свой труд на вещи считающиеся перепроизведенными, если бы имели на то возможность. Каждый день, проведенный в вынужденной праздности работником, который рад был бы работать, если бы имел к чему приложить свои силы, означает собой уменьшение спроса на другой труд; каждое урезывание заработной платы означает собой ослабление покупательной способности рабочего, доход которого таким образом сокращается. Паралич, который во все времена растрчивает впустую производительные силы и который во времена экономических кризисов причиняет больший ущерб, чем война, порождается тем, что на пути у людей стоят препятствия, мешающие им прилагать свой

труд для удовлетворения своих нужд. Оно не может зависеть от каких-либо естественных ограничений в то время, когда еще остаются неудовлетворенными желания людей и когда природа еще предлагает человеку сырые материалы для создания богатства. Оно должно зависеть от неправильности общественного устройства, позволяющей захватывать в свое исключительное обладание эти материалы и отнимать у трудящегося его законную награду.

В чем заключается эта неправильность, это я постараюсь выяснить в последующих главах. Здесь же я хочу лишь обратить внимание на тот факт, что производительных сил такой цивилизации, как наша, если бы был у них простор, было бы достаточно, чтобы дать изобилие каждому; хочу лишь указать, что причина бедности заключается не в естественных ограничениях, с которыми мы ничего не можем поделать, а в неравенствах распределения и несправедливостях, всецело зависящих от нашей воли.

Пассажир, который садится в Нью-Йорке на пароход, идущий за океан, не боится, что для него не хватит провианта. Люди, которые заведуют этими пароходами, не отправят их в море без достаточного для всех количества припасов. Неужели же Тот, Кто назначил нам кружиться в космическом пространстве на этой планете, не позаботился о нас? Не может этого быть. В почве и солнечном свете, в растительном и животном мире, в рудных месторождениях и тех могучих силах природы, которыми мы только еще начинаем пользоваться, заключаются неисчерпаемые богатства, и люди, руководимые разумом, могли бы удовлетворять из них все свои материальные нужды. В природе нет причин для бедности, даже для бедности увечного или дряхлого. Ибо человек по природе своей есть общественное животное, и, не будь оскотинивающего и развращающего влияния хронической нищеты, семейная любовь и общественное сочувствие доставляли бы все необходимое тем, которые сами не в силах были бы содержать себя.

Но мы не пользуемся разумом, которым мы одарены, и не согласовываем нашего общественного строя с естественными законами; мы позволяем людям, как собакам на сене, захватывать в свое исключительное обладание то, чем они не могут пользоваться; мы позволяем сильным и хищным грабить честных тружеников, и у нас будет нескончаемая бедность и все то зло, к какому она неизбежно приводит общество. При таких условиях бедность была бы даже в раю.

«Нищих вы всегда имеете с собой»... Если какие слова в писании перетолковывались когда-либо с дьявольской целью, так именно эти. Как часто эти слова лишалась их прямого ясного смысла для того, чтобы смягчить укоры совести за нищету и унижение людей, чтобы поддержать то богохульство, то низвержение и отрицание учения Христа, которое совершают, говоря, будто всеведущий, всеблагий и всемогущий Отец предписал, чтобы такое множество Его созданий оставались бедными для того, чтобы другие Его создания, которым Он завещал все, что есть ценного в жизни, могли заниматься приятным и доблестным делом раздачи милостыни. «Нищих вы всегда имеете с собой», сказал Христос; но в то же время его учение предполагает ограничение, что они будут, пока не наступит царство Божие. Но в царстве Бога на земле, в том царстве правды и любви, которого Иисус велел своим последователям просить и добиваться, бедных не было бы вовсе. Но хотя вера, надежда и стремление к достижению этого царства составляют самую сущность Христова учения, тем не менее самые ревностные отрицатели возможности его наступления, самые усердные хулители его находятся как раз среди людей, которые называют себя христианами. Странные представления о Божестве имеют некоторые из этих христиан, гордящихся своим правоверием и заботящихся об обращении язычников. Очень богатый правоверный христианин говорил недавно одному газетному репортеру, на освящении только что оконченного сооружения, от которого, по слухам, он нажил миллионы: «Мы пользовались особенно малостью Божией: никогда не было так дешево железо и не ценился так низко труду».

Если, несмотря на все наши необычайные успехи, мы до сего времени имеем с собой нищих, — людей, которые, без всякой вины с их стороны, оказываются лишенными здоровых, свойственных человеку, жизненных условий, — то это происходит по нашей вине и к нашему стыду. Стоит лишь оглянуться вокруг себя, чтобы заметить, что только неправда, отнимающая естественные удобства у трудящегося и лишаящая его плодов его труда, не позволяет всем нам быть богатыми. Посмотрите, как безмерно велики те силы, которые могли бы служить производству, но которые идут теперь тратятся впустую; посмотрите, как велико число непроизводительных потребителей, содержимых за счет производителей — богачей и людей, живущих на широкую ногу; хуже, чем бесполезных,

правительственных чиновников, карманников, грабителей и мошенников; респектабельных воров, которые совершают свои операции, не выходя из пределов дозволенных законом, и всяких ходатаев по судебным делам и адвокатов; нищих, просящих милостыню или получающих пособия, преступников, заключенных в тюрьмах; монополистов и спекулянтов разного рода. Посмотрите, как много тратится умственной силы, энергии и средств не на производство богатства, а на его присвоение. Посмотрите, как велико опустошение, причиняемое конкуренцией, не увеличивающей богатства; законами, сдерживающими производство и обмен. Посмотрите, как ослабляются силы людей из-за недостаточного питания, нездоровых жилищ и работы при условиях, вызывающих болезни и сокращающих жизнь. Посмотрите, как подрывается производство из-за невоздержания и нерадивости, невежества и пороков, порождаемых бедностью, и останется ли у вас хоть тень сомнения в том, что при условиях общественной справедливости все мы могли бы быть богаты?

Производительные силы, которые были бы пущены в ход при общественном устройстве, основанном на справедливости, когда богатство доставалось бы производителям богатства и с уничтожением бедности уничтожились бы боязнь, жадность и погоня за наживой, порождаемые ею, — силы эти настолько велики и разнообразны, что мы можем теперь лишь смутно представить их себе. Как ни были чудесны открытия и изобретения девятнадцатого столетия, а все же они, очевидно, являются лишь первыми шагами к тому владычеству, какое дано иметь духу над материей. Открытия и изобретения требуют досуга, удобств, свободы; обеспечьте их за всеми, и кто скажет, где окажется граница власти человека над природой?

Нет необходимости в том, чтобы кто-либо был осужден на утомительный однообразный труд; нет необходимости в том, чтобы кто-либо лишен был богатства и досуга, нужных для развития тех способностей, которые ставят человека выше животных. Дух, а не мускулы, есть двигатель прогресса, — сила, которая овладевает природой и производит богатство. Превращая людей в машины, мы расточаем наивысшую из сил. Уже в нашем обществе есть класс людей-счастливицев, которым не нужно заботиться о завтрашнем дне, — о том, что им есть, что пить и во что одеться. И неужели Христос

был не более, как мечтатель, когда говорил своим ученикам, что в царстве справедливости, которого Он им велел просить и добиваться, в таком положении могут быть все?

ГЛАВА IX.

Основные начала.

Всякий, кто вдумается в государственные и общественные задачи, стоящие перед нами, заметит, что они сводятся к вопросу о распределении богатства, и поймет, что решение их, хотя и может быть простым, должно быть радикальным.

От каждой общественной неправды должно быть средство избавления. Но этим средством избавления может быть только лишь уничтожение самой неправды. Полумеры, просто улучшения и вспомогательные реформы, даже для ближайшего будущего имеют мало значения, а в конце концов их действие и вовсе сводится к нулю. Что такое наши благотворительные учреждения, наши уголовные законы, наши постановления и запрещения, посредством которых, с такими жалкими результатами, мы стараемся предупредить и пресечь преступления, — что такое они, в лучшем случае, как не выдумка дурака, который, взвалив весь груз в корзину с одного бока осла, старался помочь несчастному животному идти прямо, наваливая камней в корзину с другого его бока?

В Нью-Йорке, в то время, как я пишу, в газетах и церквях раздаются призывы к подписке на образование особых фондов «свежего воздуха», чтобы можно было в смертельную жару брать детей из душливых квартир бедняков и увозить на день или на неделю подышать чистым воздухом на морское побережье или в горы. Но как ничтожна будет эта помощь, если мы будем брать этих детей с тем, чтобы снова возвращать их в прежние условия, — в те условия, которые для многих означают нечто худшее, чем смерть для тела, — в те условия, при которых наверное можно сказать, что из жизней, спасенных такой помощью, одни будут спасены для домов терпимости и богаделен, а другие — для тюрем. Мы можем вечно собирать средства в фонды «свежего воздуха», и какие бы огромные фонды мы ни собирали, нужда будет только расти, а дети, те самые дети, о которых Христос сказал: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; т. к. говорю вам, что ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца моего», — будут умирать, как мухи, до тех пор, пока бедность будет заставляя их отцов и матерей ютиться в убогих вонючих квартирах. Мы можешь посылать проповедников на бульвары и устраивать прибежища для спасения молодых девушек от разврата, но какую цену будут иметь они при наличии тех условий,

которые делают такое множество мужчин неспособными содержать жену, которые заставляют молодых девушек считать за особое счастье, если им удастся заработать \$3, трудясь 81 час в неделю, и которые доводят матерей до такого отчаяния, что те бросают с набережной нашего христианского города в воду детей и кидаются затем в реку сами? Тщетны будут наши усилия подавить преступления, измышляя варварские наказания для более бедных преступников, в то время, когда дети воспитываются под притупляющим влиянием бедности, а взрослые решаются на все из-за ее укусов. Пустой помехой будут наши запрещения труда малолетних на фабриках в то время, как заработная плата настолько мала, что семейные рабочие не могут свести концов с концами без заработка своих малолетних детей. Уничтожим ли мы продажность и взяточничество представителей власти, придумывая новое устройство администрации и заставляя одних чиновников следить за другими, в то время, когда нужда и боязнь нищеты разжигают мечты о богатстве, когда почитается богатый вор и презирается честный бедняк?

Не могли бы мы достигнуть сколько-нибудь прочного равенства в распределении богатства и тогда, когда мы силою взяли бы его у того, кто его имеет, и отдали тому, у кого его нет. Мы совершили бы великую несправедливость, мы сделали бы великое зло; тем не менее, с самого момента такого насильственного уравнивания, вновь начали бы сказываться те самые тенденции, которые проявляются в теперешних несправедливых неравенствах, и через короткое время все вновь пошло бы по старому.

Чтобы исцелить общественный недуг и предотвратить опасность, грозящую обществу, мы должны устранить причины, мешающие справедливому распределению богатства.

Все наше дело должно заключаться только в этом устранении. Нам нет нужды придумывать какие-либо сложные и хитрые планы для обеспечения справедливости в распределении богатства. Ибо справедливое распределение богатства является, очевидно, естественным распределением богатства, а несправедливость в распределении богатства, должна, следовательно, зависеть от искусственных помех к этому естественному распределению.

Какое это справедливое распределение богатства, — об этом не может быть спора. Это то распределение, которое отдает богатство тому, кто его производит и сохраняет его за тем, кто его накапливает.

Настолько ясно, что это единственное справедливое распределение богатства, что даже те недалекие писатели, которые пытаются защищать существующий порядок вещей, принуждены бывают, в силу логической необходимости, делать ложное допущение, будто люди, владеющие теперь большей долей богатства, произвели или накопили его, или получили его, в дар или по наследству, от тех, которые его произвели или накопили; тогда как на самом деле, как это было показано мною в одной из предшествующих глав, все эти крупные состояния, производящие нищих и бродяг, создаются открытым присвоением того, что производят и накапливают другие люди.

И не трудно заметить, что это справедливое распределение богатства есть его естественное распределение. Природа дает богатство труду и только труду. Нет ни одного предмета из числа составляющих богатство, который не был бы произведен или добыт из сырых материалов, данных нам для того Богом. Будь на земле один только человек и, очевидно, он мог бы иметь не более богатства, чем сколько было произведено или накоплено им. Таков естественный порядок. И как бы ни было велико народонаселение, как бы ни было сложно общество, ни один человек не мог бы иметь более богатства, чем сколько он произвел или накопил, иначе, как получив его в виде свободного дара от других людей или присвоив чьи-то плоды труда.

Один английский писатель разделял всех людей на три класса: работников, нищих и воров. Классификация эта не может льстить самолюбию «высших» или «образованных» классов, как они привыкли величать себя, но с экономической точки зрения, она вполне правильна. Есть только три пути, какими человек может приобретать богатство: трудом, выпрашиванием и кражей. И ясно, что если рабочие получают так мало, то только потому, что слишком много получают нищие и воры. Когда человек получает богатство, которое он не производит, он необходимо получает его за счет тех, которые его производят.

Все, что нам нужно сделать для достижения справедливости в распределении богатства, сводится к тому, что все теории одинаково признают основной функцией правительства — обеспечить за каждым свободу пользования своими силами, ограниченную лишь равной свободой других людей; обеспечить за каждым пользование всеми произведениями своего труда, ограниченное лишь такими изъятиями, которые можно по справедливости из него делать для

целей общего блага.

Мне хотелось бы особенно подчеркнуть это положение, т. к. есть люди, которые постоянно говорят и пишут так, что будто бы находить неправильности в существующем распределении богатства значило бы требовать, чтобы богатые были ограблены в пользу бедных, чтобы ленивые получали средства к жизни за счет трудолюбивых и чтобы создано было то ложное и невозможное равенство, которое, низводя всех до одного и того же мертвящего уровня, уничтожило бы всякое побуждение к совершенствованию и остановило бы прогресс.

Реакция против вопиющей несправедливости существующего общественного строя вызывала к жизни такие дикие планы, и они находят еще своих защитников. Но и мне они представляются столь же невыполнимыми и отвратительными, как тем людям, которые громят их как «коммунистические». Я не хочу сказать, чтобы с прогрессом человечества не стало возможным такое общественное состояние, при котором осуществлена была бы формула Луи Блана — «каждый по его способностям; каждому по его потребностям», — т. к. до сего времени существуют религиозные ордена католической церкви, общества, поддерживающие коммунизм раннего христианства. Но мне кажется, что единственной силой, могущей создать и сохранить такое состояние общества, является сила, которую творцы вышеупомянутых планов обыкновенно игнорируют, если не выступают против нее прямо, — глубокая, определенная, могучая религиозная вера, настолько ясная, настолько горячая, что ею совершенно расплавлялась бы мысль о себе и устанавливалось бы такое духовное равновесие, признаваемое методистами* за возможное теперь же для отдельных личностей, что мечта о первобытной невинности превращалась бы при нем в действительность и человек снова ходил бы с Богом.

Возможность такого общественного состояния, при теперешнем развитии общества, мне кажется, должна быть скорее предметом тех умозрений, которые входят в высшую область религиозной веры, чем тех умозрений, с которыми может иметь дело экономист или считающийся с действительностью государственный деятель. Осмелится ли утверждать какой-либо мыслящий человек, что природа, какой мы ее знаем здесь, в этой бесконечно малой частице пространства и времени, называемой нами миром, является

---

* Члены религиозной секты в США

наивысшим выражением силы и воли, вызвавшей все к существованию? Однако, остается вне сомнения, что единственный путь, каким человек может достигнуть чего-либо высшего, состоит в согласовании своего поведения с теми заповедями, которые столь же очевидны в его отношениях к ближнему и вечной природе, как если бы они были начертаны перстом Всемогущего на скрижалях из неразрушимого камня. В порядке нравственного развития, Моисей является раньше Христа, заповеди «Не убивай», «Не прелюбодействуй», «Не кради» даются ранее заповеди «Люби ближнего твоего, как самого себя», закон «Не заграждай рта у вола молотящего» предшествует чарующему видению всеобщего мира, когда не будет хищников даже в природе, когда лев будет лежать вместе с ягненком и малое дитя будет водить их.

Я не говорю, чтобы справедливость была наивысшим требованием нравственной жизни; но она есть первое условие ее. Все, что идет дальше нее, должно заключать ее в себе и может быть достигнуто лишь через нее. Не даром в еврейском религиозном развитии, унаследованном нами через христианство, провозглашение — «Твой Господь Бог есть Бог справедливый» — предшествовало более радостному откровению о Боге-любви. Пока люди не поймут вечной справедливости, для них сокрыта будет вечная любовь. Как каждый человек должен сделаться справедливым прежде, чем стать истинно великодушным, так и человеческое общество должно опереться на справедливость прежде, чем подняться до благоволения.

Одно, и только одно, я отстаиваю, — что наши общественные учреждения должны быть согласованы с справедливостью с теми естественными и вечными началами правды, которые настолько очевидно, что никто не может отрицать их или оспаривать, настолько очевидно, что даже люди, пытающиеся защищать общественную неправду бывают вынуждены в силу законов человеческого духа, ссылаться на них. Одно, и только одно, я отстаиваю, — что тот, кто производит, должен получать, и тот, кто накапливает, должен пользоваться. Я не ищу для бедных ничего, что по праву принадлежит богатым. Не умалить и не затемнить идею собственности хочу я, а придать ей наивысшие санкции; не ослабить побуждение к производству богатства, а усилить его, сделав более верной награду. Что бы ни прибавил человек к общему запасу богатства, или что бы ни получил он по доброй воле от производителя, пусть это будет его предо всем миром, пусть он пользуется этим или отдаст это другим,

пусть он делает с этим все, что угодно, пока, пользуясь так, он не сталкивается с равной свободой других. Что касается меня, то я не поставил бы никаких пределов для приобретения. Сколько бы миллионов ни приобрел человек способами, которые не заключают в себе ограбления других, все равно, они его: пусть он имеет их. Я не стал бы даже призывать его к благотворительности или неустанно повторять, что это его долг помогать бедным. Это его личное дело. Пусть он делает все, что хочет, с тем, что принадлежит ему, без всяких стеснений, без всяких навязываний. Если он приобретает, не отбирая у других, и если пользуется, не причиняя никому вреда, то дело его и его совести, на что он употребляет свое богатство.

Я ценю благородство тех людей, которые, в городах, подобных Лондону и Нью-Йорку, организовали огромные благотворительные общества и наделили их щедрыми пожертвованиями, но то, что существует надобность в таких обществах, доказывает мне, что было бы клеветой на Христа называть эти города христианскими. Я почитаю Асторов за пожертвование Нью-Йорку Асторовской библиотеки, а Питера Купера за Куперовский Институт; но стыд и позор для населения Нью-Йорка, что такие учреждения приходится создавать там частной благотворительности и тот, кто борется за признание справедливости, которая дает каждому то, что ему принадлежит, сделает ненужным прошение милостыни у одного для другого, тот делает более важное и великое дело, чем люди, которые сооружают храмы, строят больницы или основывают университеты и библиотеки. И не эту ли справедливость, которая прежде всего дала бы каждому то, что он зарабатывает, имел в виду, апостол как нечто более высокое, чем милостыня, когда говорил — «Если я раздам все имение мое бедным на пропитание и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»?

Узнаем же естественные права людей и постараемся осуществить их прежде, чем предлагать просить кого-либо или грабить.

В последующем изложении я рассмотрю, каковы естественные права людей и как, при существующих общественных порядках, они игнорируются и отрицаются. Этого требует ход нашего исследования. но мне хотелось бы побудить тех, кого может достигнуть мой голос, не столько к требованию своих собственных прав, сколько к обеспечению прав других людей, более беспомощных. Я верю, что идея долга может более сделать для улучшения общества, чем сознание собственного интереса; что в сочувствии к людям кроется

более могущественная сила, чем в заботе о самом себе. Я верю, что всякая попытка к сколько-нибудь крупным общественным улучшениям должна возникать и поддерживаться не столько из стремления к большему самоуслаждению, сколько из стремления сделать для других жизнь лучше, благороднее и счастливее. Маммон неправды всегда может купить себялюбие там, где найдет это для себя выгодным; но он не может купить бескорыстия.

В идее воплощения, — в представлении о Боге, добровольно нисходящем к людям для их спасения, усвоенном не только христианством, но и другими великими религиями, — мне кажется иногда, заключается едва ли не более глубокая истина, чем та, какая проповедуется церквями. Это та истина, что избавители, освободители, вожди человечества всегда были людьми, которых побуждало действовать не их собственное страдание, а зрелище страждущих и обиженных людей. Ведь Моисей, познавший всю мудрость египетских жрецов и воспитанный при дворе фараона, а не замученный раб, принужденный делать кирпичи без соломы, вывел детей Израиля из дома неволи. Ведь Гракхи, патриции по происхождению и по состоянию, вели борьбу не на жизнь, а на смерть, против тех земельных захватов, которые в конце концов привели Рим к падению. И так было всегда, что угнетенные, униженные и подавленные достигали свободы и облегчения своей жизни не столько благодаря собственным усилиям, сколько благодаря усилиям и жертвам со стороны людей, к которым судьба была более милостива. Ибо чем полнее люди бывают лишены их природных прав, тем менее они имеют силы, чтобы восстановить их. Чем более люди нуждаются в помощи, тем менее они бывают способны помочь себе.

Чувство, которое мне хотелось бы затронуть в своем призыве, есть не зависть, не сознание собственного интереса, а то более благородное чувство, которое нашло для себя сильное, хотя и грубое выражение, в том боевом кличе, который раздался в нашей стране, в то время, когда великая неправда утопала в потоках крови:

Вперед на бой! Христос стоит перед вами:
Он умер для того, чтоб истину нам дать,
Умрем же мы, чтоб людям дать свободу!

И возможна ли радость, большая той, какую приносят человеку его усилия, хотя бы и слабые, улучшить общественные условия и сделать

жизнь других людей более полной и благородной? Неужели Джон Браун, — герой, казненный, как преступник, отошедший в вечность в борьбе за освобождение негров с цепями на руках и с поцелуем ребенка-раба на губах, — мог бы жить более возвышенной жизнью и умереть более благородной смертью, если бы он отдал свои силы на дело самоуслаждения? Неужели он взял с собой не более, чем человек, который добивался богатства и оставил миллионы? Зависть к богатым! Да кто из людей, понявших, что когда-то они должны будут проснуться где-то за пределами этого мир может завидовать тем, которые тратят свои силы на собирание того, чем они не могут пользоваться здесь и что они не могут взять с собой отсюда? Только одно знает каждый из нас несомненно, что ждет нас смерть. «О царь! Подобна ласточке, пролетевшей через эту комнату, жизнь человека!» Мы приходим неизвестно откуда, и уходим неизвестно куда. Непроницаемая тьма — позади нас, густые тени — впереди. Какое значение будет иметь для нас, когда пробьет наш час, что мы ели когда-то вкусные блюда или не ели, носили красивые одежды или не носили, оставили большое состояние или не оставили никакого, пожинали лавры или были презираемы, считались учеными или невеждами, — какое значение будет иметь это сравнительно с тем, как мы употребили доверенный нам господином талант? Какую цену будет иметь для вас все это в то время, когда потускнеют наши глаза и притупится слух, а из мрака выделится рука и послышится голос: «Добрый и верный раб! ты верен был в малом, и я поставлю тебя над большим, войди же в радость господина твоего»?

Я буду говорить о правах, я буду говорить о пользе и собственном интересе людей; я буду говорить на языке тех, которые признают наибольшее производство богатства наивысшим благом, а материальный прогресс за высочайшую цель. Но я ценю истину, выраженную в словах Мадзини, которые позволю себе повторять здесь:

«Рабочие люди, братья! Когда Христос явился в мир, чтоб преобразовать лицо земли, то Он не говорил о правах ни богатым, которые в них не нуждались, ни бедным, которые все равно извратили бы их в подражание богачам; не говорил Он и о собственной пользе или собственном интересе людям, которые их не понимали; но Он говорил о долге, о любви, о самопожертвовании и вере; говорил, что тот пусть будет первым, среди прочих, кто всего более

содействует своим трудом благу всех».

«И слово Христа коснулось слуха людей, в которых уже угасла всякая вера, вернуло их к жизни, захватило массу, завоевало мир, и подняло человечество до высшей ступени на пути прогресса».

«Рабочие люди! Наше время похоже на время Христа. Мы живем среди общества, столь же развращенного, как языческое, сознавая в глубине своей души необходимость вдунуть в него новую жизнь, преобразовать его, объединить всех его членов одной единой верой в одном едином законе для одной единой цели: свободного и бесконечного развития всех тех способностей, зачатки которых Бог вложил в свои создания. Мы ищем такого же царства Божия на земле, какое есть на небе, или, вернее, мы хотим, чтоб наша земная жизнь была ступенью к завоеванию неба, а общество людей все более и более полным осуществлением божественной воли».

«Но Христос во всех делах своих оставался верен тому благовестию, которое он принес людям; оставались верны ему в делах своих и ученики его. Будьте верны ему и вы, рабочие люди, и вы восторжествуете. Говорите о долге людям, с которыми вы имеете дело, и сами исполняйте свой долг, насколько это в вашей власти. Напоминайте людям о доблести, любви и самопожертвовании, и сами, прежде всего, старайтесь быть доблестными, любящими и готовыми на всякие жертвы. Давайте людям возвышенные мысли и говорите смело каковы их дела, без умалчивания, вражды и угроз. Самой сильной угрозой, если бы действительно когда понадобилась угроза, пусть будет твердость ваших убеждений, а не раздражительность ваших слов».

ГЛАВА X.

Права человека.

Есть люди, которые говорят, когда им это на руку, что естественных прав не существует, а что все права даруются высшей государственной властью. Было бы потерей времени спорить с этими господами. Есть истины настолько очевидные, что их не нужно доказывать. И одной из таких истин, удостоверяемых всеобщим сознанием, является истина, что каждый человек в отношении прочих обладает правами, которые существовали до образования какого-либо правительства и которые продолжают существовать несмотря на злоупотребления власти; что есть закон, стоящий выше всякого человеческого закона, закон Творца, запечатленный на всей природе и всюду проявляющийся в ней, закон, предшествующий всем человеческим законам и владычествующий над ними, согласие с которым только и делает их сколько-нибудь действительными. Отвергать эту истину значит признавать, что нет мерила для справедливости или несправедливости наших законов и учреждения, что нет поступков, которые могли бы быть, сами по себе, хороши или дурны, что какой-нибудь указ, предписывающий матерям убивать своих детей, должен пользоваться таким же уважением, как закон, запрещающий детоубийство.

Эти природные, естественные права, этот высший закон, образуют единственную и твердую опору для общественной организации. Все равно, как, желая построить хорошую машину, вы должны сообразоваться с физическими законами: законами тяжести, горения, расширения газов и др.; все равно, как, желая иметь телесное здоровье, мы должны сообразоваться с законами физиологии, — так, желая достигнуть мирного и здорового общественного состояния, мы должны согласовать наши учреждения с великими нравственными законами — законами, которым все мы безусловно подчинены и которые настолько же выходят из-под нашей власти, как законы материи или движения. И все равно, как, видя, что какая-нибудь машина не действует, мы заключаем, что при постройке ее были оставлены без внимания или нарушены физические законы, так, видя общественные бедствия и государственное расстройство, мы говорим, что при организации общества был нарушен нравственный закон и были оставлены без внимания естественные права человека.

Эти естественные права человека таким образом выражены в

американской Декларации о независимости, в качестве единственной основы, на которой может держаться законное правительство:

Мы признаем не требующими доказательства истинами, что все люди созданы равными, что все они наделены их Творцом известными неотчуждаемыми правами и, в числе их, правом на жизнь, на свободу и на искание счастья; что для обеспечения этих прав учреждаются среди людей правительства, которые проявляют свою законную власть лишь с согласия управляемых; что всюду, где правительство отклоняется этой цели, управляемые имеют право изменять или упразднить его и учреждать новое правительство, обосновывая его на тех началах и организуя его власть в тех формах, какие покажутся им наиболее обеспечивающими их безопасность и счастье.

Те же принципы кладет в свою основу конституция Соединенных Штатов, как это видно из ее вступительного параграфа:

Мы, народ Соединенных Штатов, в целях образования более совершенного союза, установления справедливости, утверждения внутреннего спокойствия и внешней безопасности, содействия общему благоденствию и обеспечения благословений свободы за нами и нашим потомством, предписываем и вводим в действие нижеследующие законы о государственном устройстве Соединенных Штатов Америки.

И те же самые основные и не требующие доказательства истины выражены в великом провозглашении прав человека и гражданина, сделанном Учредительным собранием Франции в 1789 году:

Представители французского народа, образовавшие Учредительное собрание, видя, что невежество, пренебрежение или презрение к человеческим правам являются единственной причиной общественных бедствий и правительственного развращения, решились выразить в торжественном провозглашении эти естественные, неотъемлемые и неотчуждаемые права; они признают и провозглашают перед лицом Высшего существа и с надеждой на Его благословение и милость, нижеследующие священные права человека и гражданина:

I. Люди рождаются и всегда пребывают свободными и равными в отношении их прав. Гражданские различия,

следовательно, могут основываться лишь на соображениях о пользе общества.

II. Целью всех политических союзов является охранение естественных и неотъемлемых прав человека, а эти права суть свобода, право собственности, право личной неприкосновенности и право сопротивления угнетению.

Но одно дело провозглашать вечные принципы, как провозглашают их в моменты подъема общественного самосознания люди убежденные и с силой убеждения, а другое дело утверждать их и проводить в жизнь, как приходится утверждать их и проводить в жизнь народу, только что вышедшему из мрака невежества и суеверий и поработанному привычками мысли, которые вырабатывались в нем веками неправды и угнетения. Французский народ не остался верен этим принципам, не остаемся им верными и мы, при всех наших огромных преимуществах. Прежний образ правления во Франции, с его кощунственным «божественным правом», с его Бастилией и тайными арестами по, так называемым, «lettres de cachet», был уничтожен. Но его место заступил сначала красный террор, революционный, потом белый, правительственный, потом анархия, драпировавшаяся в костюмы свободы, и затем империализм, получивший свою санкцию от всеобщего избирательного права и приведший к такому жалкому созданию, как Французская республика наших дней. Да и у нас, невзирая на нашу девственную почву, на избавление от международных осложнений и отсутствие могущественных и враждебных соседей, возросло не менее жалкое создание в лице нашей Американской республики, с ее трестами и синдикатами, с ее железнодорожными королями, которым подчиняются самодержавные штаты, с ее язвой продажного чиновничества, проникающей все глубже и глубже, с ее босяками и забастовками, с ее похвальбой несправедливым богатством, с ее детьми, работающими на фабриках, и женщинами, теряющими жизнь в борьбе из-за куска хлеба.

Вполне возможно для людей видеть истину, утверждать ее, то и дело слышать и повторять формулы, воплощающие ее в себе, и в то же время не понимать всего того, что заключается в ней. Люди, которые подписывались под нашей Декларацией независимости, или люди, которые с восторгом приветствовали ее, как и люди, которые из года в год с благоговением читали ее, делали это без всякой мысли о том, что вечные начала правды, заключавшиеся в ней, осуждали

существование рабовладения неграми не менее, чем тиранию Георга III. И многие из тех, которые, постигнув более полно истину, боролись против рабовладения во имя неотчуждаемых прав человека, все же не замечали, что в этих правах заключается нечто большее, чем просто отрицание торговли человеческой плотью и кровью, и, думая, что уничтожив рабство и дав всем право голоса они вполне осуществили естественные права человека, они ошибались не менее, чем их отцы, которые полагали, что они вполне осуществили эти права, когда отказались от подчинения английскому королю и установили здесь демократическую республику.

Американские граждане нашего времени обыкновенно полагают, что среди нас теперь вполне признаны равные и неотчуждаемые права человека; что же касается бедности, преступлений, низкой заработной платы, «перепроизводства», коррупции в правительстве и т. п., то они относятся к природе вещей, другими словами — если бы кому-нибудь захотелось иметь более определенный ответ, — признаются существующими потому, что есть на то воля Бога, Творца, чтобы они существовали. Однако я полагаю, что все эти беды являются прямым следствием нашего непризнания тех равных и неотчуждаемых прав, которыми, как признает это за истину, не требующую доказательства, наша Декларация независимости, все люди наделены были Богом, их Творцом. Я полагаю, что Учредительное собрание Франции было право, когда, более ста лет тому назад, воодушевленное тем же стремлением, которое привело нас к политической свободе провозгласило, что основной причиной общественных бедствий и развращенности правительств является невежество, пренебрежение или презрение к человеческим правам. И все равно, как голод, от которого страдала тогда Франция, как несостоятельность и развращенность ее правительства, скотское положение ее рабочих классов и нравственное падение ее аристократии зависели напрямую от отрицания равных, естественных и неотъемлемых прав человека, так и те общественные и политические задачи, которые так грозно встают теперь перед Американской республикой, да и всюду на свете, вызываются той же причиной.

Вникнем в это. Важное, естественное и неотчуждаемое право на жизнь, на свободу и на искание счастья разве не предполагает собой право каждого на свободное пользование своими способностями для добывания средств на содержание себя и своей семьи, — право, ограниченное лишь таким же правом других людей? Разве оно не

требует, чтобы каждый был волен производить, сберегать или потреблять то богатство, которое ему нужно, не препятствуя и другим делать то же; чтобы никто не принужден был поневоле работать на другого или отдавать другому свой заработок; чтобы никому не дозволялось вымогать от другого его труд или плоды его труда? Нечего и говорить об этом. Всякое признание равенства прав на жизнь и свободу, при котором отрицалось бы право собственности — право человека на свой труд и на все плоды своего труда, мы сочли бы за насмешку.

И тем не менее, наше признание есть как раз признание такого рода. Наше, так называемое, признание равных и естественных прав человека для значительной части населения нашей страны есть ничто иное, как насмешка, которая вместе с возрастанием общественного давления становится все более и более горькой насмешкой для все большей и большей части населения, т. к. наши учреждения ни мало не обеспечивают прав человека на свой труд и плоды своего труда.

И нетрудно заметить, что это отрицание основного человеческого права является, с одной стороны, причиною бедности, а с другой — причиною чрезмерных состояний и всех тех расточений и разврата, которые порождаются тяжким неравенством в распределении богатства.

Так как я говорю об условиях, общих для всего цивилизованного мира, то я позволю себе остановиться сначала на положении дел в другой стране — нередко недостатки наших ближних бывают заметнее для нас, чем наши собственные. Англия, страна от которой мы получили наш язык и учреждения, отстает несколько от нас в формальном признании политической свободы; но промышленной свободы там не меньше, чем у нас, а в некоторых отношениях и больше, т. к. Англия, хотя еще и не достигла свободы торговли, но уже освободилась от мошенничества покровительства «отечественной» промышленности, которое у нас еще в полном ходу. И английский народ — несчастный английский народ — вообще доволен своей свободой и хвалится ею. Ему так долго напевали это в уши, что большая часть его искренно верит, будто англичане самый свободный народ в мире, и там поют, что «британцы не будут рабами» так, как будто бы и на самом деле было правдой, что рабы не могут дышать воздухом Англии.

Возьмем же какого-нибудь человека из массы этого народа, —

какого-нибудь «свободорожденного англичанина», имеющего длинный ряд «свободорожденных» предков где-нибудь в Вильтшире, Девоншире или Сомерсетшире, живших на земле, которую они обрабатывали еще с саксонских времен. Он достигает зрелости и женится. Наравне с прочими своими собратьями он вступает в мир, в котором он должен, согласно Божьему повелению, своим трудом добывать себе пропитание. У него есть нужды, и нужды эти увеличиваются, когда у него являются дети; но в его мозге и мускулах у него есть естественная сила, могущая удовлетворять эти нужды из запасов природы. Он умеет рыть и пахать, сеять и жать, и тут же есть богатая земля, готовая и теперь, как тысячу лет назад, давать богатство в обмен на труд. Падает дождь и солнце светит, и весна следует за зимою, а лето идет за весною. Не есть ли первое и самое ясное право этого человека зарабатывать себе пропитание, преобразовывать свой труд в богатство и владеть и пользоваться этим богатством, как для своей жизни и блага, так для жизни и блага тех, которых природа поставила в зависимость от него. Он не имеет права требовать себе заработка какого-либо другого человека, но и никакой другой человек не имеет права требовать какой-либо части его заработка. Он не имеет права требовать от других работы на себя, но и другие не имеют права требовать для себя его работы. Это право на самого себя, на пользование своими силами и плодами своего труда есть естественное, явное для всех право, которое в принципе никто не может оспаривать иначе, как ссылаясь на кощунственное утверждение, будто некоторые люди были созданы, чтобы работать на других. Осуществляя основное, естественное право на свой труд и на его плоды, человек этот мог бы полностью удовлетворять все нужды, свои и своей семьи. Его труд, в порядке природы, производил бы богатство, которое обмениваясь, ко взаимному удобству, на богатство, производимое другими людьми, доставляло бы его семье все жизненные удобства и, при отсутствии серьезных случайностей, давало бы ему возможность воспитывать своих детей и откладывать себе кое-что на черный день, чтобы ему и его жене, когда с годами ослабнут их силы, не приходилось рассчитывать ни на чью милость, кроме милости небесного Отца.

Но что же мы видим на деле? На деле право этого «свободнорожденного» англичанина на свой труд и на плоды своего труда отрицается столь же полно и основательно, как если бы он по закону был обращен в рабство; он принужден работать на обогащение

других совершенно так же, как если бы английский закон признавал его собственностью какого-нибудь рабовладельца. Законы его родины не называют его рабом, наоборот, формально они признают его свободным человеком, — вольным работать на самого себя и пользоваться плодами своего труда. Но человек не может работать, когда ему не над чем работать, все равно, как он не может есть, когда ему нечего есть. Не во власти людей что-либо производить из ничего. Это не входило в творческий план. Природа говорит нам, что тот, кто не работает, должен голодать, но в то же время она доставляет нам все необходимое для работы. Пища, одежда, жилище, все те предметы, которые служат удовлетворению наших желаний и которые мы называем богатством, могут быть произведены трудом, но только тогда, когда получается из земли входящий в их состав сырой материал.

Бросить человека посреди Атлантического океана и сказать ему, что он волен идти на берег, было бы не большим издевательством над ним, как поместить его на землю, сплошь захваченную в частную собственность другими людьми, и сказать ему затем, что он свободный человек, что он волен работать на себя и пользоваться своим заработком. А таково то положение, в каком оказывается наш англичанин. Он свободен так же, как если бы он висел над пропастью, а кто-нибудь другой держал в руках острый нож, грозя перерезать веревку; свободен столько же, как если бы, томимый жаждою в пустыне, нашел единственный источник, на много миль огороженный стеной и охраняемый вооруженными людьми, которые сказали бы ему, что он не может пить из него, пока не вступит с ними в *свободный договор* относительно условий. Если бы этот англичанин жил на много поколений до нас, в эпоху своих саксонских предков, то, войдя в возраст и женившись, он получил бы в надел усадьбу и огород, имел бы равную с прочими фермерами долю в огромных полях, которые они обрабатывали сообща, мог бы собирать хворост и стрелять дичь в общем лесу или выгонять свою скотину на общее пастбище. Даже несколько поколений тому назад, уже после многих, столетий земельного хищения, начавшегося при Тюдорах, он все же еще застал бы, в существовавших тогда деревенских общинах, некоторый пережиток древнего правила, что наша земля предназначена для всех людей, а не для некоторых только*. Но в

---

* Вероятно, древнеанглийское общее право на землю нигде не сохранилось в

настоящее время он находит каждую пядь земли отгороженной от него. Поля, которые обрабатывали его предки на началах общинного землепользования, стали частной собственностью господина, который сдает их в аренду крупным фермерам на столь тяжелых условиях, что те, чтобы получать обычный процент на свой капитал, должны, что называется, вытягивать жилы из своих рабочих; прежние лесные угодья отгорожены высокой стенкой с битым стеклом по гребню и охраняются вооруженными сторожами, которые схватывают всякого, кто вздумает там поохотиться за дичью, и представляют на суд, отсылающий его в тюрьму; на месте древних общинных пастбищ разбит огромный господский парк, в котором пасется жирный барский скот и пощипывают деревца разводимые господами тонконогие лани. Отгорожены даже прежние тропинки, пользуясь которыми иногда можно было заменять ходьбу по пыльной дороге прогулку где-нибудь орешником мимо журчащего ручейка.

Однако этот «свободнорожденный» англичанин, этот «британец, который никогда не будет рабом» не может жить без земли. Он должен найти какой-нибудь кусочек земной поверхности, на котором он и его жена могли бы успокоиться, который они могли бы назвать своею усадьбою. Но, кроме больших дорог, не найдется и пяди родной земли, которой они могли бы воспользоваться без позволения каких-то других людей, да и на большой дороге им не позволили бы лечь или, того менее, устроить для себя хижину из ветвей. Таким образом, чтобы добыть себе для жилья кусочек своей родной земли, наш «свободнорожденный» англичанин должен согласиться работать столько-то дней в месяц на одного из землевладельцев Англии или, что сводится к тому же, должен продавать свой труд или плоды своего труда какому-нибудь третьему лицу и из заработка своего платить собственнику этого кусочка земли за привилегию жить на земле. Пожертвовав таким образом частью своего труда на приобретение от

более ясных формах, чем на Лонг-Айленде, в непосредственном соседстве с Нью-Йорком, в местах поселения древнейших английских переселенцев; самый Нью-Йорк, как известно, был первоначально голландским поселением, которое сделалось английским через завоевание. Обширный и особенно выгодно расположенный полуостров Монток, восточная оконечность Лонг-Айленда, могущий со временем приобрести огромную ценность из-за удобств, какие он представляет для прихода и отхода европейских пароходов, только что сделался частной собственностью нью-йоркских капиталистов, которые спокойно и понемножку скупили права на него у владельцев его, потомков прежних поселенцев.

своего собрата дозволения жить, наш «свободнорожденный» англичанин должен затем, если его хватит на это, позаботиться о работе для добывания пищи, одежды и пр. Но так как он не может работать без земли, на которой волей-неволей нужно работать, то ему приходится, вместо того, чтобы работать на себя, продавать свой труд людям, у которых есть земли, на условиях, какие им заблагорассудится установить — на условиях, рассчитанных на то, чтобы он только-только в состоянии был поддерживать самое жалкое существование, — другими словами, чтобы у него отбирались все произведения его труда, а ему выдавалось из них лишь столько, сколько самый жестокий господин считал нужным давать своему рабу, — сколько нужно для поддержания жизни. Он живет в жалкой хижине с худым полом и протекающей крышей. Он работает с утра до ночи, также и жена его; да и дети их, лишь только начинают ходить, принуждены бывают трудиться: полоть, спугивать ворон или выполнять другие дела для землевладельца, который милостиво позволяет им жить и работать на его земле. Нередко кто-нибудь в его семье заболевает, а то и вовсе умирает. Тогда не обойтись ему без поддержки церковного прихода или местных благотворителей, жены или дочери помещика, местного вседержителя, собственника, если не творца земли в тех местах, которые раздают в позорной и унижительной милостыне ничтожную долю богатства, отобранного ими у него же или у других таких же семей. Если он не относится смиренно и почтительно к великим мира сего, если он не снимает робко шапки с своей головы в то время, когда мимо него проходит барин, барыня или кто-нибудь из их семейства, если он не воспитывает своих детей в том самоунижении и холуйских чувствах к господам, которые признаются обязательными и приличными для «низших» классов, если возникает подозрение, что он сорвал яблоко в господском саду, поймал зайца в господском лесу или рыбу в речке, — то он теряет право на барскую милость и лишается работы. Тогда он вынужден бывает идти за милостыней в церковный приход или умирать с голоду. Раньше времени он сгорбливается и высыхает, а жена его уже выглядит прожившей свой век и больной женщиной в такое время, когда она должна бы быть еще во всей своей силе и красоте. Его дочери, которые доживают до этого, вступают в брак с таким же, как он, человеком, чтобы вести такую же жизнь, какую ведет их мать, а то соблазняются кем-нибудь из господ и уезжают затем с несколькими фунтами в кармане в большой город, чтобы через

несколько лет умереть там где-нибудь в доме терпимости, больнице или тюрьме. Его сыновья растут в невежестве и грубости; они не будут его опорой в старости, даже если бы они и захотели этого, т. к. будут получать слишком мало для этого из того, что будет производить их труд. Единственным прибежищем для стариков будет богадельня, где этих отработавших рабов будут содержать из стыда, чтобы они не умерли от голода на большой дороге, — где муж будет отделен от жены и где эта старая парочка, рядом с церковью, в которой поставленный от начальства проповедник будет говорить: «Того, что Бог сочетал, человек да не разлучает», в стороне друг от друга будет вести томительную тюремную жизнь до тех пор, пока смерть не принесет им облегчения.

В чем положение такого «свободнорожденного» англичанина лучше положения раба? Однако, если жизнь, обрисованная мною, не представляет из себя верной картины положения земледельческих рабочих в Англии, то только потому, что я слишком мало останавливался на ее темных сторонах, на крайнем невежестве, грубости и безнравственности, свойственных этим униженным и оскорбленным членам общества. В отношении пищи, ее количества и качества, в отношении одежды и помещения, отдыха и развлечения. положение рабов в южных штатах, без сомнения, было лучше положения земледельческих рабочих в Англии нашего времени; жизнь их вообще была более здоровой, счастливой и полной. До тех пор, пока хорошо упитанный, здоровый, сильный негр ценился в \$1000, ни один рабовладелец, как бы ни был он жесток и эгоистичен, не мог содержать своих негров так, как содержится огромная масса «свободнорожденных» англичан. Эти белые рабы не имеют никакой денежной ценности. Не труд, а земля, которая распоряжается трудом, имеет капитализированную ценность. Вы можете приобретать труд рабочих людей за цену, меньшую того, во что вам обошлось бы содержание такого же количества рабов, отвечающее требованиям рынка, и когда люди эти будут терять свои силы в работе, вы можете выбрасывать их на улицу или отправлять в богадельню.

Негры, говорят некоторые, — люди низшей породы. Но уж эти-то, белые рабы Англии, ведут свое происхождение от той породы, которая дала Англии ее ученых и поэтов, философов и государственных людей, торговцев и изобретателей, которая была оплотом маленького острова и распространила его владычество по всем морям. Это — невежественные, обесчещенные и униженные

люди, живущие жизнью рабов и умирающие смертью нищих, только потому, что у них отняты их естественные права.

Тут же, по соседству с этими людьми, тут же, неподалеку от их убогих хижин равных по удобствам свинарнику, вы можете видеть великолепные дома, окруженные столетними парками, — жилища «местных вседержителей», — как назвал их Теннисон и как где-то называют их, вероятно, в душе несчастные забытые английские фермеры. Те ничего не работают; они гордятся тем, что и предки их за много столетий никогда не работали; они с прозрением смотрят не только на того, кто работает, но и на того у кого, кто-нибудь из дедов был работающим человеком. Тем не менее они живут в чрезвычайной роскоши. У них есть дома в городе и деревне, лошади, экипажи, ливрейные лакеи, яхты, своры собак; у них имеется все то, чем может располагать богатство в литературе, в воспитании, в путешествиях. Они даже и не расходуют всего богатства, которое получают, а сберегают его в виде железнодорожных акций, государственных облигаций и покупаемых ими земель в Соединенных Штатах. И однако ни одна йота из этого богатства не была произведена ими. Они получают его от людей, которые его производят, только потому, что признаются собственниками земли.

В этом простом и ясном обстоятельстве кроется начало и первичная причина неравенства в распределения богатства, которое в Англии производит такую ужасную, развращающую бедность рядом с расточаемым богатством и которое в городах бросается в глаза даже более, чем в деревне. В этом простом и ясном обстоятельстве заключается объяснение того, почему труд считается самым дешевым товаром и почему во всех занятиях, в которых могут участвовать простые рабочие, заработная плата доходит до такого размера, что ее еле хватает на поддержание жизни. Лишенные своего естественного, природного права на землю, признанные за бродяг на Божьей земле, люди бывают вынуждены мириться с самыми жалкими условиями животного существования и опускаются, как это мы видим в фабричных городах и городских трущобах, до таких глубин бедности и унижения, что уже утрачивают самый образ человеческий и уподобляются скотам. И такое же неравенство положений, какое мы видим зарождающимся здесь в Соединенных Штатах, разве происходит не по той же причине? Американское гражданство не дает права на американскую землю. Первое и самое существенное право человека, право на жизнь, на свободу и на искание счастья,

отрицается здесь так же полно, как в Англии. И здесь должны будут обнаружиться те же самые следствия.

ГЛАВА XI. Удаление мусора.

Этот поток человеческих существ, который с возрастающей силой устремляется на наши берега, во всех отношениях заслуживает большего внимания, чем то, какое мы оказываем ему. Многое и в нем самом делает его одним из наиболее важных явлений нашего времени, но для нас он важен уже и тем, что во всякое время может уверить нас в мысли, что мы живем в условиях, в которых вскоре должна будет начаться решительная перемена. Но одна часть поселенцев, прибывающих к нам в этом году, особенно поучительна. Множество крупных пароходов атлантических линий заходит, по договору с английским правительством, в маленькие порты на западном побережье Ирландии, наполняется мужчинами, женщинами и детьми, проезд которых оплачивается их правительством, идет затем к нам за океан и высаживает своих пассажиров на набережных Нью-Йорка и Бостона, с несколькими долларами в кармане у каждого для обзаведения в Новом Свете. Сила нации заключается в людях, ее составляющих. Люди делают страну великой и могущественной, богатой и уважаемой в ряду других стран. И вот правительство, цивилизованное и христианское, или по крайней мере считающееся таковым, везет своих граждан за океан, чтобы высадить их на другом континенте, все равно, как вывозится мусор из Нью-Йорка, чтобы потом быть выброшенным в Атлантический океан. Люди эти не могут быть признаны за нежелательный элемент для формирования нации. Люди эти, во что бы они не превращались здесь, у нас, попав в наши городские трущобы, испытав на себе развращающее влияние наших политических условий и подвергшись искушениям жизни, столь отличающейся от той, к какой они привыкли, люди эти у себя на родине, как это может засвидетельствовать всякий, кто был среди них, являются людьми мирными, трудолюбивыми и, в некоторых важных отношениях, людьми исключительно нравственными, которым недостает умственного и политического развития и тех нравственных черт характера, которые придает личная независимость, только из-за бедности, на которую они осуждены. Тревилльян, главный секретарь по делам Ирландии, заявлял в нижней палате, что люди эти физически и нравственно здоровы и вполне способны добывать себе средства к жизни. Тем не менее правительство, членом которого он состоит, вывозит их за общественный счет, как Нью-Йорк вывозит свой мусор!

Люди эти вполне способны добывать себе средства для жизни, говорит Тревилян, однако, оставаясь на родине, они способны добывать себе лишь самое скудное пропитание в благополучные времена, а в плохие времена приходится повышать налоги и собирать милостыню для того, чтобы сохранить их в живых, и вот самым дешевым способом избавиться от них оказывается отправка их за океан за общественный счет.

В чем же причина этого? Почему эти люди, сами по себе вполне способные добывать себе средства к жизни, не могут добыть их у себя на родине? Да просто потому, что те естественные, равные и неотчуждаемые права человека, которыми, как это утверждает наша Декларация независимости, были наделены эти люди от их Творца, отрицаются за ними. Голод, нищета, произвол и смута в Ирландии, тяжкие неправды, раздувающие пламя ирландского «мятежа», и трудности, спутывающие английских государственных людей в отношении Ирландии, все это вытекает из того, что Учредительное собрание Франции, в 1789 году, провозглашало причиной общественных несчастий и правительственной развращенности, — из пренебрежения к человеческим правам. Ирландский фермер вынужден голодать, нищенствовать или выселяться; он становится в глазах людей, которые правят им, просто общественным мусором, который нужно увозить куда-нибудь, социальным отбросом, потому, что за ним, как за английским фермером, который живет рабом и умирает нищим, отрицаются его естественные права на его родную землю; потому, что не признается за ним его неотчуждаемое право на добывание богатства своим трудом и на удержание его для собственного потребления.

Страна, из которой уезжают эти люди, — а осуществляемое при помощи правительства выселение из нее ничтожно сравнительно с добровольным выселением, — страна эта вполне способна содержать в благосостоянии население, несравненно большее того, какое в ней когда-либо имелось. Нет никаких естественных причин, в силу которых ее обитатели, способные добывать средства к жизни, должны бы были испытывать нужду и голод. И причина, почему они испытывают их, заключается единственно в том, что они лишены земли, на которой они могли бы работать, и законы позволяют другим людям отнимать у них произведения их труда, когда им дозволяется где-либо работать. Из всей массы этих людей, отправляемых в

настоящее время через Атлантический океан английским правительством и выбрасываемых на наши берега с несколькими долларами в кармане, вероятно, не найдется ни одного, из людей зрелого возраста, который не произвел бы своим трудом столько богатства, что его хватило бы не только для того, чтобы до сего времени поддерживать его в гораздо большем благосостоянии, чем то, в каком он жил, но и на то, чтобы заплатить за свой переезд через Атлантический океан, если бы он пожелал приехать сюда, и иметь при себе, по высадке на наш берег, достаточно денег, чтобы начать какое-нибудь дело. У них нет ни гроша только потому, что их систематически грабили со дня их рождения до дня их отъезда из родной стороны.

Год тому назад я путешествовал по той части Ирландии, из которой с помощью правительства уезжают эти переселенцы. Что с самого начала поразило меня, как американца, даже в Коннате*, так это очевидная редкость населения; невольно являлось сомнение, да есть ли что-нибудь подобное той перенаселенной Ирландия, о которой мы так много слышали. Всюду изобилие прекрасной земли, но на ней лишь пасется жирный скот и овцы, такие чистые и белые, что кажется сначала будто их моют и чешут каждое утро. Некогда эта земля обрабатывалась и была заселена, по теперь вы видите там лишь следы разоренных деревень и кое-где жалкие хижины пастухов, живущих так, что им едва ли позавидовали бы дикари. Собственники этой земли, живущие где-нибудь в Лондоне, нередко даже не видевшие своих поместий, находят для себя более выгодным скотоводство, чем земледелие, и люди сгоняются с их земли. Только лишь достигнув болот и скал, в горах и на морском берегу, находите вы плотное народонаселение. Тут оно скучивается на земле, которую природа не предназначила для проживания человека. Она слишком бедна для пастбища, потому людям, согнанным с лучшей земли, дозволяется жить на ней, — пока они исправно вносят свою арендную плату. Если бы это не было так грустно, то вы рассмеялись бы, глядя на те клочки земли, которые они называют своими полями. Можно предположить, что первоначально почва там была столь же пригодна для обработки, как мостовая на какой-нибудь улице большого города. Но при затрате огромного труда маленькие камни выбирались и складывались в кучи, хотя оставались большие валуны, делающие невозможной обработку

---

* Провинция на юго-западе Ирландии

плугом; а в болоте срезался верхний слой и заменялся слоем водорослей, приносимых на себе с морского берега мужчинами и женщинами, пока почва не удобрялась настолько, что начинала давать урожай.

И за такие-то ключья скал и болоту — землю их можно бы было назвать только лишь из любезности, — которые, если что производят, то только благодаря непрестанному труду, люди эти вынуждены платить своим гуляющим где-то помещикам арендную плату, изменяющуюся от 1 до 4 фунтов стерлингов за акр; кроме того они должны платить прежде, чем брать их для удобрения, за водоросли, которые выбрасываются на берег прибоем пустынных волн Атлантического океана, и за торф, который срезывается с болота. В сущности, людям этим приходится платить за свою землю более, чем сколько они могут получить с нее. На самом деле они принуждены платить не только за пользование землею и за пользование океаном, но и за пользование воздухом. Они уплачивают свою ренту и в урожайные годы поддерживают свое существование из тех грошей, которые вырабатывают женщины вязкой чулок в то время, как они тащат свои корзины на рынок или с морского берега; из заработка людей, которые каждый год переправляются в Англию на уборку хлеба, или из денег, присылаемых им их мужьями или детьми из Америки, куда им удалось перебраться. И все же, невзирая на свой бесконечный труд, люди эти живут в страшной бедности. В хорошие годы они еле сводят концы с концами. В плохие годы, когда болезнь поражает картофель, они принуждены бывают питаться водорослями или просить помощи у прихода и жить на те средства, которые собираются для них путем подписки в разных странах мира. Когда кто-нибудь из них делается таким богатым, что у него заводятся цыплята или свинья, и ему так же мало приходит в голову употребить их в пищу как Вандербильту зажарить своих чистокровных лошадей стоимостью \$50000. Их продают, а вырученные деньги берегут для уплаты аренды. В озерах вы можете видеть жирных лососей заплывающих туда из моря; но они так же мало могут попасть к этим людям, как если бы ни них сама природа сделала надпись «Лорду такому-то, в Лондон, с приветом от Господа Бога». В самых лучших лавочках, какие встречаются там по деревням, товар состоит из нескольких фунтов сахара и чая, расфасованных по маленьким пакетикам, из небольшого количества муки, двух или трех красных юбок, немного грубой ткани, несколько ярдов фланели и колленкора,

коробки с пуговицами и нитками, пачки табаку и, может быть, двух бутылок местной водки, спрятанной где-нибудь в земле на некотором расстоянии от избушки, на тот случай, если придет полиция, чтобы лавочник не угодил из-за них в тюрьму. Ведь нужно на что-нибудь содержать королеву и армию, да и производителям алкоголя из Дублина, Белфаста и Корка, которые всецело держатся на акцизе, надо же на какие-нибудь средства строить церкви и реставрировать соборы. Настолько бедны эти люди, так мало имущества в их хижинах, что в 1882 году один помощник шерифа, производивший в тех местах опись имущества за невзнос арендной платы приблизительно у ста семей, насчитал стоимость его менее, чем на 3 фунта стерлингов.

Ну а лендлорды, — ах! Лендлорды — те живут иначе. То и дело, путешествуя по этой стране, приходится проезжать мимо их роскошных домов, мимо их великолепных усадеб, окруженными стенами. Проникнуть за эти стены — почти то же, что вступить в иной мир. Широкие луга, покрытые нежной зеленой травой, клумбы из ярких цветов, тенистые аллеи и просторный дом со всеми причудами роскоши, с огромными конюшнями, псарнями и прочими принадлежностями. Однако, имея эти великолепные усадьбы, крупные землевладельцы, за редкими исключениями, живут в Лондоне или Париже, или проводят часть года в больших городах, а остальную в Швейцарии, Италии или где-нибудь еще, на берегах Средиземного моря. Иногда некоторые из них предпринимают путешествие и за океан, чтоб посмотреть на нашу новую страну и познакомиться с ее огромными удобствами для помещения капиталов в пока еще нетронутые земли, которые вскоре будут иметь такую же ценность, какую имеют помещичьи земли в Англии или Ирландии, Им не нужно работать; их доходы поступают к ним без всякого труда с их стороны — все, что им приходится делать, так это только — тратить. Некоторые из них собирают галереи наиболее ценных картин; другие имеют страсть к старым книгам и платят баснословные цены за редкие издания. Некоторые занимаются игрой, другие держат конюшни скаковых лошадей или дорогие яхты, а есть и такие, которые избавляются от своих денег еще худшими способами. Даже их агенты, дело которых состоит в вымогательстве ренты из ирландцев, которые трудятся, живут в роскоши. Тем не менее все это берется из заработка как раз тех людей, которые в настоящее время выбрасываются без гроша в кармане, на наши берега, — из их заработка и из того, что высылают им их родственники из Америки

или добротные жертвователи.

Именно для поддержания такой-то системы грабежа Ирландия и переполнена в настоящее время полицией и войсками, шпионами и доносчиками, и народ, который мог бы составить нераздельную часть британской нации, делается из-за нее камнем преткновения для этой нации, ее обузой, источником ее слабости и бессилия. Экономически, ирландские помещики полезны не более, чем такое же количество крупных, прожорливых хищников, — волков, слонов-одиночек или тех драконов, которых убивал, по преданиям, Св. Георгий. Они ничего не производят; они только поглощают и уничтожают. И уничтожают они даже больше, чем поглощают. Ибо Ирландия не просто превращается в военно-полицейский лагерь для удержания народа в повиновении в то время, как его обирают; но и производители богатства, лишенные, из-за этого грабежа, капитала и осужденные на бедность и невежество, делаются также неспособными производить то богатство, которое они могли бы производить и производили бы, если бы труд получал свое полное вознаграждение и богатство оставалось у тех, которые его создают. Конечно, истинная государственная мудрость подсказала бы, что если кого следует удалять из страны, так это тех, которые только поглощают и уничтожают, а не тех, которые производят богатство.

Но английские государственные люди думают иначе, и этот излишек ирландских жителей, этот отброс ирландских мужчин, женщин и детей, — излишек и отброс потому, что ирландские помещики не имеют в них надобности, — удаляется из его родной страны и выбрасывается на наши берега. Они прибывают в нашу страну, — «страну людей свободных и отечество храбрецов», — как раз ко времени четвертого июля, когда они могут слышать обычное в день нашего национального праздника чтение Декларации независимости, с ее громогласным утверждением неотчуждаемых прав.

Но избавляются ли они здесь от той системы, которая делала их на родине рабами и человеческим мусором? Вовсе нет. Они даже не избавляются от власти своих прежних помещиков отбирать у них произведения их труда.

Мы получаем из Ирландии, Англии и Шотландии не только излишних рабочих от помещиков, но и самих помещиков. Одновременно с этой эмиграцией совершается движение, которое делает помещиков и капиталистов Великобритании собственниками

обширных пространств американской земли. Уже и теперь едва ли найдется какая-нибудь крупная землевладельческая семья в Великобритании, которая по владела бы еще более крупными американскими поместьями, а американская земля среди них делается все более и более излюбленным местом для помещения капиталов. Американские поместья английских землевладельцев и торговцев пока еще не представляют такой ценности, как их владения в собственной стране, но долго не придется ждать, чтобы они сравнялись в виду роста численности нашего населения, усиливаемого эмиграцией.

Каждый «лишний» ирландец, англичанин для шотландец, пересылаемый к нам, непосредственно содействует повышению цен на землю и арендных плат или ренты с нее. Поощрение переселенческого движения из Старого Света в Новый есть счастливая выдумка этих помещиков двух континентов. Они освобождаются от людей, которых в голодные годы им приходилось бы так или иначе содержать, предупреждая, как им кажется, недовольство в народе, а вместе с тем они повышают ценность своих американских поместий.

Нет ничего невероятного в том, что некоторые из этих изгнанных фермеров оказываются здесь снова платящими аренду тем же самым помещикам, которых доходы они так долго повышали своим трудом у себя на родине; но случается ли это, или нет, а уже одно их прибытие сюда, сказываясь на возрастания спроса на землю, создает возможность для этих помещиков требовать с каких-нибудь других людей, чтобы те отдавали им часть своих трудов в обмен на милостивое дозволение жить на американской земле. Только в виду этого и с этой целью, землевладельцы Старого Света покупают так много земли в Новом. Она им нужна не для того, чтобы жить на ней; они предпочитают жить в Лондоне или Париже, как это научаются делать теперь и многие из привилегированных классов в Америке. Она им нужна не для того, чтобы работать на ней; они вовсе не собираются работать. Ради чего она им нужна, так это только ради той власти, которую будет давать, лишь только еще немножко увеличится наше население, право собственности на нее, — ради возможности отбирать у народа зарабатываемое им. А при теперешних условиях это будет делом не поколения или двух, а только лишь нескольких лет, что они окажутся в состоянии получить в своих американских поместьях суммы, даже большие, чем в ирландских. Другими

словами, они на самом деле, хоть и в скрытой форме, будут в большей мере владеть американцами, чем теперь владеют ирландцами.

Та система, которая разоряла и доводила до нищеты массу ирландского народа ради выгоды немногих избранных, оказывается здесь не только не более далекой от этих ирландских выходцев, но даже имеющей здесь для себя больше простора, чем в Ирландии. Не взирая на то, что мы читаем Декларацию независимости каждое четвертое июля, подымаем большой шум и устраиваем великое торжество, это первое из неотчуждаемых прав, которым каждый человек наделяется от Создателя, — равное с прочими право на пользование естественными элементами, без которых не может производиться богатство и даже поддерживаться жизни, — признается у нас не более, чем в Ирландии.

Много говорят об ирландском «помещичьем землевладении», как будто это был особый род помещичьего землевладения или это было помещичье землевладение особенно вредного рода. Этого нет. Ирландское помещичье землевладение ничем не хуже английского, шотландского или американского, да и ирландские помещики не более жестокие люди, чем всякие другие. Обыкновенно, люди с образованием и культурные, свykшиеся с легкой жизнью, они, вообще, менее хищны в отношении своих арендаторов, чем эти арендаторы в отношении тех фермеров, которым они пересдают землю. Они смотрят на землю, как на свою собственность, только и всего, и желают получать от нее доход, и на управляющего, который высылает им больший доход, они, естественно, смотрят, как на лучшего управляющего.

Такие вожди ирландского народа, как Дарнелль или Салливан, когда им случается быть здесь и произносить речи, обыкновенно очень много толкуют о «феодальном» землевладении в Ирландии. Это — обман, попытка внушить мысль, будто ирландское землевладение есть нечто отличное от американского, которая делается с явной целью не обидеть американских землевладельцев и в то же время ругнуть ирландских. В Ирландии нет ничего такого, что можно бы было назвать феодальным землевладением. Вся власть, которой располагает ирландский помещик, вся тирания, какую он проявляет, вытекает из его права собственности на землю, из закона, признающего ее его собственностью. Если помещичье землевладение в Ирландии представляется более ненавистным, чем в Англии, то только потому, что промышленная организация там более примитивна и меньше там

посредников между человеком, которого грабят, и человеком, которому достается награбленное. И если и ирландское и английское помещичье землевладение представляется более ненавистным, чем та же система в Америке, то только потому, что это новая страна и не вся еще земля в ней прибрана к рукам. Но по закону эти господа и купцы, приобретающие в нашей стране гораздо более крупные поместья, чем те, какими они владеют у себя дома, имеют здесь более власти, как землевладельцы, чем у себя на родине,

В Ирландии, в особенности, законодательство в течение целого ряда лет было направлено к тому, чтобы сдержать власть землевладельца в его отношениях к арендатору. В Соединенных Штатах он обладает во всей полноте неограниченной властью делать все, что ему угодно с его собственностью. Отдача земли тому, кто больше дает, есть у нас обычная, почти единственная форма аренды. У нас нет длинной судебной процедуры для получения исполнительного листа о выселении арендатора, не полагается никаких сношений с комитетом вспомоществования бедным, Арендатор, от которого желает избавиться землевладелец, может быть прогнан с минимумом хлопот и издержек.

Вот что, между прочим, пишет в нью-йоркской газете «Трибуна» один из ее журналистов:

Судья Гедни рассказывал мне, что первого числа этого месяца он подписал не менее двухсот пятидесяти исполнительных листов о выселении неплатежеспособных арендаторов. На его участке имеется несколько переулков с маленькими квартирами и у него бывает неприятных дел такого рода не меньше, чем у любого из его судейских собратий. Первое мая является, конечно, самым бойким днем для дел такого рода, но и вообще в начале каждого месяца приходится подписывать не меньше сотни этих исполнительных листов. Для людей с излишней чувствительностью к разным мелким жизненным тревогам едва ли можно придумать лучшее лечение, как обязательное присутствие при разбирательстве дел такого рода. Вот где раскрываются самые глубины человеческого несчастья. По словам судьи, в худших случаях неплатежеспособность квартиросъемщиков обуславливается скорее их неудачами, чем ленью или беспутством. У человека вскакивает волдырь на пальце руки, который держит его дома, пока он не проест

все свои сбережения и не унесутся в ломбард все его пожитки, а там дети заболеют или жена умрет, и вот управляющий, по строгому предписанию владельца, который возможно живет роскошно где-нибудь в Европе, требует немедленного погашения задолженности и подает в суд на задолжника.

Несколько времени тому назад, когда еще были сильные холода, я видел в газетах сообщение о том, как в каком-то городке Пенсильвании была найдена в бочке на пустыре женщина с троими детьми, голодавшая и почти замерзшая. История ее была очень простая. Муж ее, потеряв работу, сделал покушение на кражу и был отправлен в тюрьму. Платить за квартиру было нечем, хозяин выселил их, и, как в единственное прибежище, они залезли в бочку. В Ирландии, как там ни плохо, к ним во всяком случае явился бы член попечительства о бедных и по меньшей мере предложил бы им поселиться где-нибудь в приюте.

И эти ирландские мужчины и женщины, выбрасываемые на наши берега с пятью-шестью долларами в кармане, находят ли они здесь для себя более легкий доступ к земле, чем у себя на родине? Они еще могут некоторое время рассчитывать на него где-нибудь на Диком Западе, если они знают, как туда пробраться и могут туда отправиться. Но здесь, хоть они и увидят, даже около Нью-Йорка, множество неиспользованных земель, всюду будет оказываться, что земля уже принадлежит кому-нибудь. Пусть они отправятся на какую угодно работу, и им придется здесь, как и у себя, отдавать некоторую часть своего заработка за дозволение трудиться и платить каким-то другим человеческим существам за дозволение жить. В общем, их виды на будущее будут здесь лучше чем у себя, т. к. это еще новая страна и сто лет сому назад наши поселения лишь узкой полоской окаймляли с востока берег обширного материка. Но теперь на всем протяжении от Атлантического и до Тихого океана у нас уже есть свой человеческий мусор и некоторая часть этого ирландского человеческого мусора, без сомнения, пойдет лишь на его увеличение. Куда бы вы ни отправились, везде в нашей стране уже встречается бродяга-нищий, и в самом Нью-Йорке, по донесениям Общества организации благотворительности, двести пятьдесят тысяч человек живет милостыней. Что будет с нами через несколько лет, когда нам некуда будет вываливать свой мусор? Будет ли нам легче от того, что наш человеческий мусор будет иметь право участия в выборах?

ГЛАВА XII. Перепроизводство.

Что общественные несчастья и коррупционность правительств, как это было провозглашено французским учредительным собранием, вытекают из невежества, пренебрежения или презрения к человеческим правам, это мы можем видеть всюду, куда бы мы ни посмотрели.

Возьмите хотя бы это «перепроизводство», о котором так много говорят и которому обыкновенно приписывают экономические спады и безработицу. Если мы разберемся в нем, то разве не покажется нам крайней нелепостью говорить о нем в сколько-нибудь общем смысле? Перепроизводство богатства в такое время, когда повсюду идет острейшая борьба за приобретение богатства; когда множество людей живет самой обездоленной жизнью, выбивается из последних сил и прибегает к всевозможным средствам, чтобы добыть себе на пропитание, когда огромная часть населения пребывает в бедности и терпит всякие лишения! Разве может быть перепроизводство, в сколько-нибудь общем и абсолютном смысле, в такое время, когда еще не удовлетворены желания всех, ищущих богатства, когда есть еще люди, добывающиеся его?

Относительное перепроизводство, конечно, может быть. Некоторые товары могут быть произведены в значительном излишке, в несоразмерном отношении к количеству производимых товаров, так что, при обмене их на эти другие товары, не будет получаться обычного вознаграждения за труд и капитал, затраченный на их производство и доставку на рынок. Но это относительное перепроизводство есть ничто иное, как несоразмерное производство. Причина его — увеличенное производство какого-либо предмета или уменьшенное производство других предметов.

Так, то, что мы назвали бы перепроизводством часов, — когда было бы произведено часов не более, чем сколько их может требоваться, но более, чем сколько может быть продано их по прибыльной цене, — было бы только относительным перепроизводством. Оно могло бы явиться вследствие увеличения производства часов, обгоняющего способность покупать часы, или вследствие сокращения в производстве других предметов, ослабляющего способность покупать часы. Все равно, как бы ни увеличивалось производство часов в пределах желания иметь их,

перепроизводства их не было бы, если бы в то же самое время производство других предметов возрастало в достаточной мере, чтобы можно было давать в обмен на возросшее количество часов пропорционально возросшее количество других предметов. И все равно, как бы ни сокращалось производство часов, у нас было бы относительное перепроизводство их, если бы в то же самое время производство других предметов сократилось в такой мере, что в большей степени уменьшилась способность давать другие предметы в обмен на часы.

Короче говоря, раз не удовлетворено желание, перепроизводство какого-либо отдельного товара может быть лишь по отношению к производству других товаров и может вызываться или чрезмерным возрастанием производства в отдельных отраслях промышленности или задержкой производства в других отраслях. Но хотя явления перепроизводства, таким образом, могут зависеть от причин, непосредственно вызывающих возрастание производства, или от причин, непосредственно вызывающих задержку в нем, все равно, как весы могут выходить из равновесия и от прибавки и от уменьшения груза, тем не менее существуют признаки, дающие возможность определять, какого именно рода причины, из этих двух, нарушают равновесие. Ибо лишь до известного предела а в известных границах эти различающиеся причины могут производить одинаковые следствия; но в общем они резко расходятся по своему действию. Возрастание производства в какой-либо отрасли промышленности стремится увеличивать все вообще производства; задержка производства в какой-либо отрасли промышленности стремится задержать все вообще производства.

Это различие в общем влиянии причин того или другого рода можно уяснить себе на разнице в общем влиянии увеличения или уменьшения производства в одной и той же отрасли промышленности. Предположим, что вследствие открытия новых шахт, усовершенствования технологий или других каких-либо причин быстро и сильно увеличится добывание угля непропорционально с ростом других отраслей промышленности. В свободной продаже цена на уголь, конечно, упадет. Вследствие этого потребители угля получают возможность несколько увеличить свое потребление угля и других предметов, а сокращение затрат на уголь скажется возбуждающим образом на всех тех отраслях промышленности, которые участвуют прямо или косвенно в потреблении угля. Таким образом, общим

следствием будет рост промышленности, и нарушенное равновесие между добыванием угля и производством других предметов будет восстановлено путем возрастания всего производства.

Но предположим, что владельцы шахт и угледобывающие компании решат, с целью поднятия цены на уголь, как это нередко ими делается, приостановить или сократить добывание угля. Огромная масса людей, занятых добыванием угля, сразу же почувствует себя, целиком или отчасти, лишенной покупательной способности. Их спрос на товары, которые они обыкновенно потребляют, упадет; спрос и потребление в других отраслях промышленности уменьшатся, и другие потребители, к свою очередь, вынуждены будут уменьшить свой спрос. В то же время повышение цены на уголь будет сказываться в возрастании стоимости производства во всех отраслях промышленности, потребляющих уголь, и в уменьшении спроса на уголь и на другие предметы со стороны потребителей угля. Таким образом задержка производства будет распространяться на все отрасли промышленности, и восстановление равновесия между добыванием угля и производством других предметов совершится путем общего сокращения производства.

Всякая торговля — это надо напомнить — есть обмен товаров на товары; деньги являются лишь мерою ценностей и средством более удобного и бережливого выполнения обмена. Спрос, который отличайся от желания тем, что предполагает собой наличие покупательной способности, есть искание каких-нибудь предметов для обмена на равноценное количество других предметов, Предложение есть предоставление каких-нибудь предметов для обмена на равнозначное количество других предметов. Это, следовательно, относительные понятия; всякий спрос включает в себе предложение, а всякое предложение включает в себе спрос. Все, что увеличивает количество предметов, предоставляемых на обмен на другие предметы, в одно и то же время усиливает предложение и увеличивает спрос. И, обратно, все, что задерживает доставку товаров на рынок, в одно и то же время сокращает предложение и уменьшает спрос.

Таким образом, — хотя и оказывая, быть может, совершенно одинаковое влияние на предложение и спрос известного товара или группы товаров, — увеличение предложения таких товаров и сокращение предложения других товаров, будут оказывать

совершенно различные последствия. Увеличение предложения таких товаров будет возбуждать промышленность, вызывая большее предложение других товаров и усиливая в общем спрос; тогда как сокращение предложения других товаров будет угнетать промышленность, уменьшая всю совокупность спроса и сокращая предложение. Баланс предложения и спроса между сельскохозяйственными и промышленными товарами, таким образом, мог бы изменяться в одном и том же направлении и в одном и том же размере, как теми урожайными годами и усовершенствованиями в земледелии, которые понижают цену сельскохозяйственных товаров, сравнительно с ценой промышленных товаров, так и теми стеснениями в производстве или обмене промышленных товаров, которые повышают их цену, сравнительно с ценою сельскохозяйственных продуктов. Но в одном случае общая сумма производства в стране увеличивалась бы. Не только возрастало бы производство сельскохозяйственных продуктов, но и одновременное возрастание спроса оказывало бы возбуждающее влияние на производство промышленных товаров, причем и оживление промышленности, давая возможность людям, занятым в ней, увеличивать свой спрос на сельскохозяйственные продукты, влияло бы в свою очередь обратно на земледелие. Тогда как в другом случае общая сумма производства уменьшалась бы. Возрастание цен на промышленные товары заставляло бы фермеров сокращать свой спрос, а это в свою очередь ослабляло бы способность людей, занятых в промышленности, к спросу на сельскохозяйственные продукты. Торговля падала бы, и производство всюду останавливалось бы. Что так это и бывает, это мы можем видеть на различных явлениях общего характера, следующих за урожайными и неурожайными годами, хотя бы для отдельных фермеров высокие цены и являлись возмещением за плохой урожай.

Повторяем сказанное. Относительное перепроизводство может зависеть и от причин, которые увеличивают производство, и от причин, которые уменьшают его. Но увеличение производства в какой-либо одной отрасли промышленности стремится увеличить производство во всех ее отраслях, оживить торговлю и повысить общее благосостояние, при чем всякое, вызываемое им, нарушение равновесия обыкновенно быстро восстанавливается. А уменьшение производства в какой-либо одной отрасли промышленности стремится, напротив того, уменьшить производство во всех его

отраслях, сократить торговлю и понизить общее благосостояние, причем угнетенное состояние, возникающее таким образом, обыкновенно захватывает все более и более широкие круги, и по всем отраслям промышленности задержка производства в одной вызывает сокращение спроса на произведения других.

Вникнув теперь в общераспространенные явления, которые обычно приписываются перепроизводству, едва ли кто усомнится в том за следствия какого рода причин, из двух вышеупомянутых, должны они признаваться. Всякий заметит в них признаки не избыточного производства, а производства стесненного и подавленного.

Мы многочисленными способами прямо и косвенно сдерживаем производство. Производство, — напомним это, — означает собой не только самое изготовление предметов, но и их транспортировку и обмен. И всякое стеснение торговли может вызывать такие же глубокие нарушения производства, как стеснения, налагаемые на земледелие, фабричную или заводскую промышленность. Таможенный тариф, который мы поддерживаем с явным намерением подавления нашей иностранной торговли и стеснения свободного обмена наших товаров на товары других стран, есть на самом деле подавление производства. Монополии, развившиеся у нас при нашем содействии или попущении, облагающие своей данью нашу внутреннюю торговлю или, при помощи предпринимательских союзов, уменьшающие цены, подавляют производство таким же точно образом; тогда как налоги, которыми облагаются по нашей системе внутренних налогов некоторые отрасли промышленности, уже непосредственно подавляют производство.*

---

* Могут ли налоги на спиртные напитки и табак защищаться на каких-либо иных основаниях, этого мы не будем здесь рассматривать. Однако то, что говорит об этом Адам Смит, будет бесполезно привести здесь в коротенькой цитате:

Если мы обратимся к опыту, то дешевизна вина окажется, по-видимому, причиной воздержности, а не пьянства. Жители стран, производящих вино, вообще самые трезвые люди в Европе, как это можно видеть на испанцах, итальянцах и населении Южной Франции. Люди редко грешат излишеством в том, что составляет их повседневное продовольствие. Никто не станет выражать своей дружбы или великодушие, допуская излишество в напитке столь же дешевом, как квас. Напротив того, в странах, в которых из-за излишнего тепла или холода не растет виноград, и, следовательно, вино дорого и является редкостью, пьянство бывает обычным пороком, как это мы видим среди северных народов и живущих под тропиками, — например, у негров на Гвинейском берегу. Когда какой-нибудь французский полк

Также задерживают производство и прямые налоги, собираемые органами местного самоуправления, в сумме превышающие налоги центрального правительства. Налоги эти обыкновенно собираются со всех видов собственности в одном и том же размере и падают частью на землю, которая не есть результат производства, а частью на предметы, являющиеся результатом производства; но, не говоря уже об обложении зданий и сооружений, самое обложение земли при этих налогах оказывает отвращающее от производства влияние, т. к. застроенная и использованная земля оценивается для них всегда выше, и нередко значительно выше, такой же земли, незастроенной и неиспользованной.*

Этими налогами мы как бы грозим тем людям, которые что-либо производят или улучшают. Мы, в сущности, так относимся к людям, которые производят или накапливают богатство, как можно бы было относиться к ним лишь в том случае, если бы ради общественного блага нам следовало всячески сдерживать их. Сооружается дом, спускается на воду пароход, устраивается фабрика, и сейчас же являются члены оценочной комиссии, чтобы оштрафовать за это. Если человек занимает пустующую землю, которая ничем не увеличивала богатство общества, расчищает ее, обрабатывает, покрывает зреющим хлебом или выращивает на ней скот, то мы не только заставляем его

переводится из северных провинций Франции, где вино дорого, в южные, где оно очень дешево, то солдаты, как это мне не раз приходилось слышать, сначала сбиваются с толку дешевой и новизной хорошего вина; но после нескольких месяцев постоя, большая часть их делается столь же воздержными, как и прочие жители. Будь разом отменены в Великобритании пошлины на иностранные вина и акциз на солод и пиво, и это могло бы, подобным же образом, вызвать почти общее временное пьянство в средних и низших классах, которое, вероятно, вскоре же сменилось бы постоянным и почти всеобщим воздержанием. В настоящее время пьянство отнюдь не представляет из себя порока людей состоятельных или людей, которые легко могут приобретать самые дорогие напитки. Едва ли кто видал среди нас господина, который допьяна напился бы в кабаке. Ограничения, налагаемые на торговлю вином в Великобритании, собственно, не столько рассчитаны на то, чтобы удержать людей от посещения питейных заведений, сколько на то, чтобы удержать их от посещения заведений, в которых они могли бы получать самые лучшие и самые дешевые напитки». «Богатство народов», кн. IV, гл. III.

* Это обуславливается широко распространенным, но крайне ложным понятием, будто собственность должна облагаться налогами лишь соответственно приносимому ею доходу. В Великобритании он доводится до таких верхов нелепости, что с земли, которой не пользуются, вовсе не платятся налогов, хотя бы она имела огромную стоимость.

платить за это увеличение богатства, но, как бы для того, чтобы еще сильнее отвлечь его от совершения таких дел, облагаем землю его налогом в гораздо большем размере, чем пустующую землю такой же стоимости. Делает кто сбережения, и мы своими налогами как бы караем его за его бережливость. Таким образом производство сдерживается во всех направлениях.

Но это еще не все. У нас есть еще лучше средство для подавления производства.

Если бы в этом мире были высшие существа, занятые, с высшим пониманием, изучением его бесконечных чудес, которые иногда исследовали бы то пятнышко, которое мы населяем, с таким же научным интересом, с каким наши ученые через микроскоп наблюдают состав капли воды, то они были бы очень озадачены распределением народонаселения в таких странах, как наша. В наших городах они увидели бы людей, скученных вместе так тесно, что они живут ярусами друг на друге; в деревнях же население показалось бы им расселенным слишком редко для того, чтобы оно могло пользоваться выгодами соседства. Они увидели бы здания, возвышающиеся на окраинах наших городов, тогда как несравненно более ценные участки земли ближе к центру оказывались бы незастроенными. Они увидели бы людей, проходящих огромные расстояния для того, чтобы иметь возможность осесть на землю, в то время, как тут же, в тех местах, из которых они идут, имеется видимо-невидимо земли, ожидающей обработки. И наблюдая такого рода расселение через достаточно сильные микроскопы, чтобы видеть таких созданий, как мы, эти мыслящие существа не могли бы не обратить внимания на то, что поселенцы эти, вместо того, чтобы тянуться друг к другу, отделяются друг от друга широкими полосами необрабатываемой земли. Если бы оказались во вселенной ученые общества, стоящие к нам в таком же отношении, в каком наши ученые общества стоят к муравьям или микроскопическим животным, то явления такого рода должны бы были вызвать среди них бесконечное число забавных объяснений.

Бросьте в воображении взгляд на Нью-Йорк с птичьего полета, как вы посмотрели бы на него с воздушного шара. Дома лезут к небу, в восемь, десять, даже пятнадцать этажей, в которых люди живут ярус над ярусом, семья над семьями, не имея достаточно света или воздуха, не имея места, где могли бы доиграть дети или подышать полной

грудью взрослые. Постройки размещены так тесно, что улицы кажутся, как бы узенькими трещинами в массе цемента и кирпича; сплошь застроенные пространства идут от улицы к улице, почти встречаясь, а в более новых частях города зады домов, выходящих на одну улицу, отделяются от домов, выходящих на другую, всего только разрывом в несколько метров, — узкой расщелиной в каменных громадах, в которую даже в полдень еле проникает солнечный луч. Однако вокруг этого города и в удобном сообщении с центром есть множество пустующих земель; в сущности, в пределах города земля не застроена и на половину, пустующие участки нередко окружают собой сплошь примыкающие друг к другу огромные дома, кишашщие жильцами. Если бы, благодаря каким-нибудь усовершенствованиям в наших телескопах, мы усмотрели на другой планете озера, в которых вода, вместо того, чтобы представлять ровную поверхность покрытую лишь легкой зыбью от ветра, стояла бы местами в виде высоких колонн, то это явление едва ли смутило бы нас более, чем смутило предположенных мною существ то, что они увидели бы на Земле. Почему, — без сомнения, спрашивали бы они себя, — при такой большой плотности населения, которая заставляет дома, склады и магазины вытягиваться вверх, может оставаться эта свободная земля незастроенной и неиспользованной? Какая-нибудь да есть этому помеха, но что это за помеха, — вероятно, оставалось бы для них загадкой.

Австралийский абориген одного из тех языческих племен, которые мы цивилизуя почти стерли с лица земли, — тот мог бы сделать некоторую догадку. Когда какой-либо из их верховных вождей касался какого-нибудь места или предмета, то это место или предмет делались «табу» и никто уже из простых смертных, ни один из этих суеверных дикарей не осмеливался пользоваться ими или касаться их. Он скорее обойдет десятки миль, чем коснется своей ногой дороги, ставшей «табу», скорее будет изнывать или умирать от жажда, чем напьется из источника, ставшего «табу»; скорее будет умирать с голода, чем наберет себе в роще, ставшей «табу», плодов, которые гниют там на земле перед его глазами. Абориген этот сказал бы, что пустующая земля эта, вероятно, «табу». И это был бы не далеко от истины. Эта земля пустует просто потому, что она предана проклятию из-за той формы «табу», которую мы суеверно почитаем под именем «частной собственности» и «узаконенных интересов».

Невидимой преградой, которая не позволяет строиться домам и

расширятся городу, является высокая цена на землю, возрастающая вместе с уверенностью в том, что из-за увеличивающегося народонаселения будет усиливаться и нужда в земле. Таким образом, чем больше является побуждений пользоваться землей, тем выше поднимается эта преграда, препятствующая пользоваться ею. Огромные дома с маленькими квартирами строятся среди пустующих земель только потому, что цена, которую приходится платить за землю, так высока, что люди с маленькими средствами принуждены всячески сокращать свое пользование ею, поселяясь семья над семьей.

В то время, как во всех наших городах рост цен на землю, зависящий не только от роста этих городов, но и от ожидания его, вызывает таким образом задержку в постройках и пользовании землею, в деревнях этот рост земельных цен сказывается несколько иначе. Вместо того, чтобы сгущивать, как не следовало бы, народонаселение, там он, как не следовало бы, рассеивает его. Ожидание барышей от роста цен на землю побуждает людей, селящихся на новых землях, довольствоваться не той землей, какой они могут всего выгоднее пользоваться, а брать ее возможно больше, хотя бы большая часть ее и оставалась в их руках праздною; и огромные пространства земли захватываются людьми, которые даже и не имеют в виду пользоваться ею, а рассчитывают лишь сорвать хорошую цену с других, которым со временем надо будет пользоваться ею. Таким образом население рассеивается по огромным пространствам, не только с утратой тех удобств и радостей, которые возникают из близкого соседства, но и с потерей в производительной силе. Излишние затраты на постройку и содержание железных и других дорог; большие расстояния, через которые должны перевозиться сельскохозяйственные продукты и прочие товары; трудности, которые разъединение налагает на торговлю необходимую даже для более грубых форм современного производства, все это замедляет и сокращает производство. Вместе с тем, как в больших городах и около них высокие цены на землю затрудняют постройку домов, так в деревнях возрастание цен на землю затрудняет обработку и вообще пользование сельскохозяйственными землями. Чем выше цена на землю, тем больше требуется капитала для земледельца, чтобы приобрести ее; или тем больше приходится ему отдавать за нее произведений своего труда, когда он покупает ее с рассрочкой платежа или арендует. Люди, которые ревностно улучшали бы и обрабатывали

бы землю, если бы они могли иметь к ней доступ, отстраняются от нее, чтобы тащиться огромные расстояния и расточать свои средства в поисках лучших условий существования, чтобы наполнять собой ряды тех, которые ищут работы в качестве наемных рабочих, чтобы идти назад в города в надежде на какой-нибудь заработок или чтобы оставаться без дела, нередко в течение долгого времени и иногда до тех пор, пока они в конец не развратятся и не сделаются хуже, чем бесполезными бродягами.

Таким образом производство сдерживается в тех отраслях, которые образуют основу для всех прочих. Спад в производстве некоторых видов богатства уменьшает спрос на богатство в других видах, и таким образом действие ее передается от одной отрасли промышленности к другой, вызывая явления, о которых говорят, как о перепроизводстве, но которые прежде всего зависят от стеснения производства.

А так как цены на землю растут не только с ростом численности населения и богатства, но и в ожидании этого роста, так как движение их в сторону повышения, таким образом, находит для себя опору также в могущественном и безотчетном чувстве надежды, то постоянно дает знать о себе, особенно в быстро растущих странах, стремление устанавливать цены на землю выше того размера, при котором труд и капитал могут еще с выгодой участвовать в производстве, и стремление настолько настойчивое, что сдержать его может только лишь отказ труда и капитала от производства. До поры до времени стремление это сказывается с особенной силой, спекуляция повышает цены с лихорадочной быстротой, — и тогда наступает соответственно общая и внезапная остановка производства, которая распространяется (сокращая спрос) по всем отраслям промышленности и причиняет таким образом то состояние, которое известно под именем экономического кризиса, когда капитал расточается, рабочие сидят без дела, запасы товаров не могут быть проданы без убытка и всюду увеличиваются нужда и страдания. Правда, что и другие стеснения свободного проявления производительных сил могут причинять, усиливать и поддерживать такого рода расстройств промышленной системы, но думаю, что не может быть и сомнения в том, что главной и основной причиной этих расстройств является именно указанное стремление.

И думаю, что еще менее может быть сомнения в том, что от каких бы причин ни возникали первоначально такие расстройства

промышленных и торговых отношений, все равно, эти периодические застои, при которых спрос и предложение кажутся неспособными пойти навстречу и удовлетворить друг друга, никогда по могли бы достигать такого напряжения и размера, если бы производительные силы имели свободный доступ к земле. Ничего подобного этим общим и длительным расстройством не могло бы быть в промышленности, если бы для капитала и труда был открыт этот естественный выход. Лишь только обнаруживались бы признаки относительного перепроизводства в какой-либо отрасли промышленности, как оно немедленно же облегчалось бы направлением капитала и труда на те отрасли, которые занимаются непосредственным извлечением сырья из земли.

Мы видим таким образом, что те общественные бедствия, которые мы называем экономическими кризисами, те бедствия, которые при своих более сильных проявлениях причиняют потерь и страданий более, чем жестокие войны, на самом деле проистекают от нашего невежества и пренебрежения к человеческим правам; от нашего невнимания к равному для всех людей и неотчуждаемому праву свободно обращаться к природе за удовлетворением своих нужд и удерживать полностью для собственного потребления плоды своего труда.

ГЛАВА XIII.

Безработные люди.

Мы уже видели, каким образом пренебрежение к человеческим правам является существенным элементом в образовании тех крупных денежных состояний, рост которых представляет из себя столь выдающуюся черту в нашем развитии. И с такою же ясностью мы можем видеть, что от той же причины проистекают бедность и нищета. Бродяга есть дополнение к миллионеру.

Подумайте об этом ужасном явлении, о бродяге, — явлении более грозном, чем армии и флоты, идущие на опустошение. Что такое бродяга? В начале — это человек, способный к труду и желающий работать ради удовлетворения своих нужд: не найдя для себя работы в месте своего жительства, он отправляется в поиски за нею, но, потерпев в этом неудачу, в конце концов волей-неволей начинает нищенствовать или воровать и, теряя при этом самоуважение, утрачивает все то, что возвышает человека, облагораживает и делает способным к борьбе и труду, становится бездомным, отверженным, опасным парием, мстящим обществу за то зло, которое, как это он живо, хотя и не отчетливо, сознает, было причинено ему обществом.

Однако бродяга, такой, каким мы его знаем теперь на всем протяжении от Атлантического и до Тихого океана, есть только лишь часть всего явления. Позади его, хотя и не бросаясь так в глаза в такое время, когда нет «застоя», стоит, даже в сравнительно хорошие времена, огромная масса безработного люда, который не может, не хочет или еще не поставлен в необходимость бродяжничать, но который имеет к бродяге то же самое отношение, какое имеет погруженная в воду часть плавающего айсберга к несравненно меньшей ее части, видимой на поверхности моря,

Трудность, которую испытывает в нахождении работы такое множество людей, готовых с радостью работать ради удовлетворения своих нужд, стала для нас делом настолько обыкновенным, что уже не вызывает нашего удивления, и мы даже не считаем нужным исследовать ее, если только она не становится через чур большой. Мы настолько привыкли к ней, что хотя всякий из нас знает, что работа сама по себе есть нечто неприятное и что никогда еще не было таких человеческих существ, которые искали бы работы для работы, а тем не менее мы всегда думаем и говорим так, как будто бы работа сама

по себе была благодеянием. Мысль эта так укоренилась в людских умах, что мы следуем политике, основанной на том соображении, будто чем больше мы будем работать на другие народы и чем меньше будем позволять им работать на нас, тем лучше это будет для нас, а в общественных и частных собраниях мы то и дело слышим похвалы разным лицам и одобрение предприятиям за то, что они «дают работу», и есть не мало среди нас людей, которые с большей или меньшей определенностью придерживаются того взгляда, будто сберегающие труд изобретения приносят вред, уменьшая количество работы, подлежащее исполнению.

Ясно, что работа есть не цель, а средство; ясно, что на самом деле не может быть мало работы, которая есть лишь средство удовлетворения материальных нужд, пока еще не удовлетворены все человеческие нужды. Как же тогда объяснить те очевидные факты, которые побуждают людей думать и говорить так, как будто бы работа была желательна сама по себе?

Не странно ли, что труд, производитель всякого богатства, творец всевозможных ценностей, мог испытывать затруднение в нахождении для себя занятия? Ведь обмен на товары того, что придает ценность каждому товару, должен бы быть самым верным, легким из обменов. Всякий, желающий обменять труд на пищу, на одежду или на какой-нибудь из тех многообразных предметов, которые производит труд, подобен человеку, ищущему обменять золотой песок на монету, хлопок на коленкор или пшеницу на муку. Более того, обмен труда на товары обыкновенно совершается на таких условиях, что труд отдается сначала, и, значит, человек, предлагающий в обмен свой труд, предлагает, в сущности, производить и получать ценные предметы ранее, чем ценные предметы будут возвращаться ему.

А раз это так, то почему же мы не видим между хозяевами такой погони за рабочими, какая есть между рабочими за работой? Почему мы видим обязывающую сторону не в людях, исполняющих работу, а скорее в людях, которые, как мы выражаемся, «дают» работу?

Так бы это необходимо и было, если бы, говоря, что труд есть производитель богатства, мы тем самым выражали всю сущность дела. Но ведь труд есть производитель богатства только в том смысле, что он является активным фактором производства. Для производства богатства труд должен иметь доступ к существовавшим ранее его веществам и силам природы. Человек не имеет власти создавать что-либо из ничего. Он не может сотворить ни одного атома материи, не

может создать ни одной даже самой маленькой силы. Как ни велики его способности преобразования вещества и использования сил, тем не менее они все же есть не более, как способности приспособления, изменения и перестановки того, что уже ранее существовало. Вещество руки, которой я вывожу эти строки, как и бумага, на которой я пишу, ранее было веществом других людей и других животных, растений, почвы, атмосферы и, вероятно, других миров и солнечных систем. То же можно сказать о силе, которая приводит в движение мое перо. Все, что мы знаем о ней, сводится лишь к тому, что она производила действие и оказывала противодействие там, где мы видим вечный круговорот, и достигла, по-видимому, этой планеты от Солнца. Уничтожение материи и силы, как и создание вещества и силы, для нас невысказано.

В человеческом существе каким-то таинственным образом, который не могут объяснить нам ни исследования физиологов, ни построения философов, сознательное, деятельное разумение вступает в обладание, на ограниченное время и в ограниченной мере, веществом и силами, заключающимися в человеческом теле. Способность сокращать и вытягивать мускулы тела является первичной силой, посредством которой человеческий дух оказывает воздействие на материальный мир. Через эту способность он проявляет другие способности, и формы и отношения вещества пленаются в соответствии с человеческим желанием. Но как бы ни была велика та способность воздействия на внешнюю природу и пользования ею, которую приобретает таким образом человеческое разумение, — а как велика она может быть, это мы только теперь начинаем понимать, — все же это есть лишь способность воздействия на то и пользования тем, что предварительно существовало. Без доступа к внешней природе, без способности пользоваться ее веществом и силами, человек не только лишается возможности что-либо производить, но и вовсе перестает существовать в материальном мире. Он сам, по своему телу, по крайней мере, есть лишь изменяющаяся форма вещества, переходящий род движения, которые должны постоянно подпитываться из природных резервуаров.

Без любого из трех элементов: земли, воздуха и воды, — человек не мог бы существовать, но он преимущественно наземное существо, живущее на земной поверхности и удовлетворяющее из земли свои нужды. Хотя он может и плавать по воде, а когда-нибудь будет летать и по воздуху, но он может это делать, лишь пользуясь материалами,

взятыми из земли. Земля для него есть огромный запас материалов и хранилище сил, к которым он обращается для удовлетворения своих потребностей. А так как богатство состоит из веществ и произведений природы, которые собираются или видоизменяются работой людей так, чтобы приспособить их к удовлетворению человеческих желаний*, то труд является активным деятелем в производстве богатства, а земля пассивным, без которого труд не может ни производить, ни существовать.

Все это настолько очевидно, что может казаться почти потерей времени говорить об этом. Однако в этом очевидном факте заключается объяснение загадки, которая столь многих приводила в отчаяние: рабочий вопрос. Что представляется необъяснимым, когда мы теряем из виду безусловную и постоянную зависимость человека от земли, становится ясным, лишь только мы признаем ее.

Представим себе, возможно отчетливее, человеческое общество в мире, наиболее похожем на наш, но с одной существенной разницей. Представим себе, что этот воображаемый мир и его обитатели устроены так, что люди могут держаться в воздухе и из веществ воздуха производить своим трудом то, что им нужно для пропитания и пользования. Я хочу представить себе не такое положение дел, что люди летали бы, подобно птицам, в воздухе или плавали, подобно рыбам, в воде, удовлетворяя первичные потребности своей животной природы из того, что им попадется. А я хочу представить себе такое положение дел, когда люди, такие, каковы они есть, избавились бы от своей безусловной зависимости от земли в качестве места для своего пребывания и хранилища веществ и сил. Пусть труд там будет так же необходим, как у нас, человеческие желания столь же безграничны, так же велики преимущества труда, скопленного в виде капитала, так же развито разделение труда; пусть единственной разницей будет только то обстоятельство, что ни одно человеческое существо не принуждено бы было входить в соглашение с другими, чтобы приобрести себе место для жительства (никто не стал бы думать об обращении в частную собственность воздуха), и все люди имели бы доступ к веществам и силам, без которых труд ничего не может произвести. При таком положении дел, каким бы дробным ни

---

* Ничто не может считаться богатством, как бы ни была велика его полезность, что не требует труда для своего произведения, и ничто, как бы много труда ни требовалось для его произведения, не может сохранять за собой отличительный признак богатства, утратив способность удовлетворять желание.

сделалось разделение труда, как бы ни увеличились накопления капитала и как бы далеко ни зашли сберегающие труд изобретения, все равно, никогда не получилось бы ничего подобного излишку предложения труда над спросом на него, никогда не испытывалось бы никакого затруднения в отыскании работы и никогда не было бы зрелища людей, желающих работать, обладающих умственной и физической способностью удовлетворять свои потребности и тем не менее вынужденных просить работы или подаяния. Если бы было во власти каждого человека, способного к труду, направлять свой труд непосредственно к удовлетворению своих потребностей, не спрашивая на то дозволения кого бы то ни было, то уже не могла бы возникнуть та жестокая конкуренция, при которой люди друг перед другом сбивают цену на свой труд из боязни остаться без работы и подвергнуться ужасам голода.

Могли бы быть колебания в спросе на те или иные товары или услуги, которые вызывали бы изменения в спросе на труд в различных занятиях и заставляли бы заработную плату в этих занятиях подыматься несколько выше или падать несколько ниже общего уровня; но способность труда находить для себя занятие, возможность бесконечного расширения основных занятий, позволяла бы труду приспособляться к этим колебаниям не только без всяких потерь и страданий, но и с такой легкостью, что они едва ли бы и замечались. Ибо занятия переходят одно в другое почти нечувствительными градациями, все равно, как бы ни было дробно разделение труда, — даже чем больше заходит деление труда, тем меньше бывают заметны эти градации; во всяком занятии имеются люди, могущие легко переходить к другим занятиям, — и этих людей было бы достаточно для того, чтобы безболезненно совершались те сокращения и расширения различных отраслей промышленности, которые могли бы иметь место в условиях свободы. Возможность беспредельного расширения первичных занятий, способность каждого находить для себя пропитание при обращении к ним, придавала бы необходимую эластичность всем частям промышленной системы.

При таких условиях капитал не мог бы угнетать трудящихся. В настоящее время, при всяком столкновении между капиталом и трудом, капитал пользуется огромным преимуществом из-за того, что он может ждать дольше. Капитал тает, если его не применяют к делу; но труд — голодает. Но там, где труд во всяком случае мог бы найти для себя применение, уже не было бы преимущества на

стороне капитала при столкновениях; да и не было бы того излишка незанятых рабочих, который даст возможность капиталу входить в столь выгодные для себя сделки с трудом. Человек, который желал бы, чтобы другие работали на него, не имел бы перед собой толпы людей, ищущих работы; он видел бы всех рабочих людей уже занятыми и, чтобы склонить их к работе на него, должен бы был предлагать им плату, превышающую то вознаграждение, какое они могли бы получать, работая на себя. Была бы скорее конкуренция между хозяевами из-за рабочих, чем между рабочими из-за работы, и таким образом те выгоды, которые получаются при производстве богатства благодаря накоплению капитала (за исключением той части их, которая необходима, чтобы побудить к накоплению и приложению капитала), стали бы доставаться в конце концов трудящимся. При таком положении дел, дать другому работу не значило бы оказать ему милость, и мы смотрели бы, как на обязывающую сторону, скорее на человека, который шел бы работать на другого.

Допустить, что при таких условиях наступило бы такое же неравенство в распределения богатства, какое мы видим теперь, можно было бы, лишь допустив в своем предположении более резкое отклонение от порядка природы, чем то, какое мы сделали, признавая воздух, а не землю, тем элементом из которого по преимуществу добывается богатство. Да и предположив, что существующие неравенства оказывались бы и при таком положении дел, мы все же без труда заметили бы, что крупные состояния уже не имели бы большого значения и могли бы сохраниться лишь очень короткое время. Где всегда есть труд, ищущий занятия на каких бы то ни было условиях; где масса народа зарабатывает лишь столько, сколько нужно, чтобы удержать вместе душу и тело, и где потеря места означает собой беспокойство и лишения, если только не нищета и голод, — там эти крупные состояния имеют огромную власть. Но где не было бы безработицы, где каждый мог бы добывать средства к жизни для себя и своей семьи без всякого страха и заискивания, там никакие сотни и тысячи миллионов не могли бы дать их обладателям возможности заниматься вымогательствами или притеснениями.

Один верхний жернов не может молоть. Для того, чтобы он мог, нужен также нижний жернов. Никакая сила не раздавит яичной скорлупы, действуя лишь с одной стороны. Так и капитал не может

теснить трудящихся до тех пор, пока они имеют свободный доступ к земле, и в мире, в котором эти естественные силы и материалы были бы столь же доступны, как воздух для нас, не испытывалось бы никаких затруднений в нахождении занятия, ни одна протянутая к работе рука не была бы соединена с голодным брюхом и никогда заработная плата не имела бы тенденции к тому минимуму, которого достаточно лишь, чтобы не умереть с голода. В таком мире так же мало приходилось бы благодарить кого-нибудь за предоставление работы, как здесь за предоставление воздуха.

Что Создатель мог бы поселить нас в мире такого устройства, какое я пытался представить, с такою же легкостью, как в нашем, это для меня не подлежит ни малейшему сомнению. Однако нетрудно понять, почему Он не сделал этого. Такой мир был бы самым лучшим миром для дураков. Наш мир — наилучший для людей, желающих пользоваться разумом, которым они одарены. Об этом, однако, будет речь впереди. Теперь же, прося читателей представить себе мир, в котором естественные удобства были бы столь же свободны, как воздух, я желаю лишь выяснить то, что преграда, удерживающая труд от свободного пользования землей, является нижним жерновом, о который растирается труд, — истинной причиной тех трудностей, которые обнаруживаются всюду в промышленной организации общества.

Но могут сказать, как это и говорят нередко: «Разве всем нам нужна земля? Ведь все мы не можем сделаться земледельцами!»

На это я отвечаю, что все мы нуждаемся в земле, хотя, быть может, и по-разному и в различной мере. Без земли не может жить ни одно человеческое существо; без земли не может вестись никакое человеческое занятие. Земледелие не есть единственный способ пользования землею. Оно есть лишь один из многих способов пользования. И как верно то, что самый верхний этаж самого высокого здания так же держится на земле, как нижний, так верно и то, что рабочий пользуется землею так же, как фермер. Как всякое богатство в конечном анализе оказывается соединением земли и труда, так и всякое производство в конечном анализе представляется не чем иным, как приложением труда к земле.

Да и неверно, будто все мы не могли бы сделаться земледельцами. Это единственное занятие, которым все мы могли бы заниматься. Если бы все люди сделались торговцами или портными или слесарями, все они вскоре начали бы голодать. Однако были и теперь

еще существуют общества людей, в которых все получают свои средства к жизни непосредственно от природы. Занятия, направленные непосредственно к природе, являются первичными занятиями, из которых, с прогрессом общества, выделяются все прочие. И они, как бы ни осложнялась промышленная организация, всегда должны оставаться основными занятиями, на которых держатся все прочие, как верхние этажи здания держатся на фундаменте. И теперь, как всегда, земледелец есть наш кормилец. Положение трудящихся в этих первых и самых распространенных занятиях необходимо определяет собой положение всех вообще трудящихся, все равно как высота воды в океане определяет собой высоту ее во всех его проливах, заливах и морях. Где есть большой спрос на труд и высокая заработная плата в земледелии, там будет скоро и большой спрос на труд и высокая заработная плата во всех профессиях. А спрос на труд и высокая заработная плата в земледелии, очевидно, обуславливаются способностью труда самому находить для себя занятие, другими словами — легкостью приобретения земли. Потому-то в новых странах, где легко достать земли, заработная плата не только в земледелии, но и во всех занятиях, бывает выше, чем в старых странах, где землю достать трудно. И потому-то вместе с ростом цен на землю падает заработная плата и оказывается трудным отыскание работы.

Чтобы убедиться в этом, нужно лишь оглянуться вокруг себя. Трудность нахождения работы, то обстоятельство, что во всех отраслях промышленности, как правило, предложение труда превосходит спрос, — это, как ясно для всякого, зависит от трудностей, мешающих рабочему самому давать себе работу, от тех преград, которые отгораживают труд от земли. То обстоятельство, что в каком-нибудь одном занятии замечается излишек рабочих рук, зависит от трудности найти работу в других занятиях, которая препятствует свободному переходу излишка рабочих от одного занятия к другому. Где есть большой спрос на офисных работников, там ни один бухгалтер не может страдать от отсутствия работы. То же и во всех занятиях, вплоть до тех основных занятий, которые непосредственно извлекают богатство из земли, доступное участие в которых для трудящихся в короткое время может поглотить любой излишек рабочих рук в других занятиях. Не то, чтобы каждый слесарь, ткач или офисный работник, лишившись места, мог бы

сделаться и делался бы земледельцем; но из всех различных занятий достаточное количество людей могло бы перейти на землю, чтобы облегчить давление на рабочем рынке.

ГЛАВА XIV.

Влияние машин.

Как невнимание, пренебрежение и презрение к человеческим правам может превращать благодеяния для общества в несчастья для него, — это мы можем хорошо уяснить себе, прослеживая влияние берегающих труд изобретений.

Не всегда только из слепой ненависти к нововведениям даже мыслящие и образованные китайцы относятся враждебно к распространению среди их плотного народонаселения берегающих труд машин западной цивилизации. Они признают превосходство, какое во многом дали нам изобретения, но держатся того мнения, что за это превосходство в конце концов приходится расплачиваться слишком дорогою ценою. Восточные люди, в сущности, смотрят на большие силы, которыми владеет западная цивилизация. приблизительно так же, как смотрели средневековые люди на те силы, которыми, по тогдашним верованиям, можно было овладеть при посредстве черной магии, но за пользование которыми человек в итоге должен был расплачиваться разрушением тела и гибелью души. И многое в том, что теперь раскрывает перед нами и к чему приводит нас наша цивилизация, оправдывает такой взгляд на нее китайцев.

Ясно, что изобретения и открытия, которые за девятнадцатое столетие так увеличили силу, производящую богатство, оказались благом не без примеси. Они не просто распределяют неравномерно свои благодеяния, но производят и безусловно вредное действие. Они сосредотачивают в немногих руках капитал и делают этот сосредоточенный капитал более способным к монопольным захватам и угнетению; они делают рабочего более зависимым, лишают его выгод его искусства и возможности приобретать его; уменьшают его власть над своим положением и надежду улучшить его; калечат его душу и во многих случаях уродуют и расслабляют его тело.

Мне думается, невозможно было бы рассматривать теперешние тенденции нашего промышленного развития, будь они непоправимы, не сознавая в то же время, что китайские философы правы и что те силы, которые мы вызвали на служение себе, должны в конце концов уничтожить нас. Мы сокращаем издержки производства, но, сокращая их, мы делаем хилыми детей, делаем женщин неспособными к материнству и превращаем мужчин в приспособления для ухода за машинами. Мы не уменьшаем жестокости борьбы за существование.

Хоть мы и работаем с напряжением и прилежанием, которые для большинства из нас не оставляют ни времени, ни силы для каких-либо посторонних занятий, тем не менее наши заботы увеличились, а не уменьшились. Стало больше сумасшествий, стало больше самоубийств, стало больше уклонений от брачной жизни. С одной стороны, среди нас растут огромные состояния, а с другой — развивается страшная нищета. Это признаки болезни, за которую не вознаградят нас никакие выгоды.

Однако было бы очевидной ошибкой приписывать или безусловное благо или безусловное зло тем усовершенствованиям и изобретениям, которые так изменяют промышленные и общественные отношения. Они просто увеличивают силу, а сила может творить и добро и зло, смотря по тому, управляет или нет ею разум.

Рассмотрим те следствия, какие имеет введение берегающих труд машин или, вернее, всех тех открытий, изобретений и усовершенствований, которые увеличивают количество товаров, производимое данным количеством труда.

При том первобытном состоянии, когда труд каждой семьи удовлетворяет ее нужды, всякое изобретение или открытие, увеличивающее, способность удовлетворения одной из этих нужд, будет увеличивать также способность удовлетворения прочих нужд, т. к. труд, сбереженный в одном направлении, может расходоваться в других направлениях.

Когда устанавливается деление, труда и различные части производства ведутся разными лицами, тогда выгода, получаемая от какого-либо берегающего труда изобретения в одной отрасли производства, распределяется подобным же образом между всеми отраслями его. Если, например, делают какие-нибудь усовершенствования в тканье полотна и выработке железа, то следствием этого бывает то, что мера зерна обменивается на большее количество полотна и железа, и таким образом у фермера получается возможность приобретать то же количество всех нужных ему товаров при меньшем труде или несколько большее количество их при том же труде. И то же бывает со всеми другими производителями.

Даже когда усовершенствование удерживается в тайне или изобретатель ограждается на время патентом, выгода от него лишь отчасти может оставаться достоянием только некоторых лиц. Ибо общей характерной чертой всех берегающих труд изобретений, по крайней мере после достижения известной степени в развитии

промышленности, бывает необходимость вести производство в больших размерах ради достижения возможной экономии. И люди, имеющие исключительное право на какое-либо изобретение или усовершенствование, всегда находят более выгодным для себя производить более по более дешевой цене, чем производить столько же но прежней. Через это производители других предметов получают возможность приобретать за меньшие труд предметы, в производстве которых сделано сберегающее труд изобретение, и часть выгоды от него, и обыкновенно наибольшая часть, рассеивается по всей области производства.

Таким путем все сберегающие труд изобретения стремятся увеличивать производительность всякого труда, рассеивая повсюду свои beneficia, лишь отчасти делающиеся достоянием монополистов. Чуть в каком-нибудь занятии окажется возможность заработать более, чем в других, и к нему устремляется труд до тех пор, пока не уравнивается заработок во всех занятиях. Так же при отсутствии искусственных помех уравнивается во всех занятиях и вознаграждение капитала, где-либо изменившееся вследствие усовершенствований. Надо заметить однако, что прямым следствием усовершенствований и изобретений, увеличивающих производительную силу, всегда бывает повышение вознаграждения труда, а не капитала. Преимущества, заключающиеся даже в таких усовершенствованиях, которые с первого взгляда могут показаться скорее сберегающими капитал, чем труд, — как, например, изобретение, сокращающее время, необходимое для дубления кож, — всегда бывают достоянием и преимуществами труда. И так бывает — говоря кратко — потому, что труд является активным деятелем в производстве. Капитал есть просто его орудие и инструмент. Огромные выгоды, получаемые отдельными капиталистами на использовании усовершенствований, представляют из себя не доход от капитала, а обыкновенно доход от монополий и иногда доход от риска и заведывания предприятиями. Размер процента, который является мерой вознаграждения капитала, не увеличивался при всех огромных сберегающих труд усовершенствованиях, совершавшихся в девятнадцатом веке, — напротив того, выказывал тенденцию к понижению. Но требование больших количеств капитала, которое бывает обыкновенно характерной чертой введения сберегающих труд усовершенствований, может облегчать для крупных капиталистов устройство монополий и таким образом делать их способными

захватывать то, что в естественном порядке доставалось бы труду. Это, однако, является скорее следствием, чем причиной того, что труду не удается овладеть выгодами от усовершенствований в производстве.

Для отыскания причины мы должны сделать шаг вперед. Сберегающие труд усовершенствования могут увеличивать силу труда; однако никакое усовершенствование или изобретение не может освободить труд от его зависимости от земли. Сберегающие труд усовершенствования только лишь увеличивают способность производить богатство из земли. А так как земля захвачена в частную собственность некоторыми лицами, которые могут поэтому не допускать других до пользования ею, то и все выгоды, которые первоначально достаются труду, могут отбираться от трудящихся собственниками земли в более высоких арендных платах и ценах на землю. Потому-то, как мы это и видим, все наши усовершенствования и изобретения не увеличивают ни процента, ни заработной платы, а всегда и повсюду приводили лишь к росту стоимости земли. Где и достигалось какое-нибудь повышение в заработной плате, так оно являлось следствием устройства рабочих союзов или стечения особых причин, но лишь в ничтожном размере сказывалась на заработной плате та увеличенная производительность, которая первоначально сообщалась труду. Некоторая часть ее доставалась монополистам разного рода, большая же часть ее шла к земельным монополистам в виде возросших арендных плат и увеличенной стоимости земли.

Железная дорога, например, есть великое сберегающее труд изобретение. Она не увеличивает количества зерна, какое фермер может собрать, не увеличивает и количества товаров, какое может выработать фабрикант; но, уменьшая стоимость перевозки, она увеличивает количество всех предметов разного рода, которые могут быть получены в обмен на зерно фермера или товары фабриканта, что в сущности сводится к тому же, как если бы она увеличивала количество зерна и этих товаров.

Выгоды эти первоначально достаются труду, — другими словами, преимущество, доставляемое железной дорогой в тех местах, которые она обслуживает, заключается в сбережениях труда, в предоставлении возможности при той же затрате труда получать более богатства. Но, как это мы видим там, где строятся железные дороги, выгода от них достается не труду. Железные дороги представляют из себя

монополию, — и в Соединенных Штатах, в сущности, неограниченную монополию, — и сколь возможно большая часть выгод от них, сверх обычного вознаграждения на затраченный капитал, присваивается железнодорожными магнатами, которые при помощи ложных счетов, неоплаченных акций и разных других приемов ловко прикрывают свои поборы и, обирая акционеров, грабят в то же время народ. Остальная часть выгод, достаемых после этих вычетов труду, присваивается людьми, захватившими в свое исключительное владение землю. Вместе с тем, как возрастает производительность труда или просто является надежда на ее возрастание, возрастает и стоимость земли, и труд, платя соответственно больше за землю, уже окончательно лишается какой бы то ни было выгоды. Когда проводится где-нибудь железная дорога, то мы, наученные опытом, уже не ждем там повышения заработной платы; чего мы ожидаем там — это повышения цен на землю.

Канатные железные дороги в Нью-Йорке являются великими, сберегающими труд приспособлениями, которые на много сократили время и труд, необходимые для перевозки людей из одного конца города в другой. Они сделали доступными для слишком скученного населения свободные места, которые считались ранее слишком удаленными. Но они не увеличили заработка трудящихся, не облегчили жизни простого рабочего. Некоторая часть выгод от них была присвоена разными Фильдами, Тильденами, Гульдами и другими дельцами. Остальная часть выгод пошла к собственникам земли. Сокращение времени и стоимости проезда сделало множество свободной земли доступной для слишком скученного населения, но в то время, как делалась доступной эта земля, возрастала и ее цена, и рабочие кварталы, как были, так и остались перенаселенными. Хозяевам этих дорог достались миллионы, сотни миллионов достались собственникам прилежащих земель; но рабочим классам Нью-Йорка стало от них не лучше. Что они выгадали из-за улучшений в перевозке, то они должны переплачивать в возросшей квартирной плате.

И тоже было бы с каким угодно улучшением или материальным благодеянием. Предположите, что самые богатые люди Нью-Йорка внезапно исполнились бы того общественного духа, который проявлялся в устройстве библиотек или в постройке университетов, что он превратился бы среди них в страсть, которая доводила бы их

даже до нищеты в их неудержимом стремлении облагодетельствовать своих сограждан. Предположите, что Гульд предоставил бы жителям Нью-Йорка бесплатно пользоваться канатными дорогами, принял бы на себя содержание пожарных команд и соединил все дома даровыми телефонами, а Вандербилт, чтобы не ударить лицом в грязь, принял бы на себя расходы по исправлению мостовых и очистке улиц, предоставив жителям задаром пользоваться конками, тогда как Асторы во всех кварталах города устроили бы по общественной библиотеке. Предположите, что люди с пятьюдесятью, двадцатью, десятью и меньшим числом миллионов, охваченные тою же страстью, стали бы на свой счет, вместе или порознь, устраивать даровое снабжение жителей водою, теплом, светом и движущей силой, перестраивать и содержать школы, открывать театры и устраивать народные концерты, разводить общественные сады, строить бани и крытые рынки и открывать магазины, в которых можно бы было покупать в розницу товары по самой низкой оптовой цене, — короче, стали бы делать все, что только могло бы удешевить жизнь в Нью-Йорке и превратить его в самое приятное место для жительства. В результате было бы то, что больше оказывалось бы людей, желающих жить в Нью-Йорке, и соответственно больше могли бы брать землевладельцы за удовольствие жить в нем. Все эти благодеяния повышали бы ренту.

И таким образом, какие бы ни вводились усовершенствования, но раз земля монополизирована, выгода от них будет в конце концов доставаться собственникам земли. Если бы сберегающие труд изобретения доведены были до такого совершенства, что вовсе не стало бы необходимости в труде для производства богатства, то в результате собственники земли стали бы располагать всем производимым богатством, не уделяя трудящимся даже того, что необходимо для их существования. Если бы увеличились силы и способности земли, то выгода от того досталась бы собственникам земли. Если бы увеличились силы и способности труда, то опять-таки собственники земли, а не трудящиеся люди, воспользовались выгодами от того.

Труд не может обойтись без земли, а потому те, которые держат землю в своем исключительном обладании, могут ставить какие им угодно условия труду. Конкуренция между собою людей, которые не могут работать на себя, а однако должны или работать или голодать, доведет заработную плату до самого низкого размера, при каком

только привычки рабочих классов позволят им жить и воспроизводить себе подобных. На этом размере всюду, где захвачена вся земля, должна удерживаться заработная плата простого рабочего, и к нему должна стремиться заработная плата всех прочих рабочих, поддерживаясь выше его лишь теми особыми условиями, искусственными или другими, которые дают труду в некоторых занятиях большее вознаграждение, чем в других. И потому никакое усовершенствование, даже в способностях самого труда, проистекай оно от воспитания, от непосредственного увеличения мускульной силы, от сокращения времени потребного для сна, или от удлинения времени, которое может посвящаться работе, — не могло бы поднять вознаграждения рабочим выше этого размера. Это мы видим в странах и в занятиях, в которых обращаются к труду женщин и детей в помощь к труду естественного добытчика средств на содержание семьи. Что же касается развития бережливости и умеренности, то, делаясь более или менее общим, оно может лишь уменьшать, а не увеличивать вознаграждение труда.

Это — «железный закон заработной платы», как его называют немцы, — закон, который определяет заработную плату минимумом того, на что согласятся рабочие жить и воспроизводиться. Он признается всеми экономистами, хотя и приписывается большинством их иным причинам, чем истинная. Он является, очевидно, неизбежным следствием обращения земли, от которой все должны жить, в исключительную собственность только некоторых. Владыка земли есть необходимо владыка людей, живущих на ней. Они — столь же верно и столь же полно его рабы, как если бы признавалось за ним право собственности на их плоть и кровь. Их соревнование между собой из-за приобретения от него средств к жизни должно понудить их отдавать ему все, вырабатываемое ими, за вычетом необходимого заработка раба, за вычетом того, без чего они не могут поддерживать своего существования и сохранять своей численности. И как возможное увеличение производительности труда или сокращение расходов на проживание не может быть благодеянием для раба, так не может оно быть благодеянием там, где земля монополизирована, и для людей, у которых нет ничего, кроме их труда. Оно может лишь увеличивать стоимость земли, — ту долю произведений труда, которая достается собственникам земли. А при таких условиях большее применение машин, большее разделение труда, большие контрасты в распределении богатства делаются для

рабочих масс положительным злом, — делая их положение более тяжелым и безнадежным вместе с развитием материального прогресса. Даже образование помогает лишь усилению способности к страданиям. Если раб должен оставаться рабом, то жестокость — давать ему образование.

Всего этого мы еще пока не чувствовали во всей полноте на себе, т. к. промышленный переворот, начавшийся с введения пара, находится еще на своих первых ступенях развития, да и распространение народонаселения по новому континенту в это время ослабляло народное давление не только здесь, но даже и в Европе. Однако новый континент быстро прибирается к рукам, и промышленный переворот развивается всё с большей и большей стремительностью.

ГЛАВА XV.

Рабство и рабство.

Я должен предоставить читателю продолжать, если он того пожелает, в других направлениях те исследования, которым посвящены были три последние главы*. Чем с большим вниманием будет он исследовать, тем полнее будет он убеждаться, что в корне всех общественных задач, в основе всех общественных вопросов лежит общественная неправда, что «невежество, пренебрежение и презрение к человеческим правам суть причины общественных бедствий и развращенности правительств». Однако, в сущности, нет необходимости в обстоятельном исследовании. Чтобы понять, почему материальный прогресс не приносит никаких благоденствий массам, нужно лишь признать ту очевидную истину, что человек не может жить без земли, что только на земле и из земли может что-либо производить человеческий труд. Робинзон Крузо, как мы все это знаем, сделал Пятницу своим рабом. Предположите однако, что вместо того, чтобы делать Пятницу своим рабом, Робинзон Крузо приветствовал бы его, как человека и брата, прочел бы ему Декларацию независимости, декларацию об отмене рабства и запрещающую рабство четырнадцатую поправку к нашей конституции и сообщил бы ему, что он свободный и независимый гражданин, имеющий право голоса и право занимать общественные должности, но в то же время сообщил бы ему также, что этот отдельный остров есть его, Робинзона Крузо, частная и исключительная собственность. Составило ли бы это какую-либо разницу? Так как Пятница не мог бы улететь по воздуху или уплыть по океану, так как если уже жить, то жить он должен был на этом острове, то в обоих случаях он все равно был бы рабом. Право собственности Робинсона Крузо на остров было бы равнозначно его праву собственности на Пятницу.

Личное рабство, в сущности, есть только лишь грубая и первичная форма собственности на людей. Оно возникает только лишь там, где население малочисленно. Оно нигде, иначе как под влиянием особых

---

* Они представлены в более правильной и научной форме в моей книге «Прогресс и бедность», к которой я и отсылаю читателя для более обстоятельного ознакомления с экономическими вопросами.

обстоятельств, не сохраняется дольше того времени, как рост численности населения повышает стоимость земли, т. к. тогда право собственности на землю дает уже всю ту власть, которая вытекает из права собственности на людей, и в более удобной форме. Если в течение истории мы видим, что завоеватели обращают в личное рабство завоеванных, то всегда это бывает там, где население малочисленно и земля не имеет ценности, или там, где они имеют в виду унести с собой свою живую добычу. В других случаях завоеватели просто присваивают земли побежденных, и через это столь же действительно и с гораздо большим удобством принуждают завоеванных работать на себя. Привоз рабов в Италию начался лишь тогда, когда от огромных поместьев богатых патрициев деревни стали приходить в запустение. В Турции и в Египте рабство еще допускается законом, но в него обращаются лишь содержимые в гаремах и прислужники при них. Если английские корабли направлялись с грузом негров-рабов в Америку, а не в Англию или Ирландию, то только потому, что в Америке земля была дешева и дорог труд, тогда как в Западной Европе земля была дорога и дешев труд. Лишь только не стало бы возможности расселяться по новым землям, и личное рабство само собой стало бы прекращаться в наших южных штатах. И при теперешних условиях южным плантаторам не приходится жалеть об уничтожении рабства. От освобожденных негров, сдавая им землю под обработку, они получают не меньше, чем сколько получали от них, как от рабов. Что же касается крепостного права, — прикрепления крестьян к земле, — той формы рабства, которая всего дольше продержалась в Европе, то оно имеет значение для собственников лишь до тех пор, пока конкуренция за землю невелика и ни крепостничество, ни полное личное рабство ничего не могли бы прибавить к существующему в действительности праву собственности ирландского помещика на людей, — к его власти заставлять их работать на себя без вознаграждения. Их соперничество между собою из-за средств к существованию обеспечивает за ним всё, что только можно было бы взять с них. Для английского собственника право собственности на рабов было бы прямой обузой и потерей, раз он может иметь рабочих дешевле, чем сколько стоило бы содержать рабов, и в случае болезни или нездоровья может сваливать заботу о них на церковный приход. Или какая выгода была бы для американского фабриканта от порабощения его рабочих? Соревнование между собою, так называемых, свободных людей, за

которыми отрицается всякое право на землю той страны, которую они называют своею, доставляет ему их труд дешевле и удобнее, чем доставляло бы ему личное рабство.

Что народ может быть поработен столь же действительно, обращая в собственность его землю, как обращая в собственность тела людей, это есть истина, которую во все века признавали завоеватели и которой, с развитием общества, охотно пользовались сильные и неразборчивые в средствах люди, желавшие жить за счет труда других. Более грубая форма рабства, при которой каждый отдельный раб считается собственностью отдельного хозяина, годится лишь при более грубом состоянии общества; с общественным развитием она возлагает на собственников все более и более забот, хлопот и издержек. Но обращая в собственность землю, вместо людей, собственники избавляются от всех таких забот, надзора и издержек, и хотя тогда никакой отдельный раб не считается собственностью отдельного хозяина, тем не менее один класс так же присваивает себе плоды труда другого, как и ранее.

Та система, при которой каждый отдельный раб принадлежит отдельному хозяину, в сущности, сделалась бы, с общественным развитием и осложнением промышленной организации, явно невыгодной для хозяев. При ней надо было погонять рабов или как либо иначе побуждать к работе; надо было караулить их, надо было содержать их в болезни или старости; надо было заготавливать для них работу и отдавать их в наем, т. к. число рабов, которым с выгодой могли бы пользоваться различные хозяева или подрядчики, изменялось, смотря по времени года или вообще по ходу дел. По мере того, как продвигалось вперед общественное развитие, эти неудобства могли бы, если бы не было иной возможности устранить их, привести рабовладельцев к принятию какого-нибудь способа соединенного владения или пользование рабами, подобного тому, к какому привело взаимное удобство капиталистов к совместному пользованию капиталом. При грубом состоянии общества человек, которому нужно было иметь свои деньги наготове, должен был прятать их или, в путешествиях, носить с собою. Человек, имевший капитал, должен был сам пользоваться им или ссужать его. Но взаимное удобство, с развитием общества, внушило способы избавиться от хлопот такого рода. Желая иметь деньги под руками, человек отправляет их в банк, который хранит или выдаст ему назад не те же самые монеты, но

лишь ту же самую сумму. И таким же образом, отправляя свой капитал в сберегательную кассу или в банк или покупая акции или облигации, человек избавляется от всяких хлопот по помещению своего капитала в какие-либо предприятия или по непосредственному пользованию им. Если бы личное рабство продолжалось, то какой-нибудь подобный способ был бы придуман со временем и для владения и пользования рабами. Но, изменяя форму рабства, освобождая людей и присваивая землю, оказывалось возможным сохранить все выгоды личного рабства, не испытывая ни мало тех неудобств, которые связаны, при сложном состоянии общества, с системой отдельного хозяина для отдельного работника.

Не имея возможности непосредственно пользоваться своими силами, лишь по имени свободные работники принуждены бывают конкуренцией друг с другом уплачивать в виде ренты все зарабатываемое ими сверх безусловно необходимого для жизни или продавать свой труд за плату, еле-еле допускающую сводить концы с концами, и, в качестве собственников земли, бывшие рабовладельцы оказываются в состоянии по-прежнему присваивать себе труд или произведения своих прежних рабов, сохраняя в ценности, которую эта власть присваивать произведения труда придает праву собственности на землю, капитализированную ценность не меньшую, а скорее большую, ценности их рабов. Им не нужно более хлопотать о нахождении для них работы, об отдаче их в наем или о содержании их в то время, когда они не могут работать. Хлопоты такого рода возлагаются уже на рабов. Дань, которую они по-прежнему вымогают у труда, принимает уже вид добровольного платежа. На деле же они получают ее, как по совести принадлежащую им долю вознаграждения за производство, — ведь они доставляют для него землю! И они находят, так называемых, ученых-экономистов, не говоря уже о, так называемых, проповедниках христианства, которые толкуют, что все так и должно быть.

Мы, граждане Соединенных Штатов, хвалимся тем, что отменили рабство. Но если и оставить в стороне вопрос о том, в какой мере большая часть из нас участвовала в освобождении негров-рабов, все же придется признать за несомненное, что мы отменили лишь одну форму рабства, и притом ту первичную форму его, которая уничтожилась в большей части нашей страны вместе с общественным развитием и которая, несмотря на расовую рознь, придававшую ей

особенную устойчивость, сама собой уничтожилась бы со временем также и в других частях нашей страны. Самого рабства мы не уничтожили; мы сохранили его в самой предательской и распространенной форме, в форме столь же пригодной для белых людей, как и для черных. Мы так далеки были от уничтожения рабства, что даже и теперь только лишь распространяем и усиливаем его и, не колеблясь, продаем в него своих собственных детей, будущих граждан республики. Ибо что такое, как не это, делаем мы, продавая землю, на которой они должны будут жить, если вообще будут жить?

Сущность рабства составляет ограбление труда. Людей заставляют работать, отбирая у них все, производимое их трудом, и давая им лишь столько, сколько нужно, чтобы поддерживать существование. А разве не таков удел множества наших свободных и равных граждан Американской республики и разве множество других этих граждан не ожидает та же участь?

Во всех наших городах, даже в лучшее время, есть тысячи и тысячи людей, готовых работать за плату, которой хватило бы им на пищу и одежду, — другими словами, за плату рабов. Как я уже ранее указывал, Массачусетское и Иллинойское бюро рабочей статистики одинаково утверждают, что в большинстве случаев заработка рабочих не хватает на содержание их семейств и труд отцов должен восполняться трудом матерей и детей. В самых богатых наших штатах можно видеть людей, в сущности, обращенных в рабство их кредиторами, — живущих в домах своих хозяев, работающих в их мастерских и в большинстве случаев никогда не выходящих из долга. В Нью-Йорке шьются рубашки по 35 центов за дюжину, и женщины, работая от четырнадцати до шестнадцати часов в сутки, вырабатывают в среднем 3 или 4 доллара в неделю. Есть другие города, в которых плата за такую работу еще ниже. Поскольку касается вознаграждения, то ни один владелец не мог бы заставить своих рабов работать больше и за более дешевую плату.

Могут сказать однако, что аналогия между нашей промышленной системой и личным рабством допустима лишь постольку, поскольку принимаются в соображение лишь крайности. Между теми, которые зарабатывают себе лишь пропитание, и теми, которые живут в роскоши за счет труда других, есть множество ступеней, составляющих многочисленный класс. Кроме того, между всеми классами постоянно поддерживается движение составляющих их единиц. Внуки миллионера могут быть бродягами, и бедняк, если бы

даже и сам утратил надежду разбогатеть, все же может верить, что сын его сделается богачом. Да и неправда, чтобы вся разница между тем, что труд на самом деле зарабатывает, и тем, что он в действительности получает, шла бы к собственникам земли. Множество собственников земли в Соединенных Штатах суть мелкие собственники, живущие на своих усадьбах или обрабатывающие свое поле, и они совмещают в себе и работника и землевладельца.

На эти возражения можно лучше всего ответить, постараясь представить в воображении вполне развившееся общество, подобное нашему, но в котором существовало бы рабство без всяких расовых различий. Представить его себе можно лишь при некотором усилии воображения, т. к. мы не знаем ни одного такого общества. В Европе личное рабство уничтожилось еще до начала современной цивилизации, а в Новом Свете было лишь расовое рабство и в регионах с низким промышленным развитием.

Однако, представив себе рабство без расовых различий в прогрессивной стране, мы поймем, что общество, даже в том случае, если бы сначала большая часть народа в нем была превращена в рабов меньшей частью, могло бы не долго состоять лишь из двух классов, владельцев и рабов. Лень, собственная выгода и необходимость вскоре же побудили бы владельцев создать класс людей, промежуточных между ними и вполне поработченными. Чтобы наблюдать за трудом рабов и чтобы удерживать их в подчинении, пришлось бы выбрать из числа рабов надсмотрщиков, полицейских и т. п. и награждать их более из производимого рабами, чем прочих заурядных рабов. Также пришлось бы выделить людей особенно искусных и талантливых. А с ходом общественного развития неизбежно возник бы класс торговцев, которые, обменивая произведения рабского труда, удерживали бы у себя часть произведений этого труда и класс подрядчиков, которые, нанимая рабов у владельцев, тоже удерживали бы у себя часть произведений труда рабов. Таким образом, между рабами, принужденными трудиться из-за одного только пропитания, и владельцами, которые жили бы без труда, появились бы промежуточные деятели разных степеней, из которых некоторые, без сомнения, нажили бы крупные состояния. А из-за превратностей судьбы некоторые рабовладельцы, беднея, то и дело попадали бы в промежуточный класс и даже в класс рабов, тогда как отдельные рабы возвышались бы. Совесть, сердечное

расположение или благодарность владельцев нередко заставляли бы их давать свободу рабам; собственный интерес побуждал бы их награждать прилежание, изобретательность и верность им или измену товарищам отдельных рабов. Таким образом, как это часто и бывало в рабовладельческих странах, у нас оказались бы: рабы, которым была бы предоставлена свобода делать то, что они могут, на условии уплаты их владельцам помесечно или ежеквартально определенной суммы; рабы, которые частью выкупили свою свободу, на день, на два, на три дня в неделю или на известные месяцы в году, и которые вполне выкупили свою свободу или получили ее даром. И, как это всегда бывало там, где рабство не имело расового характера, некоторые из этих отпущенных рабов или их детей, при постоянном движении, то и дело прокладывали бы себе путь до высших ступеней, так что при таком положении дел защитники того, что есть, торжествуя указывали бы на эти примеры, говоря: «Смотрите, какое это прекрасное учреждение – рабство. Всякий раб сам может сделаться рабовладельцем, если он честный, деятельный и благоразумный человек. Ведь только невежество, расточительность и леность рабов мешают им всем сделаться господами!» И затем они предали бы сетованиям на человеческую природу. «О, — сказали бы они, — в этом виновато не рабство; в этом виновата человеческая природа», — понимая под этим иную, чем их, человеческую природу. А если бы кто-нибудь намекнул на уничтожение рабства, то они обвинили бы его в покушении на священные права собственности, в желании отнять у бедной слепой вдовы рабов, в которых она имеет единственное средство пропитания; назвали бы его пустым мечтателем и коммунистом, врагом людей и хулителем Бога.

Примите, далее, во внимание то действие, какое имели бы налоги в развивающемся обществе, основанном на личном рабстве, то влияние, какое оказывали бы монополии, устанавливающиеся в обрабатывающей промышленности, в торговле и в перевозке грузов, возникновение государственных долгов и т. и., и вы увидите, что на самом деле общественные явления при системе, делающей собственностью людей, ничем по существу не отличались бы от явлений, свойственных системе, обращающей в собственность землю.

Не надо забывать также, что рабство, вытекающее из присвоения земли, возникает не разом, а появляется предательски, мало-по-малу. Где население малочисленно и земля имеет небольшую ценность, там учреждение частной собственности на землю может существовать,

почти не давая чувствовать себя. Но вместе с тем, как становится труднее и труднее приобретение земли, начинает чувствоваться и присущее частной собственности на земле порабощение рабочих классов. И чем выше поднимается стоимость земли, тем больше и больше требуют из дохода трудящихся за пользование ею, пока наконец не будет оставаться у них лишь заработная плата раба — одно пропитание.

Однако степень, равно как и форма проявления этого движения на отдельных личностях, должна очень различаться. Где право собственности на землю более или менее распределено, там может оставаться в течение некоторого времени и после того, как простые рабочие низведены будут до заработной платы раба, более многочисленный класс мелких землевладельцев, занимающих промежуточное положение между собственниками земли и рабочими, которые, смотря по тому, какой землей они владеют и какое отношение имеет она к их труду, могут быть уподоблены, — сравнивая их положение с соответственными градациями при системе рабства, — собственникам нескольких рабов; людям, которые не имеют рабов, но сами свободны, или частичным рабам, которые принуждены работать на господина один, два, три, четыре или пять дней в неделю, но остальное время свободно располагают своим трудом.

По мере того, как земля приобретает все большую и большую стоимость, класс этот все более и более преобразуется в класс людей, совершенно порабощенных. И в этих порабощенных людей должны будут превратиться наши фермеры. Дни независимого американского фермера, обрабатывающего своими руками свою землю, сочтены, без сомнения, так же, как сочтены были две тысячи лет тому назад дни его италийского первообраза. Он исчезнет с развитием частной собственности на землю, как уже исчез английский поселянин-собственник.

Мы уничтожили рабство негров в Соединенных Штатах. Но как мало в действительности выгадали от того рабы. Джордж Джексон пишет мне из Сент-Луиса от 15 авг. 1883 г.:

Во время войны я служил в кентукском полку союзной армии. Когда началась война, отец мой владел шестьюдесятью рабами. И вот, когда я недавно вернулся к себе в Кентуки, один из прежних рабов моего отца, встретившийся со мною, сказал мне: «Господин Джордж, вы

говорите, что вы освободили нас; а я признаюсь перед вами, как перед Богом, что мне хуже живется теперь, чем в то время, когда я принадлежал вашему отцу». Что касается плантаторов, то те довольны переменой. «Какие мы были дураки, — говорят они, — когда начали войну из-за рабства. Мы приобретаем теперь труд дешевле, чем тогда, когда владели рабами». А как они приобретают его дешевле? Да в виде арендной платы они берут себе теперь более труда у негров, чем сколько могли брать его при рабстве, т. к. тогда они должны были давать негру достаточно пищи, одежды и оказывать ему в случае надобности медицинскую помощь, а совесть и общественное мнение так же, как и закон, обязывали их содержать его тогда, когда он уже не в силах был более работать, тогда как теперь их интерес и ответственность прекращаются вместе с тем, как они возьмут от него весь труд, какой можно взять.

В одной из своих повестей Мерриет рассказывает о школьном учителе, который объявил, что он оставил употребление розги. Когда нежные матери, соблазненные его объявлением, явились к нему в школу с своими мальчиками, он красноречиво доказывал им все варварство розог. Но лишь только затворились за ними двери, как несчастные ученики его узнали на себе, что он оставил употребление розог ради палки. Очень похожа на это и наша отмена рабства негров.

Один только Стивенс, из наших выдающихся людей, видел некоторое мерцание того, что на самом деле нужно бы было сделать для уничтожения рабства, но и он видел только лишь мерцание этого. «Сорок акров и мул» — было бы жалкой мерой справедливости к освобожденным, и она на время дала бы им некоторое подобие той личной независимости, которая необходима для свободного состояния. Но только лишь на время. Потом, с ростом численности населения, сорок акров у большинства были бы заложены, мулы проданы, и люди вскоре же выступили бы, как теперь, конкурируя друг с другом из-за клочков земли и добывания на них себе пропитания. Такая мера лишь облегчила бы освобожденным вступление в жизнь и для многих отсрочила бы черный день, но и только. Раз земля считалась бы частной собственностью, черный день, все равно, должен бы был наступить.

Я не отвергаю того, что негры на юге кое в чем выиграли из-за

отмены рабства. Я не настаиваю на том утверждении, что в общем их материальное положение не улучшилось. Но не надо забывать, что Юг наш до сего времени еще слабо заселен и отстает в промышленном развитии. Затянувшееся существование рабства было частью следствием того, частью причиной. С ростом численности населения, с развитием промышленности положение освобожденных будет становиться все более и более трудным. Земля пока еще сравнительно дешева на Юге, и там много не только не использованных, но даже и не захваченных пространств. Следствием этого является то, что освобожденные еще не подвергаются там той жестокой конкуренции, которая бывает при более плотном народонаселении; нет там, как на Севере, явного излишка труда, ищущего себе занятия на каких бы то ни было условиях. Освобожденные просто добывают себе пропитание, как во времена рабства, и во многих случаях не столь же хорошее пропитание, но все же они мало испытывают затруднений или вовсе не испытывают затруднений в добывании его. Чтобы как следует сравнить новое положение освобожденных с их прежним, нам надо подождать того времени когда численность населения и промышленное развитие Юга станут приближаться к тому, что есть на Севере.

Но даже и на Севере (как отчасти и в Европе) та форма рабства, которая является необходимым результатом лишения труда его наследия путем захвата земли, не достигла еще своего высшего развития. Ибо обширная площадь незанятой земли на нашем континенте препятствовала тому, чтобы где-либо могли почувствоваться во всей полноте все следствия современного развития. Но вместе с возрастанием трудности добывания земли будет развиваться в скрытой форме и порабощение рабочих классов. Вместе с повышением стоимости земли, более и более из зарабатываемого трудом станут требовать за пользование землею, — другими словами, больше и больше своего времени должны будут отдавать трудящиеся работе на собственников земли, пока в конце концов ничего не будет оставаться у них, кроме необходимого лишь для поддержания существования, все равно, как бы ни был тяжел их труд.

Из двух систем рабства, при одном и том же уровне нравственного развития, та система, которая превращает в собственность людей, на мой взгляд, без сомнения, является более гуманной, чем система, которая превращает в собственность землю. Жестокости, которые

поддерживаются системой личного рабства, более бросаются в глаза и более возбуждают негодование, т. к. они представляются сознательными поступками известных личностей. Но за страдания бедняков при более утонченной системе никто в отдельности не кажется ответственным. Предумышленное сожжение какого-нибудь человека другими людьми возбуждает наше воображение и вызывает в нас негодование гораздо сильнее, чем какой-нибудь большой пожар или железнодорожная катастрофа, при которых живьем сгорают десятки людей. И как раз это обстоятельство делает то, что жестокости, которых никто не потерпел бы при одной системе, остаются почти незамеченными при другой. Людей изнуряют работой и голодом, лишают всех радостей и прелестей жизни, обрекают на невежество и грубость, на заражение физическими и нравственными болезнями, доводят до преступлений и самоубийства, но все это делается как будто без участия чьей-либо воли, а так, само собой, в силу роковой необходимости, за которую никто в отдельности не несет ответственность.

Чтобы найти в летописях личного рабства что-либо подобное тем ужасам, которые изо дня в день совершаются, не обращая на себя внимания, в самых центрах христианской цивилизации, нужно было бы обратиться к временам очень отдаленным, к истории испанских завоеваний в Новом Свете или к повествованиям о перевозке рабов в Вест-Индию из Африки.

Что личное рабство не есть худшая форма рабства, это мы знаем и из того, что в странах, в которых оно держалось независимо от расовых различий, ряды рабов восполнялись свободными бедняками, которые под гнетом нужды продавали себя или своих детей. И я думаю, что никто из читающих наши газеты не усомнится в том, что даже теперь в Соединенных Штатах нашлось бы не мало людей, которые, если бы существовало среди нас рабство, безразличное к расе, охотно продали бы себя или своих детей и которые на самом деле расстались бы при этом с своей, так называемой, свободой не без выгоды для себя.

Мы не уничтожили рабства. И мы не уничтожим его до тех пор, пока честно не примем основной истины, заключающейся в нашей Декларации независимости и не обеспечим за всеми людьми пользования равными и неотчуждаемыми правами, которыми они наделены их Создателем. Если же мы не можем или не хотим сделать этого, то из человеколюбия и ради общественной безопасности нам

следовало бы обсудить, не лучше ли было бы нам, раз это может помочь, исправить нашу конституцию и позволить беднякам, одинаково как белым, так и черным, продавать себя и своих детей хорошим господам. Если уж быть рабству, то лучше быть ему в форме, при которой рабы знают своих господ и при которой можно обращаться в случае надобности к совести, к чести или к чувству сострадания владельцев. Лучше воспитывать детей для рабского служения добрым, цивилизованным господам, называющим себя христианами, чем воспитывать их для домов терпимости и исправительных заведений. Но, к сожалению, и этот выход закрыт для нас. Допустим, что мы вновь узаконили рабство, но кто стал бы покупать людей, когда их можно нанимать так дешево?

ГЛАВА XVI.

Государственные займы и косвенные налоги.

Чем более мы будем исследовать, тем более мы будем убеждаться, что общественные бедствия и коррупция правительств происходят именно от пренебрежения или презрения к естественным правам человека.

То, что Европа, невзирая на прогресс цивилизации, представляет из себя в настоящее время огромный военный лагерь и что силы наиболее развитой части человечества уходят на войны и на приготовления к ним, этим мы обязаны двум великим изобретениям: косвенные налоги и государственные займы.

Обе эти выдумки, про помощи которых поддерживаются тирании, коррумпируются правительства и обирается простой народ, происходят исторически от захвата земли, и обе они открыто попирают естественные права человека. При феодальной системе большая часть общественных расходов покрывалась рентой с земли, и на землевладельцах лежала обязанность нести войны или оплачивать их стоимость. Если бы эта система сохранилась, то Англия, например, в настоящее время вовсе не имела бы государственного долга. И с уверенностью можно сказать, что страна эта и весь мир были бы избавлены от тех ненужных и жестоких войн, в которых за все это время проливалась кровь англичан и расточались их средства. Но, благодаря изобретено косвенных налогов и государственных займов, крупные землевладельцы получили возможность взваливать на всю народную массу то бремя, нести которое было условием их владения землей, и взваливать таким образом, что те, которые несут его, хотя и чувствуют себя отягощенными, не могут однако понять причин этого отягощения. И таким образом владение землею было предательски преобразовано из аренды у общества в личную наследственную собственность, и народная масса лишена была первого и самого важного из прав человека.

Установление государственных займов, подобно установлению частной собственности на землю, держится на ложном допущении, будто одно поколение может связывать обязательствами другое. Если бы какой-нибудь человек пришел ко мне и сказал мне: «Вот расписка, выданная вашим прадедом моему прадеду, по которой благоволите уплатить мне назначенную в ней сумму, я засмеялся бы в ответ ему и сказал бы, что если ему требуется платеж по этой расписке, то ему

лучше было бы поискать человека, выдавшего ее, а что мне нет никакого дела до обещаний моего прадеда. А если бы он стал настаивать на платеже и стал обращать мое внимание, на текст расписки, где мой прадед явно договаривался с его прадедом, что именно я должен буду платить, то я только стал бы смеяться еще более и еще более убеждаться в том, что имею дело с сумасшедшим. На такое требование всякий из нас на самом деле ответил бы: «Мой прадед был, очевидно, плут или шутник, а ваш, вероятно, дурак, и это качество его вы, без сомнения, наследовали, если надеетесь, что я буду платить вам на том основании, что мой прадед обещал, будто я заплачу. Совершенно так же он мог бы дать вашему прадеду вексель на Адама или чек с оплатой в Первом международном банке на луне».

Однако на этом допущении, будто предки могут выдавать обязательства за потомков, будто одно поколение может законодательствовать для другого, держится признание обязательной силы за нашими земельными правами и государственными долгами.

Если бы настоящее время могло занимать у будущего, если бы ныне живущие люди могли расплачиваться богатством, которое создадут грядущие поколения, то в этой возможности заключалась бы самая опасная сила, наиболее пригодная для злоупотреблений и наиболее отвечающая самому гнусному пренебрежению к естественным и неотчуждаемым правам человека. Но этой возможности нет, и никакое изобретение не создаст ее. Когда мы говорим об обращении к будущим поколениям, чтобы они несли свою долю расходов и тягостей настоящего времени, о возложении на них части наших платежей, то мы берем на себя смелость предполагать, будто они признают наши расходы сделанными столь же для их блага, как для нашего, доводим метафору до нелепости. Государственные долги не есть способ займа у будущего, средство принуждения будущих поколений к участию в расходах, которые вздумается наделать теперешнему. Это, конечно, физически невозможно. Они просто являются средством приобретения власти над богатством в настоящем через обещание, что в будущем будет установлено такое-то распределение богатства, — средством, при помощи которого собственники существующего богатства побуждаются отдавать его при условии, что не только другие люди будут облагаться налогами ради платежей им, но и дети других людей будут облагаться налогами в пользу их детей или детей их преемников. Носители власти таким образом получают возможность добывать деньги, которые они не

могли бы собрать непосредственно от налогов, не возбудив негодования и сопротивления со стороны людей, могущих оказать самое действительное сопротивление. Так поддерживается тирания и плодятся излишества и коррупция. Если бы и могли быть указаны какие-нибудь случаи, в которых право заключать общественные и государственные займы приводило к благу, то они совершенно терялись бы в массе других случаев, в которых оно приводило лишь ко злу.

Общественные и государственные займы, в пользу которых всего более можно сказать, суть займы, сделанные с целью общественных сооружений разного рода; однако та расточительность и та коррумпированность, какие породило в Соединенных Штатах право заключения таких займов, слишком хорошо известны, чтобы надо было о них распространяться, и не даром относительно этого права во многих штатах были сделаны конституционные ограничения. Даже по названию «общественные» займы железнодорожных и других подобных компаний плодили так много расточительности и коррупции, что вред от них во всяком случае перевешивал то благо, к которому они приводили. Что же касается огромных чисто государственных займов разных стран, как известно, заключавшихся с целью тирании и войн, то едва ли в них можно усмотреть что-либо, кроме зла. Из всех этих займов займы, заключенные Соединенными Штатами, могут считаться лучшими; но и они не представляют из себя исключения.

Как я уже говорил, средства, затраченные нами на ведение войн, получались нами не извне или не из будущего, а из существовавшего в то время и принадлежавшего населению нашей страны богатства. И если бы, призывая людей умирать за отечество, мы не гнушались брать, в случае необходимости, 999 тысяч с тех, у кого есть 1 миллион, мы не имели бы нужды ни в каких займах. Но, вместо этого, мы обращались к налогам, с помощью которых можно было брать с бедных более, чем с богатых, и с помощью которых можно было устраивать при случае монополии, позволявшие богачам наживаться за счет бедняков. А когда этих налогов оказалось мало, мы, вместо того, чтобы брать богатство у тех, которые его имели, обратились к богатым людям с предложением добровольно предоставить народу пользование некоторой частью их богатства, обещая сделать это выгодным для них и давая им в своей власти устанавливать налоги гарантию возврата ссуды и уплаты процентов. И мы сделали это

более, чем выгодным для них. Учредив государственный банк, мы не только вернули им девять десятых всей ссуды, продолжая платить проценты с полной суммы ее, но, чего уже не требовали ни условия займа, ни обстоятельства его совершения, сделали уплату по нем обязательной в золотой валюте, тогда как сами получали его в обесцененной бумажной. Следствием этого способа ведения войны было то, что богачи стали богаче, а не беднее. Гражданская война оказалась в Соединенных Штатах началом эры мультимиллионеров.

И если таково происхождение государственного долга Соединенных Штатов, то каково оно у государственных долгов других стран? Что выплачивает население Англии в процентах по огромному государственному долгу этой страны? Оно выплачивает проценты на деньги, брошенные или розданные развратными тиранами или олигархиями прежних поколений, на подарки распутным женщинам, пройдохам, льстецам или предателям свободы своей родины; на расходы для подкупа законодательных учреждений собственной страны или для ведения войн, направленных к уничтожению ее прав и свободы или свободы и прав других стран; на наем гессенцев, вооружение индусов и посылку армий и флотов для войны с американскими колониями, имевшей своим последствием распадение на две нации народа, который мог бы без нее образовать одну великую конфедерацию; на расходы для подавления ирландского народа и нанесения ему еще зияющих ран; на огромные расходы для поддержания на континенте Европы кощунства божественного права; на избиение и грабеж ни в чем неповинных людей во всех частях света. Налоги берутся с ныне живущих англичан. В них взыскивают с человека не долг, сделанный его прадедом; в них взыскивают с человека стоимость веревки, на которой был повешен его прадед, или стоимость хвороста, на котором он был сожжен.

Так называемый, египетский долг, который вытребовался в недавнее время при содействии Англии, представляет собой еще более поразительный пример грабежа. Покойный хедив был не что иное, как арабский разбойник; устроивший себе стоянку в той стране и грабивший ее жителей. Того, что он мог содрать с жителей, доведя их до голода и обобрав донага, оказалось мало для его необузданной варварской расточительности, и вот европейские банкиры, опираясь на мнимую святость государственных долгов, предложили ему ссуду на самых ростовщических условиях. Займы были растрчены с самым диким безрассудством на гаремы, дворцы, яхты, брильянты, подарки и

увеселенья; однако, чтобы вымогать проценты по ним с разоренных египетских крестьян, христианская Англия посылает туда для убийств и пожаров свои флоты и армии и пользуется своей силой для поддержания тирании и роскоши слабоумного хедива за счет египетского народа.

Таким образом выдумка государственных долгов дает возможность тирании прочно укрепляться, а проходимцам, завладевающим властью, — пренебрегать народом. Она позволяет делать огромные и расточительные расходы, заставляя молчать или даже делая своими пособниками людей, которые иначе оказывали бы этим расходам самое энергичное и действительное сопротивление. Не будь у правителей возможности заключать государственные займы, и не было бы начато и девяти десятых тех войн, какие велись в христианском мире за два последние столетия. Уничтожение богатства, пролитие крови о страдания вдов, матерей и детей, причиненные таким образом, уже и сами по себе безмерно велики, а к счету их нужно еще прибавить опустошения, потери и нравственную развращенность, причиняемые постоянными приготовлениями к войнам.

Но с расходами на войны и приготовлениями к ним и с тем развратом, какой поддерживается нашими огромными государственными расходами, еще не оканчиваются те общественные бедствия и коррупционность правительств, которые являются следствием невнимания и пренебрежения к человеческим правам, заключающегося в признании государственных долгов. Страсти, возбуждаемые волнами, племенная ненависть, благоговение перед военной славой, жажда побед или мщенья, заглушают народную совесть, превращают высшие общественные инстинкты в тот выродок низменного безрассудного себялюбия, который по недоразумению называют патриотизмом, убивают любовь к свободе и доводят людей до подчинения тиранам и насильникам из-за дикого желания перерезать горло другим людям или из боязни, чтобы кто-нибудь им не перерезал горла. Они так извращают религиозное чувство людей, что признанные последователи Христа благословляют от его имени принадлежности убийства и грабежа и возносят благодарения за победы, при которых земля покрывается горами искалеченных трупов и горечь наполняет сердца людей.

Но зло не оканчивается еще на этом. Вильям Вандербильт, имея на \$80 млн государственных облигаций, заявлял, что государственный

долг не следует погашать, что, напротив того, его нужно увеличивать, т. к. он придаст устойчивость правительству. «Ведь каждый человек, у которого заведется облигация, — говорил он сотруднику «Нью-Йоркск таймс», — становится мирным и благомыслящим гражданином»... Чувства, о которых говорит Вандербильт, сознаются далеко не им одним. Не мирные и благомыслящие граждане с облигациями в карманах были передовыми бойцами в нашей гражданской войне, и не они вообще бывают передовыми бойцами, и всюду владение облигацией стремится сделать человека мирным и благомыслящим гражданином, верным всякому, кто бы ни захватил власть и желающим только одного: возможности спокойно обналичивать облигации. Всякий мало-мальски крупный государственный долг создает крупный денежный интерес, который нуждается в «сильном» правительстве и боится перемен, и таким образом всегда является крепкой опорой для коррумпированных и тиранических правительств в борьбе с народом. Мы можем уже в Соединенных Штатах заметить следствия развращающего влияния такого рода, а в Европе, где оно сказывалось с большей силой, в нем можно признать уже главную опору для тирании и самую сильную помеху к государственным реформам.

Томас Джефферсон был прав, когда, основываясь на той «очевидной истине, что земля принадлежит лишь как временным владельцам ныне живущим поколениям», заявлял, что ни какое поколение не может считать для себя обязательными законы или долги предшествующих поколений. И не ошибался этот благороднейший из американских патриотов и величайший из американских государственных людей, когда говорил, что меры, направленные к проведению в жизнь этого принципа, будут представляться тем более благодетельными, чем более будут уделять им внимания.

Косвенные налоги являются не менее важным изобретением для нечувствительного высасывания крови из народа и для обезоруживания людей, которые могли бы оказывать самое действительное сопротивление расточительным и коррумпированным правителям. Они устанавливаются таким образом, что люди, которые непосредственно уплачивают их, могут перелгать их в повышенных ценах на других людей и выбирать назад вообще даже с прибылью. Люди, непосредственно уплачивающие их, и, что особенно важно, люди, желающие повышения цен, бывают заинтересованы во введении и сохранении их, а люди, на которых в конце-концов падает

бремя их, не могут усмотреть их.

Развращающее влияние косвенных налогов можно видеть всюду, где к ним обращались, но нигде оно так не бросается в глаза, как в Соединенных Штатах. Наибольшие усилия нашего правительства со времени Гражданской войны были направлены не на то, чтобы уменьшить налоги, а на то, чтобы найти оправдание для сохранения налогов военного времени. Ради этого поддерживалась самая необузданная расточительность во всех отраслях управления и теми способами увеличивались расходы. Мы намеренно заменили дешевое денежное обращение дорогим, мы намеренно увеличили расходы на погашение нашего государственного долга; мы содержим дорогой флот, который ни к чему нам не служит и не к чему не мог бы послужить в случае войны, и армию, в двенадцать раз более многочисленную, чем та, которая нам нужна, и в пятнадцать раз более дорогую. Мы добываем серебро из земли в Неваде и Колорадо и снова прячем его в землю в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, где оно приносит отнюдь по более пользы. Мы тратим огромные деньги на ненужные общественные работы и уплачиваем пенсии на основании закона, как бы нарочно придуманного для того, чтобы выдавать награды за обман и пускать на ветер народные деньги. И все же для конгресса является еще великим вопросом, что делать ему с остатками. Всякое предложение сократить налоги встречает самое жестокое противодействие со стороны тех, которые получают или воображают себя получающими прибыль от этих налогов, и шумная толпа дельцов осаждает конгресс, прося, угрожая, предлагая взятки и входя в сговор для совместной работы против сокращения налогов, доказывая, что какой угодно налог может быть уменьшен, а излюбленный ими во всяком случае должен оставаться неприкосновенным. Сама назойливость, с которой отстаиваются эти налоги заинтересованными в них лицами, может дать нам некоторое представление о том, насколько больше борется в этих налогах с народа, сравнительно с тем, что доставляется казне. Но это будет лишь очень неполное представление, т. к. то, что идет в казну и перехватывается дельцами разного рода, составляет еще сравнительно малую статью расходов, и несравненно большую статью в нем образуют потери и растраты, причиняемые искусственными преградами и стеснениями, которые система косвенных налогов ставит на пути к производству и обмену.

И все же стоимость этой системы для народа, выраженная в

деньгах, представляла бы из себя лишь нечто очень маловажное, сравнительно с тем, что делает она в смысле коррупции правительства, принижения общественной нравственности и затемнения народной мысли. Первое, что приходится делать каждому, являющемуся в нашу «страну свободы» — это давать ложную клятву, потом — давать взятку таможенному чиновнику и так далее; во всех наших государственных и общественных отношениях, — всюду сказывается действие отравы. Закон превращается во что-то презренное, раз признаются за преступления поступки, в которых нет ничего безнравственного. Люди, неразборчивые в средствах, получают преимущество перед более честными. Избирателей нанимают участвовать в выборах, чиновников подкупают, печать держат на содержании, и настойчивая защита корыстных интересов кучки людей в конце концов так затемняет народное сознание, что значительная часть американских граждан искренно верить теперь, что им благодетельствуют, облагая их такими налогами!

Подробное перечисление тех общественных бедствий и тех фактов правительственной коррупции, которые являются следствием этой порочной системы налогов, заняло бы более места, чем сколько я могу уделить этому предмету. И я позволю себе лишь указать здесь, что и они, подобно злу, порождаемому государственными займами, в конечном анализе являются следствием «невежества, пренебрежения или презрения к человеческим правам». Если и можно требовать, чтобы каждый гражданин нес свою долю участия в надлежащих расходах правительства, то во всяком случае было бы очевидным нарушением естественных прав такое пользование налоговособирающей властью, когда одному гражданину давались бы преимущества перед другим, когда у некоторых отбирались бы произведения их труда с целью повышать прибыль других, и когда наказывались бы, как преступление, поступки, в которых не заключается ничего предосудительного.

ГЛАВА XVII.

Обязанности правительства.

Чтобы удержать правительство от разврата и тирании, нужно возможно более упростить его организацию и способы управления, нужно ограничить его дела необходимыми для общего блага и нужно поставить его возможно ближе к народу и в возможно большую зависимость от него.

Мы во многом пренебрегли этими правилами, и следствием этого явилась развращенность и нравственное падение правительства, утрата им связи с народом и полное извращение своих обязанностей к выгоде для немногих и с огромным вредом для всех. Поправить дело, по крайней мере с одной стороны, мы можем путем упрощения.

Первая и главная цель правительства удивительно хорошо определена в том великом документе, который мы, американцы, так почитаем и так мало знаем, в Декларации независимости. Она состоит в обеспечении за людьми тех равных и неотчуждаемых прав, которыми они наделены были их Творцом. Я покажу потом, как применение единственного средства, могущего обеспечить в цивилизованном и прогрессивном обществе первое из этих неотчуждаемых прав, равное право на землю, в то же самое время в огромной мере упростило бы правительство и положило бы конец развращающим влияниям. Но и помимо этого возможно не мало упрощений, и ими отнюдь не следует пренебрегать, если где-либо их можно достигнуть. Так как политическое развращение делает более легким сопротивление требованию реформ, то все, что может быть достигнуто в смысле возвышения политической нравственности и подведения правительства под просвещенный надзор и воздействие общества, является не только целью, желательной самой в себе, но и средством для достижения дальнейших целей.

Американская республика нуждается в ее шутовском флоте не более, чем какой-нибудь мирный великан в палке из ваты или оловянном мече. Он существует лишь ради содержания, получаемого офицерами и флотским начальством. В мирное время он только увеличивает расходы и развращенность; в военное время он был бы бесполезен. Мы слишком сильны, чтобы какая-нибудь иностранная держава могла легкомысленно напасть на нас, и мы должны быть слишком велики, чтобы легкомысленно напасть на других. Если бы война когда-нибудь была навязана нам, то мы могли

бы смело положиться на науку и дух изобретения, которые делают ненужными флоты уже быстрее, чем их можно строить.

То же и с нашей армией. Все, что нам нужно, если даже теперь это нужно, так это только небольшой состав пограничной полиции, в роде той, какая содержится в Австралии и Канаде. Постоянные флоты и постоянные армии враждебны истинной демократии, и наша гордость, как наш долг, одинаково должны побуждать нас к тому, чтобы показать миру, что великая республика может обходиться без них. Как по своей организации, так и по смыслу своего существования, как наш флот, так и армия, стоят в явном противоречии с демократическим идеалом. В них поддерживается то же различие между обер- и унтер-офицерством, какое возникло в Европе, когда одно пополнялось из знати, признававшейся за высшую расу, сравнительно с крепостными и фермерами, пополнявшими собой другое. Она являются оскорблением, обидой для демократии и должны быть уничтожены.

Наша дипломатическая система тоже является рабской копией обычаев королей, вступавших друг с другом в заговоры против свобод народа, в те времена, когда еще не были изобретены океанские пароходы и телеграф. Она может служить лишь целям вознаграждения политиканов и коррупционеров, и изредка развращения кое-кого из поэтов. Уничтожить ее — значило бы сберечь траты, уменьшить развращение общества и поддержать национальное достоинство.

В судебной и законодательной области тоже есть обширное поле для радикальных реформ. В ней мы тоже лишь рабски подражали англичанам и позволяли юристам в такой мере составлять законы в интересах своего класса, что правосудие обратилось у нас в нечто, слишком дорогое, чтобы им могли пользоваться бедные люди. Самое лучшее употребление, какое мы могли бы сделать из наших сборников законов, к которым ежегодно прибавляются разные толкования американских, английских, шотландских и ирландских судов, так это пустить их на бумагу, и усвоить такие начала и порядки судопроизводства, которые сократили бы нашу огромную армию юристов по меньшей мере до состава французской. Вместе с тем мы могли бы подсократить с большой выгодой для себя и наши уставы разного рода. Не дело правительства делать людей добродетельными или религиозными или предохранять дураков от последствий их глупости. Правительство должно пользоваться подавляющей властью не более, чем сколько это нужно для обеспечения свободы путем

охранения равенства прав каждого члена общества от посягательств со стороны прочих членов, и лишь только правительственные запрещения заходят далее этой границы, как для них является уже опасность вредить тем самым целям, каким они бывают предназначены служить. Как стремится подорвать уважение к закону, создать лицемерие и вызвать уклонения разного рода постановления закона, предписывающие или запрещающие то, чего не предписывает или не запрещает нравственное чувство, так скорее ослабляют, чем увеличивают нравственное чувство, попытки явиться с законом на помощь нравственности в тех делах и отношениях, в которых не заключается явного нарушения свободы других. Попытки эти лишь принижают нравственные требования до уровня требований закона и дают возможность всякому, кто ловко избегнет кары закона, избегать и всякой кары. Таким образом, отменив, например, постановления закона, касающиеся взыскания долгов, мы, без всякого сомнения, значительно подняли бы уровень торговой нравственности. В делах такого рода ловкий мошенник всегда может удерживаться в границах закона или обходить закон, тогда как самое существование законодательных норм принижает уровень общественной нравственности и лишает силы общественное мнение.

Ограничения, запрещения, помехи к свободе действия, безвредного в самом себе, суть зло по своей природе, и хотя они могут быть иногда необходимы, но по большей части могут быть уподоблены лекарствам, которые подавляют или видоизменяют некоторые симптомы, не ослабляя болезни. Да и всюду, где обращаются к законодательным ограничениям или запрещениям, зло, которое ими стараются подавить, обыкновенно бывает следствием каких-нибудь прежних ограничений, — каких-нибудь прежних нарушений естественного права.

Все стремления нашего времени направлены к поглощению более мелких стран крупными, к расширению тех областей, в которых становится необходимым или желательным единство закона и управления. Но как раз в виду этого мы должны с тем большей настойчивостью всюду, где возможно, поддерживать принцип, что население каждого государственного подразделения — района, города или штата или как бы там оно ни называлось, во всех делах, касающихся только его, может и должно действовать вполне самостоятельно. Мы игнорировали этот принцип в пределах наших штатов даже более, чем в отношениях между управлениями штатов и

общегосударственным управлением, и, допуская вмешательство в управление большими городами со стороны выборных от штатов и возлагая на законодательные палаты те дела, которые собственно должны бы были ведать местные власти, мы разделяли ответственность и содействовали административной развращенности.

Многое, также, могло бы быть сделано для уничтожения злоупотреблений со стороны партийных организаций и для более полного проявления воли избирателей путем упрощения наших выборных порядков. И никогда не должно упускать из виду того принципа, о котором мы часто забываем, что народ не может входить во все частности управления и может сознательно избирать лишь немногих должностных лиц. Предлагать среднему избирателю при каждом выборе длинный список кандидатов, о большей части которых он ничего не может знать, если не занимается специально политикой, значит просто отдавать его голос в распоряжение разных избирательных ассоциаций и политических кружков. И делить власть часто значит уничтожать ответственность и подготавливать незаконные захваты власти, а не предупреждать их.

Я должен ограничиться лишь короткими указаниями на эти дела, хотя сами по себе они заслуживают глубокого внимания. Возможно большее упрощение правительства и улучшение механизма управления представляются тем более необходимыми, что с прогрессом общества дела, которые должно принимать на себя правительство, все более и более увеличиваются. Только лишь в детстве общества обязанности правительства могут надлежащим образом ограничиваться заботой об общей защите и об ограждении слабого от нападений сильного. С развитием общества, в соответствии с тем законом интеграции и возрастающей сложности, о котором я говорил в первой главе этой книги, становится необходимым, с целью обеспечения равенства, вводить и делать обязательными постановления, направляющие другие стороны жизни общества, и к первичным и ограничительным функциям правительства присоединяются функции, которые могут быть названы кооперативными, отказ от принятия которых ведет во многих случаях к попранию прав личности столь же верно, как усвоение правительством направляющих и ограничивающих функций, на самом деле ему не принадлежащих.

При разделении труда и специализации занятий, которые начинаются на ранней степени общественного развития и возрастают

вместе с ним, принятие на себя отдельными лицами известной части дел, касающихся общества, бывает связано с недопущением других лиц до занятия этими делами. Так, когда кто-нибудь открывает магазин, гостиницу или занимается транспортировкой пассажиров или грузов, или посвящает себя какому-нибудь особому ремеслу или занятию, в которых все могут иметь нужду, то его деятельность такого рода препятствует другим заниматься тем же делом и приводит к установлению привычек и обычаев, которые делают из обращения к нему необходимость для прочих и которые поставили бы людей, лишенных возможности обращаться к нему, в явно невыгодное положение, сравнительно с прочими. Таким образом для обеспечения равенства становится необходимым так ограничить свободу действия, чтобы обязать тех, которые принимают на себя разного рода квази-общественные функции, служить без различия всем, которые могут обращаться к ним на обычных условиях. Этот принцип признается всеми нациями, сколько-нибудь подвинувшимися на пути цивилизации, в их законах, касающихся транспорта, содержания гостиниц, лоцманства и т. п.

С развитием цивилизации и ростом промышленности концентрация, вытекающая из пользования более крупными силами и улучшенными способами, приводит все к большему и большему ограничению и устранению конкуренции и к установлению монополий. Это мы хорошо можем видеть на примере железных дорог. Было бы прямой растратой капитала и труда строить одну железную дорогу бок о бок с другой, а где это и делается, там само дело непреодолимо приводит их или к объединению, или к соглашению, и даже там, где есть конкуренция, она бывает только лишь временно. Объединение железнодорожных линий, обещающее через несколько лет сосредоточить весь наш железнодорожный транспорт в руках пяти-шести компаний, пропорциональный раздел доходов и соглашения относительно правил перевозки и тарифов, устраняющие конкуренцию даже в конкурирующих направлениях, обуславливаются стремлением, которое присуще развитию железнодорожной системы и на которое тщетно было бы сетовать.

Так как ближайшее назначение и основная цель правительства состоит в обеспечении естественных прав и равной свободы каждого, то все дела, заключающий в себе элемент монополии, необходимо должны подчиняться правительственному надзору и руководству, а дела, являющиеся по самой природе своей монополиями, должны

признаться прямыми функциями правительства. С развитием общества государство должно усваивать эти функции, по природе своей кооперативные, с целью обеспечить равенство прав и свободу каждого. Другими словами, вместе с тем, как с процессом интеграции индивидуум все более и более ставится в зависимость от всех, в соподчиненное отношение к ним, делается необходимым для правительства, — которое является собственно тем социальным органом, при помощи которого только и могут действовать все индивидуумы, как целое, — принимать на себя, в интересах всех, известные функции, которые не могут быть доверены индивидуумам. Таким образом, из того принципа, что должно считать истинным назначением и целью правительства обеспечение естественных прав и свободы индивидуума, вытекает тот принцип, что дело правительства — выполнять для массы индивидуумов то, что не может быть выполняемо или не может быть успешно выполняемо индивидуальным действием. Как при развитии видов сознательная координированная деятельность целого, живого существа, должна приобретать все больше и больше значения сравнительно с самопроизвольной деятельностью его частей, так это должно делаться и при развитии общества. Это истина, заключающаяся в социализме, которую мы слишком медлим признать, хотя к признанию ее неуклонно ведет нас прогресс промышленности и развитие общества.

В животном организме слабость и болезнь могут одинаково вызываться как чрезмерным напряжением известных органов, так и недостаточной работой их. Подобным же образом политическая развращенность и общественные бедствия могут наступать как от того, что правительство не будет брать на себя тех функций, которые должны принадлежать ему, как органу, ведающему дела общего интереса, так и от того, что оно будет позволять себе вмешательство в сферу чисто индивидуального действия. Это мы и видим на наших собственных делах. В том, что мы пытаемся выполнить при помощи правительства, и в том, что мы оставляем незавершенным, мы уподобляемся человеку, который отнес бы к отправлениям своего желудка заботу о приготовлении обеда и в то же самое время пытался бы руководить своим пищеварением, воздействуя на него своею волею; или человеку, который, идя по людной улице или по плохой дороге, сосредоточил бы все свои сознательные способности на движении своих ног, относясь с полным невниманием к тому, где он идет.

Поясним это. Не дело правительства считаться со взглядами кого-либо на Творца и с способами служения Ему, какие кто-либо избирает, раз проявление этих личных прав не сталкивается с равной свободой других, и следствием правительственного вмешательства в эту область были ханжество, развращение, преследования и религиозные войны.

Не дело правительства направлять приложение труда и капитала или поддерживать некоторые отрасли промышленности за счет других, и попытки к этому приводят ко всем тем растратам, потерям и развращению, которые порождаются покровительственными тарифами.

С другой стороны, дело правительства — выпуск денежных знаков. Это было признано вскоре же после того, как великое, сберегающее труд изобретение денег стало вытеснять бартер. Предоставить каждому желающему выпускать деньги — значило бы породить всюду неудобства и потери, вызвать соблазны к мошенничествам и поставить более бедные классы общества в крайне невыгодное положение. Эти очевидные соображения повсюду приводили, с улучшением общественной организации, к признанию чеканки монеты исключительно делом правительства. А с прогрессом общества, когда сделалось возможным дальнейшее и сберегающее труд усовершенствование в замене бумагой драгоценных металлов, как материала для денег, побуждения к тому, чтобы считать выпуск денег правительственной функцией, еще более усилились. Зло, причиненное бесконтрольным выпуском банковских билетов в Соединенных Штатах, слишком памятно всем, чтобы надо было на него ссылаться. Потери и неудобства, мошенничества и коррупция, к каким приводило признание за каждым штатом право разрешать устройство банков для выпуска билетов, кончились вместе с окончанием Гражданской войны, и никто не допустит даже мысли об их возвращении. Однако, вместо того, чтобы сделать то, что предписывала нам забота об общем благе, вместо того, чтобы признать раз и навсегда за исключительное достояние всех штатов право выпуска бумажных денег, мы, в интересах банкиров, приняли смешанную систему, при которой значительная часть денег выпускается для собственных надобностей банками, хотя и под надзором центрального правительства. Законное дело банков — прием вкладов, ссуда денег и выдача и учет векселей — совершенно правильно предоставлено частным лицам и обществам; но,

предоставляя им, хотя бы отчасти и с ограничениями и поручительством правительства, дело выпуска денег, мы причиняем населению Соединенных Штатов ежегодно денежную потерю, исчисляемую миллионами долларов, и значительно усиливаем те влияния, которые оказывают развращающее действие на правительство.

Принцип, очевидный в этом случае, может быть усмотрен с еще большей ясностью в другой области общественной жизни.

Великий железнодорожный вопрос, о его опасностях и путаницей, представляет наиболее поразительный пример того, как губительно сказывается на благосостоянии общества непринятие на себя государством тех функций, которые по праву принадлежат ему.

На низких ступенях общественного развития и там, где правительство, пренебрегая должными делами, занималось ведением ненужных войн и наложением вредных стеснений, устройство и содержание больших дорог возлагалось на частных лиц, которым в вознаграждение за это позволялось собирать пошлины. Правда, с самого же начала было признано, что пошлины эти подлежат правительственному надзору и упорядочению. Но огромные неудобства этой системы и тягость налогов, которые, невзирая на попытки к упорядочению их, все же угнетали производство, привели, с развитием общества, к признанию устройства и содержания дорог обязанностью правительства. При дальнейшем общественном развитии явилось изобретение железных дорог, которое совместило дело постройки и содержания дорог с делом перевозки по ним грузов и пассажиров. Вероятно, из-за этого обстоятельства и не было признано с самого начала, что в самые соображения, которые побуждают возлагать на государство постройку и содержание обыкновенных дорог, прилагаются с еще большей силой к постройке и эксплуатации железных дорог. В Великобритании и Соединенных Штатах, да с редкими исключениями и в других странах, постройка железных дорог была предоставлена частным предпринимателям, и распоряжение ими поставлено всецело в зависимость от жадности предпринимателей. В Соединенных Штатах, где железные дороги имеют более значений, чем в какой бы то ни было другой стране в мире, общественный характер их признавался лишь в наделении их землями и даровании им субсидий, бывших причиной большого развращения, да в кое-каких слабых попытках к упорядочению платы

за провоз пассажиров и грузов.

Однако тот факт, что железнодорожное дело, при современном его развитии (а может быть и необходимо), совмещает перевозку с содержанием дорог, во всяком случае указывает на невозможность конкуренции при перевозке и, следовательно, на необходимость правительственного заведывания ею. Что передача заведывания железнодорожным сообщением в руки государства представляет из себя дело очень серьезное, в этом не может быть и сомнения. Можно думать, что это было бы очень серьезное дело, даже и в том случае, мало возможном, если бы, как это предлагалось некоторыми, государство ведало бы лишь содержание железных дорог, предоставляя частным предпринимателям снаряжение поездов. Но во всяком случае, как бы мы на него ли смотрели, это такое серьезное дело, что нам нужно будет с ним считаться. Ведь и человеку, когда он переходит из детства в зрелый возраст, приходится встречаться с трудностями и принимать на себя дела, от которых он рад бы был избавиться. То же бывает с обществом. Новые силы приводят к новым обязанностям и большой ответственности. Опасно зайти слишком далеко, чем следовало бы, в этом деле, но губельно и стоять на месте. И как бы ни были велики трудности, заключающиеся в принятии на себя железнодорожных дорог государством, все же бóльшие трудности связаны с отказом взять его на себя.

Нет необходимости входить в подробное доказательство того, что владение и заведывание железными дорогами есть дело государства. Это бесспорно доказывает сама логика событий и существующих фактов. В Соединенных Штатах тенденции современного развития проявляются с большей силой, тем в Европе, и тем не менее у нас едва ли кто станет отрицать неизбежность соединения железнодорожного дела с другими функциями правительства. Нам может не нравиться это соединение, но мы не можем обойтись без него. Или правительство будет распоряжаться железными дорогами, или железные дороги будут распоряжаться правительством. Иного выхода нет. Уклониться от одного рога дилеммы — значит попасть на другой.

Что касается возможности сколько-нибудь удовлетворительного надзора над железными дорогами, то опыт наших штатов, где железнодорожное дело достигло, по крайней мере относительно, своего полного развития, решает вопрос о ней отрицательно. Какой-нибудь деспот с железной волей, наделенный неограниченной

властью, еще мог бы скрутить таких левиафанов; но народные правительства никогда. Власть целого народа, конечно, больше власти железных дорог, но она не может проявляться постоянно и в частностях. Даже небольшой денежный интерес, благодаря отчетливости связанных с ним представлений, благодаря своей сосредоточенности и изворотливости, может не без успеха выступать против крупного, но смутно сознаваемого общего интереса; он имеет то же преимущество, какое есть у хорошо вооруженной и дисциплинированной силы в борьбе против народного ополчения. А благодаря численности служащих, большим доходам и размерам своего влияния, железные дороги располагают гигантской силой. И сила их, обгоняя в своем развитии рост страны, еще того быстрее стремится концентрироваться. Быть может, уже народился человек, который будет владычествовать над всею железнодорожною сетью Соединенных Штатов, как теперь владычествуют над отдельными частями ее Вандербильт, Гульд и Хентиндон.

Практичные политические деятели всюду в Соединенных Штатах прекрасно понимают всю безнадежность борьбы с железнодорожными обществами. Во многих штатах, если не в большинстве их, ни один благоразумный человек не займет никакого места в правительстве, если только знает, что против него будет власть железнодорожных заправил. Однако при прямом обращении к народу власть такого рода бывает одной из слабейших, и железнодорожные короли управляют штатами, в которых они потерпели бы поражение во всех делах, представленных непосредственно на усмотрение народа. Свою политическую власть они поддерживают, лишь сосредоточивая свои силы на первых собраниях избирателей, входя в соглашения с партиями, овладевая печатью, действуя в законодательных палатах и наполняя суд своими креатурами. Население Калифорнии, например, то и дело голосовало против железнодорожного синдиката, вернее — воображало себе голосующим против вето, и даже приняло очень плохую конституцию, потому что предполагало, что против нее будут железнодорожники. А в итоге, огромная железнодорожная компания, во владениях которой Калифорния, пространством своим вдвое превышающая Великобританию, является лишь одной из областей, всецело господствующей в этом штате. Люди, которые действительно боролись против нее, были или взяты ею к себе на службу или уничтожены, и на железнодорожных магнатов работают теперь такие

силы, против которых не осмелится выступить никакое правительство. Эта компания, получавшая первое время огромные субсидии в виду общественной важности ее предприятий, облагает торговлю не просто пошлинами, а целыми тарифами. Если кто-нибудь начинает дело, требующее перевозки, то ему приходится предъявлять ей свои доходы и перечислять на ее счет немалые суммы. Импортёры обязываются «безоговорочно» выдавать ее агентам свои бухгалтерские отчеты, и если в них оказывается, по мнению компании, что-нибудь вредящее ее интересам, их штрафуют или разоряют, ставя их в невыгодное положение по отношению к их конкурентам. Три пересекающие материк железные дороги, получившие огромные субсидии от народа в надежде, что взаимная конкуренция между ними понизит плату за проезд, достигли ныне Тихого океана. Но вместо того, чтобы конкурировать между собою, они объединили свои доходы. Пароходная линия, поддерживающая сообщение между Сан-Франциско и Нью-Йорком, через Панамский канал, получает \$200.000 ежемесячно с тем, чтобы поддерживать плату за перевозку пассажиров и груза на одном уровне с взимаемой железными дорогами, и если бы вам нужно было отправить товары из Нью-Йорка в Сан-Франциско через Панамский перешеек, то вы выгадали бы, отправив их предварительно в Англию. Отправители до промежуточных портов оплачивают провоз своих товаров так, как если бы их везли до конечного пункта и затем везли назад; даже относительно парусных судов сделана оговорка в соглашении с импортёрами, устраняющая возможность пользоваться ими для океанской перевозки всюду, где они могли бы мешать монополии.

Я говорю о Калифорнии только как об одном примере. Власть железнодорожных компаний простирается от штата и до штата, распространяясь и на общее правительство штатов. Можно ли сомневаться в том, что если продолжится теперешнее положение дел, то и весь американский народ окажется во власти этих крупных компаний или их сподвижников? Иного выхода нет из такого положения. Железнодорожные заправила не могут чуждаться политики, даже если бы и хотели этого. Трудности железнодорожного вопроса вытекают не из того, чтобы особенно дурные люди стояли во главе железнодорожных предприятий; они обуславливаются самою природою железнодорожного дела и его близкими отношениями к другим делам и отраслям промышленности. «Но, — скажут, — если

железные дороги даже и теперь являются развращающим элементом в наших политических отношениях, то что было бы тогда, когда они сделались бы государственной собственностью и правительство само стало бы заведывать ими? Разве казенное хозяйство не отличается своей распущенностью и отсталостью? Разве, вследствие прибавления массы железнодорожных служащих к существующей армии чиновников и огромного увеличения доходов и расходов правительства, люди, взявшие в свои руки бразды правления, не получили бы возможности пренебрегать оппозицией и без конца удерживать за собой власть; разве не вверглась бы в конце концов вся политическая организация в пучины коррупции?»

Я отвечаю на это, что как бы ни были велики опасности такого рода, нам все равно нужно идти им навстречу, т. к. иначе нас постигнет нечто худшее. Когда буря грозит бросить на берег корабль, то моряк ставит нужные паруса, даже рискуя, что они будут сорваны и что мачты его полетят за борт. Он возможно точнее старается делать все, что требуется, и внизу и наверху; освобождается от всего, что может уменьшить сопротивление ветру, и посылает к рулевому колесу лучших кормчих, чтобы по нерадению не подвергнуться верной гибели, разбившись о скалы.

Я не преуменьшаю опасностей принятия на себя новых обязанностей правительством, таким, каково оно есть, но стараюсь выяснить настоятельную необходимость упрощения и улучшения его с тем, чтобы оно без вреда могло принять на себя те добавочные функции, которые возлагает на него самый ход общественного развития. Нужно не только удержать правительство от крупной коррупции и бездействия, — чего мы можем достигнуть отрицательной политикой так же мало, как моряк удаления от скал одним укреплением парусов, — нужно также сделать правительство более отзывчивым и менее коррумпированным. Опасности, которые грозят нам, не есть что-либо случайное. Они вытекают из мирового закона, которого мы не можем устранить, — того закона, указанного нами в первой главе этой книги, что каждый шаг вперед на пути развития приносит с собой новые и новые опасности и требует все более и более возвышенного и отчетливого понимания. Все равно, как высокоорганизованное животное не может жить, если у него нет более развитого мозга, чем у существ низшей организации, так и высокоорганизованное общество должно погибнуть, если не внесет в управление общественными делами большего понимания и высокого

нравственного чувства. Огромные успехи в области материальной культуры, сделанные нами благодаря современным изобретениям, требуют также соответственных успехов в области общественной и государственной жизни. Природа не делает снисхождения к несовершеннолетию. Мы должны или жить на ее условиях или не жить вовсе.

Я хочу здесь показать, насколько важно для нас упростить правительство, остановить политическую коррупцию и улучшить общественные условия. Далее я имею в виду показать, как много в этих направлениях могло бы быть сделано одною только великою реформою. Но, хотя я и не считаю себя в праве делать свое изложение слишком пространным, я все же позволю себе обратить внимание читателя на некоторые принципы, которые не должно забывать при обсуждении вопроса о принятии на себя государством таких обязанностей, как управление железными дорогами.

Во-первых, я полагаю, можно признать за правило, оправдываемое опытом, что раз какой-нибудь крупный интерес отдан на усмотрение правительства, то он производит более развращающее действие на правительство, когда действует со стороны, чем когда прямо включается в круг обязанностей правительства. Пусть корабль среди океана бросит якорь и спустит якорную цепь; хотя он и облегчится от груза, т. к. часть веса якоря и цепи будет поддерживаться водой, тем не менее не только замедлится его движение, но и управление им крайне затруднится, т. к. он перестанет подчиняться рулю. Однако принятые на себя кораблем и должным образом прицепленные у его борта якорь и цепь уже не будут заметно влиять на его ход.

Постоянная армия оказывает развращающее влияние и является угрозой свободе народа. Но станет ли кто утверждать, что в виду этого, если уж надо содержать постоянную армию, то лучше предоставить сформирование и оплату ее частным предпринимателям и уже у них нанимать ее государству? Такая армия была бы несравненно более развращающей и более опасной, чем содержание непосредственно государством, и вожди ее вскоре же сделались бы властителями страны.

Не думаю, чтобы правительственная почта, с ее множеством отделений и служащих, могла быть столь же важным фактором в нашей общественной жизни или оказывать столь же развращающее влияние, как частная, всегда искушаемая или побуждаемая к вмешательству в политику с целью добиться выгодного для нее

законодательства и предупредить невыгодное. Где отдельные штаты и федеральное правительство заменяли казенными типографиями казенных типографщиков, которые от себя покупали материал и оплачивали служащих, там всегда, я полагаю, в результате было ослабление, а не усиление, развращающих влияний, да я думаю и повсюду система казенных подрядов и поставок в общем приводила к большому развращению, чем система непосредственного казенного заведывания и закупок. Причта этого, на мой взгляд, заключается в том, что в первом случае развращающие интересы и силы бывают более концентрированы, тем во втором.

Отсталость, распушенность и коррупцию, обычно приписываемые нами казенному хозяйству, бывают особенно заметны в делах, которые стоят не на виду у народа и мало касаются, если вообще касаются, общественных удобств. Хорошо или дурно выпущены шесть новых броненосцев, постройки которых добились от конгресса пронырливые подрядчики, этого никогда не узнает американский народ иначе, как из газет, и успех или неуспех этого дела так же мало касается его удобств или благосостояния, как успех или неуспех в изготовлении штанов для турецкого султана. Но пусть почта собьется с дороги или пусть почтальон не доставит письма, и сразу же поднимется шум. Почтовое дело ведется государством лучше, чем какое-либо другое из ее дел, потому что оно ближе касается народа. Оно ведется по меньшей мере так же хорошо, как ведутся такие обширные дела частными компаниями, и, думается, в общем так же расчетливо. А уголовщина и злоупотребления, случавшиеся в нем, бывали по большей части в таких отдаленных уголках страны и при выполнении таких обязанностей, которые почти или вовсе не затрагивали внимания общественности. Также в Англии телеграфное и почтовое дело, вместе с сберегательными кассами, ведется государством лучше и расчетливее, чем ранее частными компаниями.

Подобно этим делам и, пожалуй, более, чем они, железнодорожное дело находится прямо перед глазами народа. Оно так близко касается интересов, удобств и безопасности всех и каждого, что при государственном управлении наверно не будет недостатка в том неослабном и живом внимании к нему, которое обеспечивает успех.

Мне кажется, что в отношении общественных дел мы слишком легко принимаем за правило, будто добросовестная и производительная работа может быть обеспечена лишь надеждами на

денежную выгоду или боязнь денежных потерь. Мы видим добросовестную и производительную работу в наших высших учебных заведениях и других подобных учреждениях вне этих условий, не говоря уже об армии и флоте или почтовой службе и деятельности правительства в области народного образования, и, как бы то ни было, наше железнодорожное сообщение на самом деле поддерживается людьми, которые, от стрелочника и до начальника линии, не имеют никакого денежного интереса в деле, кроме получения жалованья, в большинстве случаев жалкого и недостаточного, и сохранения за собой места. При переходе на госслужбу они имели бы на худой конец столько же побуждений к добросовестной и производительной работе, какие есть у них теперь, т. к. при казенном заведывании они во всяком случае пользовались бы всеми преимуществами гражданской службы, в смысле ее большей обеспеченности. Самый решительный сторонник партийного назначения служащих не решился бы доверить свою жизнь и безопасность машинистам и кондукторам, назначенным по партийным интересам.

Да и посмотрите на железнодорожное хозяйство в его теперешнем виде. Ясно, что оно ведется не в интересах народа. Но ведется ли оно в интересах акционеров? Ведется ли оно с тою же расчетливостью и осторожностью, с какими вообще, по предположению, должно бы вестись частное дело? Ничего подобного. Если и общественные интересы остаются там в крайнем пренебрежении, то интересам акционеров там оказывают в большинстве случаев еще менее внимания. Управление на наших железных дорогах, в сущности, ведется в интересе бессовестных авантюристов, которых цель состоит лишь в повышении или понижении акций на бирже, — людьми, которые подчиняют интересы управляемых ими дорог собственным интересам в доходах других дорог или предприятий, которые занимаются земельной спекуляцией, перепродавая поместья и дома, которые сдают самим себе или своим друзьям поставки и назначают льготные тарифы и которые нередко сознательно доводят до банкротства свои компании и обирают акционеров до последней нитки. Везде и всюду теперешнее управление нашими железными дорогами окружено хищениями и обманами.

Что обыкновенные дороги, мосты и другие подобные сооружения должны содержаться не ради дохода, общественного или частного, это является уже признанным принципом, и штат Нью-Йорк недавно

зашел в его признания так далеко, что отменил пошлины, собиравшиеся на Эрийском канале, — большом водном пути между океаном и озерами, которому Нью-Йорк обязан своим торговым значением. Нашу почту мы стараемся сделать лишь самоокупающейся, и едва ли кто стал бы предлагать, чтобы мы повысили плату за почтовую пересылку с целью увеличения доходов казны, как это еще водится в Англии; того менее стал бы кто-нибудь предлагать, чтобы мы оставили казенную почту и вновь передали бы дело в руки частных лиц и компаний. Вначале почтовую службу осуществляли частные лица из-за прибыли. Сохранись эта система до наших дней, и, конечно, у нас никогда не было бы таких развитых и правильных почтовых сношений, какие есть в настоящее время, не было бы и такой дешевой пересылки; а все возражения, какие теперь выставляются против казенного заведывания железными дорогами, можно бы было выставить и против правительственной почты. Мы никогда не будем пользоваться всеми благодеяниями изобретения железных дорог, пока не сделаем железные дороги общественной собственностью, заведываемой слугами народа в интересах народа. И таким образом будет уничтожена великая причина коррупции в правительстве, великая причина чудовищных состояний.

Все сказанное мною о железных дорогах относится, конечно, и к телеграфам, телефонам, снабжению городов газом, водою, теплом и электричеством, — короче, ко всем делам, которые по природе своей являются монополиями. Я говорю о железных дорогах только потому, что самые размеры вложенного в них капитала делают передачу их в руки государства наиболее тяжелым из такого рода предприятий.

Дела, которые по природе своей суть монополии, должны вестись государством. Государство должно или держать их под своим надзором, или непосредственно заведовать ими, ради самозащиты и ради обеспечения за гражданами равенства прав. Но с ростом общественного самосознания и усовершенствованием правительства будет расширяться и та область, в которой государство может действовать благотворительно, как исполнительный орган великого кооперативного союза, в который истинная цивилизация стремится превратить государство.

Мы уже сделали важный шаг в этом направлении в организации народного образования. Наши народные школы содержатся не для бедных, как английские, в которых, помимо того, требуют платы со всякого, кто может платить; не является главной побудительной

причиной к их устройству и общественная борьба с невежеством. Это — второстепенные причины. Главная же причина устройства наших народных школ заключается в том, что огромная часть нашего населения признает их за самое лучшее и дешевое средство воспитания своих детей. Американское общество, в сущности, объединилось при содействии правительства в кооперативные воспитательные союзы, и так успешно, что ни в одном штате, где введена была наша система народных школ, никакое предложение отменить ее не обратило бы на себя внимания. Невзирая на нашу политическую коррумпированность, наши общественные школы, в общем, все же много лучше частных школ. Причем, объединяя в своих стенах детей богача и бедняка, еврея и язычника, протестанта и католика, республиканца и демократа, они оказывают также неоценимые услуги делу уничтожения предрассудков и воспрепятствования росту классовых чувств. Надо заметить также, относительно наших общественных школ, что, по-видимому, и в них коррупционное влияние обуславливаются скорее тем, что мы не идем достаточно далеко в смысле правительственного действия, чем тем, что заходим слишком далеко. В некоторых наших штатах учебники, употребляемые детьми, предоставляются за общественный счет, признаваясь школьной собственностью, которую воспитанники получают при своем поступлении в школу или класс и возвращают при окончании. Но в большинстве штатов ученики, если родители их имеют средств, обязуются сами приобретать нужные учебники. Первая система оказалась из опыта несравненно лучше, не только потому, что, когда учебники выдаются всем, не бывает соблазна для людей, имеющих средства для покупки, ссылаться на бедность и не происходит унижения тех, кто не в состоянии купить их, но и потому, что учебников требуется гораздо меньше и их можно купить по более дешевой цене. Это не только ведет к значительному сокращению общей суммы расходов, но уменьшает также важное коррупционное влияние, т. к. борьба между крупными издательскими фирмами из-за принятия их учебников в школах, при которой большая часть их не брезгает при случае и подкупом, сказывалась очень плохо на нравственности руководства школьной системы. Это коррупционное влияние могло бы быть вполне уничтожено лишь в том случае, если бы учебники стали заготавливаться за общественный счет, как это и предлагалось во многих штатах.

Другим примером удачного расширения кооперативных функций правительства является устройство бесплатных общественных библиотек и читален, которое, начавшись в передовом по своему общественному духу городе Бостоне, настойчиво распространяется теперь по всей стране*. Как на удачное расширение функций правительства, можно указать также на устройство общественных парков и детских площадок, которые мы начинаем заводить.

Можно пойти и значительно дальше в этом направлении, доставляя всем и каждому за общественный счет удобства для сбережения здоровья, воспитания детей и отдыха, а также для общественного поощрения научных занятий и изобретений. Однако, если бы могли упростить и сделать более нравственным правительство, ни могли бы также возложить на государство, в его различных подразделениях, доставку разными способами, но в гораздо большей степени, тех выгод для своих членов, которые стремятся доставлять теперь частные кооперативные общества. Таким образом не только были бы достигнуты чрезвычайные сбережения и расходы каждого, но и было бы сдержано все возрастающее теперь стремление к подделкам и мошенничеству, столь же губительное для нравственности, как и для здоровья**. В связи с этим и промышленность приняла бы по меньшей мере такую организацию, при которой весьма значительно уменьшилась бы способность объединенного капитала к присвоениям и предупреждена была бы та борьба из-за рынков, которая может быть уподоблена войнам. Естественный ход общественного развития, без

---

* Бостонская общественная библиотека, выдающая книги на дом, является одной из самых крупных и налаженных библиотек в Соединенных Штатах, а, пожалуй, и в мире. В Калифорнии, где общий закон позволяет местным властям вводить налог до одного процента с дохода от недвижимости на библиотечное дело, библиотеки пользуются таким расположением народа, что во множестве мелких городов налог этот введен в его полном размере.

** Есть множество фабричных товаров, за которые производитель получает теперь не более одной трети того, что уплачивает потребитель, а подделка усовершенствовалась настолько, что их уже не могут отличать обыкновенные покупатели. Не говоря уже о разбавлении напитков, об одеомаргарине и патоке, поясним одним только примером, как далеко заходят подделки. Примеси к молотому кофе заставили многих потребителей покупать кофе в зернах и самим молоть его. И в соответствии с этим, по крайней мере одна форма из торгующих обжаренным кофе, а можно и думать и большинство их, пустила в ход изобретение, при помощи которого изготовляются из теста искусственные кофейные зерна, и совершенно похожие по внешнему виду на настоящие. Их-то и стали подмешивать в огромных количествах к настоящему кофе.

сомнения, направлен к кооперации, или, если предпочесть это слово, к социализму, хотя я, лично, избегаю употреблять это слово из-за множества придаваемых ему разнообразных и неопределенных значений. Цивилизация есть искусство жить вместе в более тесном общении. Чтобы человечество жило вместе в единении, есть очевидное намерение Божественного Духа, — есть воля Его, выраженная в неизменных законах физического и нравственного мира, награждающих за следование ей и карающих за отступление. Опасности, которые грозят современному обществу, являются лишь обратной стороной тех благодеяний, которыми могло бы оно пользоваться. Концентрация, которая совершается во всех отраслях промышленности, есть необходимое следствие наших успехов в технике. Она не есть сама по себе зло. И если где-либо она оказывается злом, то только вследствие наших плохих общественных порядков. Устройство мира, в котором мы живем, таково, что тысяча людей, работая вместе, может произвести во много раз больше, чем тысяча людей, работая врозь. Но отсюда не следует, чтобы нужно было делать девятьсот девяносто девять человек по существу рабами одного.

Повторю еще раз то, что я считаю выводом из всех существующих общественных явлений, который должен представиться всякому, изучающему их, и на который мы должны обратить серьезнейшее внимание. Естественные законы, поражающие общественный прогресс, требуют, чтобы мы шли вперед не только в области материальной культуры, но также в нашем умственном и нравственном развитии. Естественные законы, давшие нам паровоз, локомотив, телеграф, печатный станок и тысячи других изобретений, увеличивающих наше господство над природой и материальными условиями жизни, требуют большего общественного понимания и более высокого уровня общественной нравственности. И особенно делают они все более и более настоятельной ту справедливость человека к человеку, которая требует признания равенства естественных прав.

«Ищите прежде всего царства Божия и правды Его (правильного или справедливого отношения к людям), и все остальное приложится вам». Первым шагом к естественной и здоровой организации общества должно быть обеспечение за всеми людьми их естественного, равного и неотчуждаемого права на материальный

мире. Обеспечить это право не значит сделать все необходимое, но значит сделать все прочее более легким. И пока этого не будет сделано, ничто другое не принесет никакой пользы.

В этой главе я слегка касался тех предметов, обстоятельное рассмотрение которых требовало бы гораздо более места. Моя цель была — показать, что упрощение и нравственное улучшение правительства делаются настоятельной необходимостью в виду тех функций, выполнение которых возлагается на правительство ходом промышленного развития, и тех новых функций, принятие которых на себя правительством становится все более и более желательным в интересах общего блага. В нижеследующих главах я предполагаю показать, как можно бы было в огромной мере упростить правительство и уничтожить коррупционные влияния, признав и проведя в жизнь равное и неотчуждаемое право людей на землю их родной страны. Ибо Французское учредительное собрание не ошибалось, когда провозглашало, что общественные бедствия и коррумпированность правительств зависят от невежества, пренебрежения и презрения к человеческим правам.

Само собой разумеется, что говоря, в этой главе и в других местах, о правительстве, о государстве, штате и т. п., я употребляю эти термины в общем смысле, без всякого отношения к существующим политическим делениям. Где, собственно, должны находиться границы власти муниципалитета, штата, нации для того союза наций, к образованию которого, очевидно, направлен ход развития цивилизации, это вопросы, в обсуждение которых я не входил. А надлежащая организация правительства и распределение властей есть дело, требующее всестороннего рассмотрения.

ГЛАВА XVIII. Что нам делать?

Рискуя повториться, позволю себе сделать обзор сказанному.

Главный источник затруднений, грозящих нам, есть рост неравенства в распределении богатства. Ему содействуют, по-видимому, все современные изобретения, и его ускоряют политическое разращение и промышленные монополии, возникающие вследствие злоупотребления законодательной властью. Но первичная причина его заключается, очевидно, в основных общественных порядках, в отношениях, установленных нами между трудом и естественными ресурсами и орудиями труда, между человеком и планетой, которая есть его жилище, мастерская и склад. Как земля является основанием всякого материального строения, так учреждения, регулирующие пользование землею, составляют основу всякой общественной организации и неуклонно влияют на весь характер и развитие этой организации. В обществе, среди которого признается равенство естественных прав, очевидно, не может быть большого различия богатств. Никто, кроме физически нетрудоспособных, не будет находиться в нем в зависимости от других; никто не будет поставлен в нем в необходимость продавать свой труд другим. Будут различия в богатстве, потому что существуют различия между людьми по их энергии, умениям, благоразумию, предусмотрительности и трудолюбию; но не будет ни очень богатого класса, ни очень бедного, и так как каждое поколение будет обладать равными естественными условиями для труда, то и различия, возникшие в одном поколении, не будут стремиться к непрерывному продолжению. В таком обществе, какова бы ни была его форма, политическая организация, по существу своему, будет демократической.

Но в обществе, в котором земля признается собственностью лишь некоторой части народа, одни люди с самого дня своего рождения будут поставлены в невыгодное положение, а другие — пользоваться огромным преимуществом. Те, которые не имеют никаких прав на землю, будут вынуждены продавать свой труд землевладельцам по цене, какую только они могут получить, и, в сущности, будут лишены возможности жить без позволения землевладельцев. В таком обществе должен будет неизбежно развиваться класс господ и класс крепостных — класс владеющих большим богатством и класс, у

которого вовсе нет никакого богатства, и его политическая организация, все равно, какова бы ни была его форма, должна будет, в конце концов, сделаться, по существу, деспотической.

Наша основная ошибка заключается в допущении частной собственности на землю. На этом ложном основании покоится всюду наша цивилизация, и потому всюду, рядом с материальным прогрессом, в ней развивается такое чудовищное неравенство положений, что из-за него и она сама должна будет погибнуть. Так как без земли человек не может существовать, так как самое тело его и все, что он приобретает или производит, берется из земли, то и право собственности на землю какой-либо страны необходимо является правом собственности на жителей этой страны — роковым образом приводит к их экономическому, общественному и политическому подчинению. В этом заключается великая причина того удивительного явления, что сберегающие труд изобретения, которыми так богато было последнее столетие, оказывались повсюду явно несостоятельными в смысле улучшения быта рабочих. Сберегающие труд изобретения прежде всего увеличивают производительность труда, и должны, следовательно, повышать заработную плату и улучшать положение трудящихся классов. Но действие это может быть лишь там, где земля открыта для труда. Ибо труд не может проявляться без земли. Никакое сберегающее труд изобретение не может сделать нас способными производить что-либо из ничего или каким-либо образом уменьшить нашей зависимости от земли. Всякое изобретение такого рода лишь увеличивает способность труда перерабатывать сырые материалы, извлекаемые из земли. Следовательно, всюду, где земля обращена в частную собственность, конечным следствием сберегающих труд изобретений и всякого рода открытий и усовершенствований в технике может быть лишь предоставление землевладельцам возможности требовать, а трудящимся — отдавать, более за пользование землею. Увеличивается цена земли, но заработная плата не повышается; напротив того, если есть куда снижаться — она снижается.

Мы уже видели это своими глазами, и видели, невзирая на тот факт, что весьма важным следствием современных изобретений, приведших к усовершенствованию путей сообщения, было открытие новых земель для трудящихся. А каково будет действие продолжающихся усовершенствований в промышленности, когда вся удобная земля на нашем континенте будет отгорожена, как это

произойдет через несколько лет, это мы можем представить себе, поразмыслив о том действии, какое оказали бы в Европе сберегающие труд изобретения в том случае, если бы не был открыт Новый Свет.

Но могут сказать, что утверждая, будто при существовании частной собственности на землю все выгоды от технических усовершенствований достаются в конце концов землевладельцам, я игнорирую факты и приписываю одному принципу более значенья, чем сколько он имеет, т. к. ясно, что большая часть того прибавочного богатства, которое создается благодаря современным усовершенствованиям, идет не к собственникам земли, а к капиталистам, фабрикантам и владельцам других монополии, кроме земельной. Могут поставить привести пример, что богатейшим родом в Европе являются Ротшильды, которые более посредники по устройству займов и банкиры, чем собственники земли; что самыми богатыми людьми в Америке оказываются Вандербильты, а не Асторы; что Гульд приобрел свои миллионы не захватами земли, а занимаясь делом повышения и понижения акций на бирже, грабя народ при помощи наемных юристов, покупая судей и развращая законодательные палаты. Могут заметить, что я не придаю важности обману и грабежу, которые совершаются под видом «покровительства отечественному труду» творцами таможенного тарифа, и мошенническим проделкам разного рода над нашей системой денежного обращения, начиная с устройства дурых банков и кончая чеканкой низкопробной монеты.

В предшествующих главах я уже отвечал на все такие возражения; и лишь повторяя в сжатой форме мой ответ, я замечу, что я не игнорирую ни одного из фактов такого рода, но что они никоим образом не уничтожают того очевидного принципа, что если земля признается частной собственностью, то все выгоды от каких бы то ни было технических усовершенствований в конце концов должны доставаться собственникам земли. Сказать, что если человек будет играть в рулетку, то он в конце концов потеряет все свои деньги, не значит отвергнуть, чтобы у него и попросту не могли украсть его денег. Поясню мысль мою примером.

Представим себе остров, на котором земля признается собственностью кого-либо из обитателей. Остальные обитатели этого острова должны или снимать землю у этих собственников, платя за нее ренту, или продавать им свой труд, получая с них заработную

плату. С ростом населения, конкуренция между несобственниками земли из-за работы или пользования землею должна будет повысить ренту и понизить заработную плату до такого размера, что несобственники будут иметь лишь одно пропитание, а собственники будут брать себе все прочее, производимое на острове. Предположим теперь, что было бы сделано какое-нибудь усовершенствование или изобретение, которое увеличило бы производительность труда. Понятно, что лишь только оно сделалось бы общественным, как конкуренция между несобственниками стала бы отдавать всю выгоду от него собственникам. Все равно, как бы ни было велико усовершенствование, оно могло бы иметь только этот конечный результат. Если бы усовершенствования были бы так велики, что все богатство, могущее производиться на острове или требоваться для собственников, оказалось возможным производить с половиною прежнего труда, то собственники могли бы излишнюю половину рабочих обречь на голодную смерть или на погибель в пучинах морских, или, окажись они теми благочестивыми господами известного сорта, которые верят, что Господь Вседержитель все же предназначал этих рабочих для жизни, хоть и не заготовил земли, на которой они могли бы жить, могли бы содержать их как нищих или выселить на кораблях куда-нибудь в другую страну, как английское правительство выселяет теперь «излишек» ирландцев. Но все равно, были ли они обречены на смерть или оставлены в живых, они одинаково оказывались бы бесполезными для землевладельцев, и вместе с тем, как продолжались бы усовершенствования, их бесполезность все увеличивалась бы и увеличивалась.

Это общий принцип.

Но предположим, что кроме этого населения из собственников земли и их арендаторов или рабочих на острове оказались бы один лавочник, один изобретатель, один игрок и один пират. Чтобы сделать наше предположение отвечающим современным обычаям, мы должны будем представить себе этого игрока, как пользующегося высоким уважением, как одного из тех, которые жертвуют на стипендии в университеты и участвуют в подписках на распространение христианства среди язычников, а пирата — в высшей степени благородным пиратом, на быстром крейсере которого развивается флаг яхт-клуба, вместо прежних безобразных голов и окровавленных костей, но который, однако, собирает свою дань даже более настойчиво и основательно, чем старомодный пират.

Предположим, что лавочник, игрок и пират хорошо ведут свои дела и наживают деньги. И вот является изобретатель и заявляет: «Я сделал изобретение, которое в огромной мере увеличит производительность труда и всю сумму производимого на этом острове, которая может делиться между всеми вами; но я сообщу вам его лишь тогда, когда вы согласитесь давать мне известную плату за пользование им». Они соглашаются, изобретение применяется и в огромной мере увеличивает производство богатства. Но от него не оказывается никакого блага для рабочих. Конкуренция между ними все же понуждает их уплачивать такую ренту или брать такую низкую плату, что им живется не лучше, чем прежде. Они все же еле сводят концы с концами. Вся выгода от изобретения в этом случае не идет, однако, к землевладельцам. Изобретатель получает большой доход от своего изобретения, да и у лавочника, игрока и пирата доход увеличивается. Доход каждого из них, мы охотно можем допустить это, оказывается больше дохода любого из землевладельцев, и их приобретения представляют поразительный контраст с бедностью рабочих, жестоко разочарованных тем, что им ничего не досталось из того прироста богатства, который последовал за усовершенствованием. Они чувствуют неправду, и некоторые из них начинают роптать, говоря, что Творец этого острова, наверно, создал его для блага не одной только части его обитателей, что и они, одинаковые творения Его, имеют также некоторые права на пользование землею острова.

Допустим, что кто-нибудь из них тогда поднимается и говорит: «Какой толк заниматься такими отвлеченностями, как земельный вопрос, который в течение долгого времени не может сделаться, вопросом дня, который может лишь возбуждать раздор и общее неудовольствие, и от которого, помимо всего прочего, пахнет коммунизмом. А вы, рабочие люди, имея только рубища, прекрасно понимаете, что коммунизм есть гнусное и опасное учение, означающее ограбление вдов и сирот и отрицание религии. Не будем увлекаться бреднями. Вы, рабочие, бедны и еле сводите концы с концами потому, что вас оплетает торговец, обирает изобретатель, обманывает игрок и грабит пират. Землевладельцы и неземлевладельцы, вы должны сообща бороться против этих вампиров. Соединимся же, чтобы положить конец их вымогательствам. Торговец получает от 10% до 50% прибыли на все, что он продает. Устроим потребительскую лавку, которая будет

продавать все по заготовочной цене и даст возможность рабочим разбогатеть, сохраняя у себя прибыль торговца на все, что они потребляют. Что касается изобретателя, то он довольно попользовался нами. Не будем более платить ему за изобретение, и у нас соответственно больше будет оставаться для раздела между собственниками земли и несобственниками. Что же касается игрока и пирата, то мы разом положим конец их делам и прогоним их с острова!»

Представим себе гром аплодисментов и полное осуществление этих предложений. Но что последовало бы за ним? Да только то, что собственники земли сделались бы еще богаче. Рабочие ничего не выгадали бы, если не считать за выгоду для них более ясного понимания основной причины их бедности. Ибо, хотя они, освободившись от торговца, и получили бы возможность жить дешевле, но конкуренция между ними вскоре принудила бы их передать эту выгоду собственникам земли, т. к. они стали бы брать дешевле за работу и платить дороже за землю. Также и уничтожение платы изобретателю, захватов и краж игрока и пирата, лишь сделало бы землю более ценной и увеличило бы доход ее собственников. Сбережение, которое получилось бы при освобождении от торговца, изобретателя, игрока и пирата, всецело пошло бы к собственникам земли, наравне с увеличением производительности от применения изобретения.

Не трудно убедиться, что все это имело бы те же следствия, как на нашем воображаемом острове, и в любом другом месте. У нас, например, с развитием железнодорожного сообщения почти вся перевозочная промышленность захвачена была в свои руки гигантскими монополиями, которые в большинстве случаев назначали плату за провоз самую большую, какую только можно взять, и нередко позволяли себе делать в ней самые непозволительные снижения или повышения цен в отношении отдельных местностей. Всюду, где давал себя знать их произвол, как это можно видеть из повсеместных жалоб на него, было падение цен на землю. Но допустим, что он был бы уничтожен, и ясно, что заработная плата от того ни мало не увеличилась бы и ни мало не улучшилось бы положение трудящихся. Уничтожение его повело бы лишь к повышению цен на землю, — другими словами, вследствие сокращений в стоимости перевозки, трудящимся пришлось бы

платить более высокую цену за землю.

То же было бы и со всеми монополиями, а имя им легион. Если бы все монополии, кроме земельной, были уничтожены; если бы даже, при помощи кооперативных обществ или другими способами, была устранена торговая прибыль, и товары слали бы поступать от производителей к потребителям с наименьшими издержками, если бы правительство было преобразовано так, что сделалось бы абсолютно неподкупным и бережливым, то все же при этом ничего не было бы достигнуто в смысле большего равенства в распределении богатства. Конкуренция между трудящимися, которые, не имея никакого права на землю, не могут работать без чьего-то позволения, повышала бы стоимость земли и сокращала бы заработную плату до того размера, при котором только-только возможно существование.

Меня могут неверно понять. Я не говорю, кто в признании равного и неотчуждаемого права каждого человеческого существа на тот естественный элемент, от которого должна поддерживаться жизнь и удовлетворяться нужды, заключается решение всех общественных задач. Я вполне признаю, что и после того, как это было бы сделано, нам еще многое оставалось бы сделать. Мы могли бы признать равное право на землю, и все же среди нас поддерживались бы тирания и хищничество. Что бы мы ни делали, но до тех пор, пока мы не признаем равного права на элементы природы, ничто не поможет нам избавиться от того неестественного неравенства в распределении богатства, которое заключает в себе так много зла и опасностей. Какие бы мы ни придумывали реформы, но до тех пор, пока мы не осуществили бы этой основной реформы, наш материальный прогресс мог бы лишь разделять наш народ на чудовищно богатых и уродливо бедных. Как бы ни был велик рост богатства, но народная масса все равно еле-еле сводила бы концы с концами, все равно у нас был бы огромный класс преступников, людей, живущих за счет общественной благотворительности, доведенных до нравственного падения и отчаяния невозможностью честным путем добывать себе пропитание.

ГЛАВА XIX.

Первая великая реформа.

Что бы мы ни делали, мы не можем сделать ничего прочного и действительного до тех пор, пока не обеспечим за всеми первого из тех равных и неотчуждаемых прав, выраженных в нашей Декларации независимости, которыми люди одарены их Создателем, — равного и неотчуждаемого права на владение и пользование естественными богатствами.

Есть люди, которые всегда стараются отыскать что-нибудь среднее между справедливостью и неправдой, — люди, которые, видя человека, неправильно приговоренного к смертной казни через обезглавливание, всегда стали бы уверять, что, по-настоящему, следовало бы отрубить ему ноги. Таковы те господа, которые, начав понимать важность земельного вопроса, предлагают в Ирландии или Англии такие меры, как законодательное определение арендных цен и наделение фермеров землею, и, — в Соединенных Штатах, — предоставление только трудящимся поселенцам остатков государственной земли и ограничение размеров земельных владений.

Но ровно ничего не может быть достигнуто такими робкими, нелогичными мерами. Если мы хотим уничтожить общественную болезнь, мы должны обратиться к ее корню.

Нет никакого смысла говорить о сохранении того, что осталось от государственных земель, за трудящимися-поселенцами. Ведь это значило бы заботиться о запирании конюшни после того, как лошадь из нее была уже украдена.

Нет никакого смысла говорить и об ограничении размеров земельных владений. Если бы оно и было выполнимо, оно было бы бесполезно, т. к. не шло бы навстречу трудностям положения. Право собственности на тысячу метров в городе может давать более власти над трудом других, чем право собственности на сотню тысяч акров в редконаселенной области, и было бы крайне трудно, почти невозможно, при помощи какого-нибудь законодательного акта предупредить концентрацию собственности при сохранении в неприкосновенности тех общих причин, которые непреодолимо ведут к концентрации. До тех пор, пока заработная плата будет стремиться к такому размеру, при каком возможна лишь жизнь впроголодь, мы не можем остановить стремления собственности разных видов к концентрации, а заработная плата будет стремиться к такому размеру

до тех пор, пока не будет обеспечено за всеми равное право на землю родной страны. Мы можем уничтожить промышленное рабство, ограничивая размеры владений, не более, чем могли бы уничтожить личное рабство, ограничивая число рабов, каким может владеть один собственник. В обоих случаях, проведение в жизнь подобных мер только лишь затрудняло бы борьбу со злом, т. к. в сохранении его заинтересовывалось бы большее число лиц.

Для нас нет другого выхода. Если мы хотим спасти республику, пока общественное неравенство и политическое развращение не достигли еще такой степени, при которой уже нечего будет и говорить о спасении, мы должны утвердить принцип нашей Декларации независимости, признать равные и неотчуждаемые права, которыми должны обладать все люди, будучи наделены ими от Создателя, и сделать землю общей собственностью.

Если что-либо и кажется странным в той мысли, что все люди имеют равные и неотчуждаемые права на пользование землею, то только благодаря способности привычки ослеплять нас в отношении самых очевидных истин. Рабство, многоженство, людоедство, сплющивание голов у детей или калечение их ног кажутся совершенно естественными делами людям, воспитанным в кругу таких учреждений или обычаев. Но на самом деле, едва ли можно указать что-нибудь другое, столь же противоречащее естественным восприятиям людей, как признание земли предметом частной собственности наравне с произведениями труда. Только лишь среди незначительной кучки людей, живших на земле, возникала мысль, будто землю можно обращать в частную собственность, да и среди этой кучки она возникала лишь под влиянием длинного ряда захватов, насилий и обманов. Мысль эта достигла развития среди римлян, которых она развратила и довела до гибели. Потребовалось несколько поколений для того, чтобы она утвердилась среди наших предков, да и среди них она достигла своего полного развития лишь каких-нибудь два столетия тому назад, когда во время Чарльза I парламентом были отменены феодальные повинности землевладельцев. Мы, обитатели Америки, усвоили эту мысль так же, как мы усвоили аристократическую организацию нашей армии и флота и многое, в чем мы рабски следовали европейским обычаям. Земли было видимо-невидимо, а народу мало; нам и в голову не приходило подумать о том, что будет, когда в двух или трех городах будет столько же населения, сколько тогда было во всех тридцати

штатах. Однако теперь настало время, когда нам нужно уже подумать об этом, когда мы сами уже столкнулись, невзирая на наши свободные политические учреждения, с теми задачами, которые так грозно встают теперь перед Европой, — когда, несмотря на то, что еще не вся наша девственная земля огорожена, у нас оказываются уже и «рабочий класс», и «класс преступников», и «класс людей, живущих за счет общественной благотворительности», когда у нас есть уже тысячи так называемых, свободных граждан, которые не могут тяжким трудом добыть пропитания для своих семейств, и когда, с другой стороны, среди нас растут такие чудовищные состояния, каких не видел свет с той поры, как крупные поместья разъели сердце Рима.

Разве это не нелепость обращаться с землею, как с частной собственностью? Земля во всем существенно отличается от тех предметов, которые, как произведения человеческого труда, по праву бывают собственностью. Она есть создание Бога; те производятся человеком. Количество ее неизменно; те могут умножаться беспредельно. Она остается в то время, как сменяются поколения; те через короткое время уничтожаются, вновь обращаясь в составлявшие их элементы. Разве не нелепо, чтобы один какой-нибудь случайный житель этой вращающейся планеты собирал плату за нее со своих сожителей, или продавал им то, что существовало века до него и будет существовать века после него? Разве не нелепо, чтобы мы, люди, живущие ныне в Нью-Йорке, должны были работать на кучку собственников земли, которые получили право жить за наш счет от каких-то английских королей, уже умерших и живших несколько веков тому назад? Разве не нелепо, чтобы мы, теперешние жители Соединенных Штатов, могли жаловать нашим согражданам или иностранным капиталистам право отбирать себе заработок у американских граждан следующего поколения? Разве не нелепо до глупости всякое право собственности на землю? Если бы даже все население земли целого поколения объединилось, как один человек, то оно все же могло бы продать право на землю от лица следующего поколения не более, чем продать само это поколение. Это очевидная истина, как выразил ее Томас Джефферсон, что земля должна находиться лишь во временном пользовании живущих на ней людей.

Нельзя защищать право частной собственности на землю, и основываясь на его полезности. Ведь всюду, куда бы мы ни посмотрели, право это является помехою к пользованию землею; всюду порождаемая им спекуляция скупивает население там, где оно

могло бы быть более редким, и рассеивает его там, где оно должно бы жить в более тесном общении; всюду оно принуждает тех, которые желали бы улучшать землю, отдавать сначала за нее большую часть своего капитала или на много лет закабалить свой труд; всюду оно препятствует людям работать на себя самостоятельно, заставляя их биться друг с другом в жестокой конкуренции из-за заработной платы, выдаваемой хозяевами; всюду оно задерживает производство богатства, вызывая в то же время самое грубое неравенство в его распределении.

Обыкновенно утверждают, но совершенно бездоказательно, будто частная собственность за землю необходима для прочных улучшений и надлежащего пользования землей. Что необходимо для наилучшего пользования землей, так это обеспеченность улучшений, — уверенность, что затраченные на ней труд и капитал принесут свою награду. Но это нечто, очень отличающееся от неограниченного права собственности на землю. Великолепнейшие здания в Нью-Йорке построены на арендованной земле. На арендованной земле построен почти весь Лондон и другие английские города, а также значительная часть Филадельфии и Балтимора. На арендованной земле закладываются и разрабатываются разного рода рудники. В Калифорнии и Неваде наиболее дорогие горнозаводские работы, требовавшие затраты огромных капиталов, предпринимались лишь при том обеспечении, какое заключалось в уставе о горной промышленности, не признававшем права собственности на землю, но охранявшем прочность владения до тех пор, пока продолжалась разработка рудников.

Если закладывались шахты, прорывались тоннели и ставились самые дорогие машины на общественной земле лишь, при одной обеспеченности владения, то почему и другие работы или улучшения разного рода не могли бы производиться при той же обеспеченности? Если отдельные лица могут производить разного рода работы и сооружения на земле, принадлежащей другим лицам, то почему же они не могли бы производить тех же работ и сооружений на земле, принадлежащей всему народу? Что мешало бы земле, принадлежащей Троицкой церкви, Матросской богадельне, Асторам или Фейнлендерам, или другим каким-нибудь обществам или частным лицам, застраиваться или применяться к делу совершенно так же, как теперь, в том случае, если бы рента с нее, вместо того, чтобы идти к каким-нибудь обществам или частным лицам, стала бы поступать в

местный или государственный бюджет?

В действительности, если бы земля признавалась общей собственностью всего народа, то в ней делались бы улучшения и на ней возводились бы сооружения разного рода несравненно охотнее, чем теперь, т. к. люди, предпринимавшие их, получали бы в свою пользу весь доход от них. При теперешней системе цена, которую приходится платить за землю, является могущественным фактором, отклоняющим от улучшения или сооружения. И приобретая землю, в собственность или в аренду, предприниматель принужден бывает платить и прямые налоги с своих улучшений или сооружений, и тяжелые косвенные со всего, чем он пользуется. Но если бы земля признавалась собственностью всего народа, то дохода с нее (ренты), поступавшего в пользу всего народа, было бы достаточно для покрытия общественных расходов, и все другие сборы, пошлины или налоги могли бы быть всецело уничтожены. Предприниматель не только мог бы с большою легкостью приобрести землю для своих работ или сооружений, но и сохранял бы за собою полностью весь доход от них, избавленный от каких бы то ни было налогов.

Обеспечить за всеми гражданами их равное право на землю, на которой они живут, не значит, как то думают, по-видимому, некоторые невежественные люди, дать каждому надел полевой земли и разбить на маленькие участки городские земли. Таким способом нельзя было бы обеспечить за всеми равенство прав, даже и в том случае, если бы подобное деление само по себе не было невозможностью. В малом и первобытном обществе с несложною промышленностью и простыми обычаями, подобным тому, для которого написаны были законы Моисея, существенное равенство могло бы быть достигнуто посредством наделения каждой семьи равной долей земли и признания ее неотчуждаемой. Или, как среди наших грубых предков в Западной Европе или в таких первобытных обществах, как сельские общины в России и Индии, существенное равенство могло бы быть обеспечено периодическими переделами земли или обработкой ее сообща. Или на редконаселенной территории, как в первых поселениях Новой Англии, существенное равенство могло бы быть обеспечено путем предоставления каждой семье усадебной земли и участка полевой и сохранения остальной земли в запасе или в общем пользовании. Но среди цивилизованного и быстро увеличивающегося населения с изменяющимися центрами, с большими городами,

развитым делением труда и сложной системой производства и обмена, такие грубые приемы стали и недействительны и невозможны.

Но должны ли мы из-за этого согласиться на неравенство, допуская чтобы некоторые люди владели, как своей исключительной собственностью тем, что является общим наследием всех? Ни в коем случае. Когда два человека находят алмаз, то они не идут к шлифовщику, чтобы тот распилил его им пополам. Когда три сына наследуют корабль, то они не принимают пилить его на три части, и, зная, что этого сделать нельзя, они все же не приходят к убеждению в невозможности равного раздела. Разве нет иного способа обеспечения права собственности владельцев железной дороги, кроме раздела рельс, машин, подвижного состава и станций на столько же отдельных кусочков, сколько есть акционеров? Таким же образом, чтобы обеспечить за всеми людьми равенство прав на землю, вовсе нет необходимости делить землю поровну; для этого нужно только собирать доход с земли (земельную ренту) в общую пользу.

И чтобы собирать ренту на общие нужды, государству совсем не нужно становится владельцем земли и сдавать ее затем в аренду на оговоренные сроки, как предлагают некоторые невежественные люди. Сделать это можно гораздо проще и легче, используя уже существующую систему сбора налогов. Все что нужно — это постепенно отменять все прочие налоги до тех пор, пока не останется только один налог на стоимость неулучшенной земли*, и через этот налог собирать в общую пользу земельную ренту.

Этим простым путем, ни мало не усложняя государственного устройства, — напротив того, значительно упрощая его, — мы могли бы сделать землю по существу общей собственностью. Поступай таким образом, мы могли бы отменить все другие налоги, и все же у нас оставался бы огромный и постоянно возрастающий излишек в виде общего фонда, которым все могли бы пользоваться и в распоряжении которым все были бы заинтересованы так непосредственно, что были бы невозможны злоупотребления им или расточительность. При такой системе никто не мог бы владеть землей, не пользуясь ею, и земля, которой никто не пользуется, была бы предоставлена в распоряжение желающих пользоваться ею. Через

---

* Под неулучшенной землей понимается земля в ее изначальном природном состоянии. Соответственно, в ее стоимость не входят постройки и всякого рода улучшения, созданные трудом человека. Далее под стоимостью земли всегда понимается стоимость неулучшенной земли. - *Прим. редактора.*

это сразу же ослабло бы давление на рынке труда, и был бы дан огромный толчок к производству и всякого рода улучшениям. Приходилось бы платить налог только лишь с земли в соответствии с ее стоимостью, независимо от того, какие улучшения, постройки или сооружения были бы сделаны на ней человеком, пользующимся ею. За них или с них человек ничего не платил бы. Все, что его труд мог бы прибавить к общему богатству, все, что могло бы сберечь его благоразумие, было бы его неотъемлемой собственностью, за которую никто не карал бы его, как теперь, поборами. И было бы признано, наконец, священное право собственности, обеспечивающее за каждым плоды его труда.

В сущности, сосредоточив налогообложение на стоимости земли, мы могли бы осуществить величайшую основную реформу, реформу, которая облегчила бы все другие реформы, и без которой никакая другая реформа не принесет пользы. Нам нужно бы было лишь довести налог на стоимость земли до такой степени, чтобы в нем отбиралась в общую пользу по возможности вся рента*.

Людам, которые никогда не занимались изучением этого вопроса, покажется смешным и странным предлагать в качестве величайшей и наиболее плодотворной из всех реформ простую перемену в налогах. Но кто следил за ходом мыслей, изложенных в предшествующих главах, тот поймет, что в этом простом предложении кроется величайшая из социальных революций — революция, в сравнении с которой ничтожны как та революция, которая уничтожила деспотизм французской монархии, так и та, которая уничтожила рабство в Соединенных Штатах.

В книге, такой, как эта, предназначенной для читателей, к которым она лишь случайно может попасть в руки и у которых может не оказаться охоты входить в подробное рассмотрение отношений этой довольно простой реформы к экономическим законам, я не могу

---

*Автор оговаривается в примечании, что он употребляет слово рента в его научном смысле, который отличается от ходячего (в странах английского языка) смысла этого слова аренды или арендной платы. В аренду или арендную плату входит обыкновенно плата, как за пользование принадлежащей кому-либо землей, так вместе и плата за пользование вложенным в нее капиталом в виде сооружений, построек, машин, скота, насаждений и т. п. Тогда как рента, в научном смысле этого слова, есть чистый доход от самой земли, который ежегодно получается ее собственником, владельцем или арендатором сверх вознаграждения за затраченный на нее труд и вложенный в нее капитал.

выяснить всего значении этой реформы и могу лишь отметить некоторый из ее наиболее явных последствий.

Передача ренты во владение общества в виде налога, позволила бы уничтожить все другие налоги, которые ложатся теперь тяжелым бременем на труд и капитал. А это чрезвычайно увеличило бы производство богатства, устранив препятствия к нему и усилив побуждения.

В то же время реформа эта чрезвычайно усилила бы производство богатства тем, что открыла бы свободный доступ к естественным богатствам. Она совершенно уничтожила бы скупку земель ради прибыли, сделав владение землею выгодным лишь для людей, которые ею пользуются. Ни для кого не было бы искушения держать землю в надежде на рост ее стоимости в будущем, раз было бы известно, что весь прирост этот будет отобран в виде налога. Никто не мог бы владеть ценною землею, не пользуясь ею, когда приходилось бы платить с нее такой налог, как если бы ею пользовались в полной мере. Таким образом спекуляции с землею, покупке и удержанию ее с целью перепродажи, был бы положен конец, и земля, которой никто не пользуется, была бы предоставлена в свободное распоряжение желающих пользоваться ею.

Огромный рост производства, который последовал бы за такого рода предоставлением в распоряжение трудящихся естественных богатств и удобств, нужных для производства, при одновременном уничтожении налогов, которые в настоящее время давят, сдерживают и облагают штрафами производство, чрезвычайно увеличивал бы тот ежегодно создаваемый фонд, из которого берутся все доходы и вместе с тем и распределение богатства сделалось бы несравненно более равномерным. Та большая часть этого фонда, которую теперь забирают себе землевладельцы не потому, чтобы они чем-либо содействовали производству, а потому, что они захватили естественные богатства и удобства, нужные для производства, часть эта, постоянно увеличивающаяся вместе с развитием прогресса и ростом стоимости земли, стала бы, в сущности, разделяться между всеми, употребляясь на общие нужды. Уничтожение стеснений, налагаемых на труд, и предоставление естественных удобств в распоряжение трудящихся, дало бы им возможность по своей воле применять свои силы к производству. Труд, производитель всякого богатства, перестал бы быть ни на что ненужным в то время, когда желание богатства в разных видах оставалось бы еще не

удовлетворенным. При естественных богатствах, открытых для каждого желающего ими пользоваться, стало бы невозможно зрелище людей, желающих работать и не могущих найти себе работу, и не было бы более того скопления безработных, которое, поддерживая между трудящимися острую конкуренцию, низводит заработную плату до размера, едва достаточного для существования. Вместо односторонней конкуренции за рабочие места между нанимающимися, возникла бы конкуренция за рабочих между нанимателями. Стали бы ненужны профсоюзы и забастовки для поднятия и поддержания уровня заработной платы, т. к. заработная плата, вместо того, чтобы стремиться к самому низкому размеру, при каком только могут существовать рабочие, стремилась бы подняться до наивысшего размера, в каком ее могут уплачивать наниматели, и таким образом рабочий, вместо того, чтобы получать лишь некоторую долю своего заработка, стал бы получать полное вознаграждение за свой труд, и у нанимателей оставался бы лишь тот излишек, который по праву шел бы к ним как вознаграждение за их предприимчивость, предусмотрительность и капитал.

Большее равенство в распределении богатства, которое таким образом последовало бы, привело бы к огромным сбережениям и росту производительных сил. У общества оставалось бы все то, во что обходится ему теперь праздность его членов, их нищета и преступления, вытекающие из бедности, а большая подвижность труда, большая образованность народа, следствие более равномерного распределения богатства, и усиление побуждений к изобретениям и применению усовершенствований, которое последовало бы за повышением заработной платы, чрезвычайно увеличили бы производительность.

Отмена всех налогов, кроме налога на стоимость земли, в то же время чрезвычайно упростила бы механизм государственного управления, уменьшила бы стоимость его содержания и сократила бы правительственные расходы. Оказалось бы возможным освободиться от армии таможенных и акцизных чиновников, налоговых инспекторов, членов оценочных комиссий, шпионов, досмотрщиков, доносчиков и тому подобных правительственных агентов разных званий. Уничтожилось бы развращающее влияние косвенных налогов на ход наших государственных дел и общественных отношений. Разные синдикаты и союзы промышленников, заинтересованные

теперь в сокращении налогов, перестали бы расходовать деньги на подачки избирателям и на взятки членам законодательных палат. Мы избавились бы от обманов и ложных клятв, взяток и подкупов, которые сопутствуют собиранию большей части наших государственных доходов. Мы избавились бы от нравственного развращения, порождаемого законами, которые запрещают действия, не заключающие в себе ничего дурного, наказывают за преступления, не признаваемые совестью, и постоянно провоцирует к уклонению от его исполнения. Земля у всех на виду. Она не может быть скрыта или спрятана. Стоимость ее может быть определена с большей легкостью и точностью, чем стоимость чего-либо иного, и налоги с этой стоимости могут собираться с безусловной правильностью и с наименьшими расходами. Обращение к стоимости земли, к доходу с нее, для покрытия всех общественных расходов настолько упростило бы правительство и в такой мере устранило бы побуждения к взяткам и подкупам, что мы могли бы смело возложить на правительство управление такими предприятиями, как телеграф и железные дороги, и без опасения направлять возрастающий излишек общественных доходов на те дела, которые будут представляться нам с развитием цивилизации, как отвечающие благу народа и удобствам всех и каждого.

И представляя себе возможность правительственного управления такого рода делами общего интереса, следует иметь в виду не только упрощение правительственного механизма, которое последовало бы за реформой, намеченной мною, по также и более высокий нравственный облик, какой был бы придан общественной жизни большим равенством состояния и уничтожением бедности. Погоня за наживой, из-за которой в деловых отношениях люди так легко превращаются в негодяев и так свободно злоупотребляют общественным доверием, есть лишь следствие страха перед нуждой. Люди дают друг друга в смертельном страхе быть раздавленными, и уважение, с каким они смотрят даже на бессовестного стяжателя богатства, является прямым следствием привычек мысли, порожденных жестокой борьбой за существование, которой большинство из нас поневоле отдает все свои лучшие силы. Но когда никто не боялся бы нужды, когда каждый был бы уверен в возможности легкого и независимого существования для себя и своей семьи, тогда то уважение толпы, которое побуждает теперь даже

богатых людей увеличивать свое богатству, перестало бы быть наградой за стремление к наживе. Мы стали бы смотреть на человека, который стремился бы приобрести более, чем сколько ему может понадобиться, как на дурака, — кем он и является на самом деле.

Нужно иметь глаза, способные видеть лишь низкое и подлое, чтобы, живя с людьми, не заметить того, что корысть, жадность, порок и преступления являются по преимуществу следствием общественных условий, развивающих дурные свойства человеческой природы и подавляющих хорошие, и что даже теперь среди людей имеется достаточно бескорыстия и доброты, чтобы обеспечить самое лучшее, какое только возможно, управление общественными делами, если бы только наши общественные и государственные порядки дали нам возможность воспользоваться этими качествами. Кто не знал бедных людей, которым смело можно бы было доверить миллионы долларов? Кто не встречал богатых людей, которые сохраняли в своей душе самое горячее сочувствие к ближнему и полную готовность служить человечеству всей своей жизнью? Посмотрите и теперь на наши благотворительные учреждения. Как ни безнадежны они в смысле, достижения сколько-нибудь прочного блага, разве не указывают они, по крайней мере, на существование бескорыстного участия к людям, могущего, при должном направлении, сказаться на всем складе нашей жизни?

То, что я предлагаю, есть не просто реформа налогов; это — согласование важнейших общественных учреждений с естественными законами. Для людей, которые никогда не думали об этом предмете, могут показаться богохульными и дерзкими слова о том, что очевидным намерением Творца было, чтобы стоимость земли облагалась налогом, чтобы рента поступала в пользу всего общества. Но тот, кто вдумается в предмет, поймет что сказать это не бóльшая дерзость, чем сказать, что Создатель предназначал людей ходить на ногах, а не на руках. Общественные отношения человека в такой же мере входят в божественные предначертания, как и его физические отношения. Как рыба предназначена плавать в воде, птица летать в воздухе, обезьяна лазить по деревьям, а крот рыться в земле, так человек предназначен жить в обществе себе подобных. Он по своей природе есть общественное животное. И творческим предначертанием должна охватываться жизнь и развитие общества совершенно так же, как им охватывается жизнь и развитие личности.

Наша цивилизация не может вывести нас из царства закона.

Железные дороги, телеграфы и сберегающие труд машины являются не более случайностью, чем цветы или деревья.

Люди побуждаются своими инстинктами и нуждами к образованию общества. Общество, образовавшееся таким образом, имеет известные нужды и запросы, на удовлетворения которых идут общественные доходы. Эти нужды и запросы возрастают с развитием общества, требуя все больших и больших доходов. Опыт и аналогия, если не инстинктивные восприятия человеческого духа, показывают нам, что существует некоторый естественный способ удовлетворения каждой естественной потребности. И вот, если человеческое общество представляет из себя нечто необходимое в порядке естественных явлений, в чем не может быть никакого сомнения, то и общественные потребности должны представлять из себя нечто столь же законное, как и наши личные потребности, и должен быть естественный или законный способ собирания общественных доходов, как должен быть естественный или законный способ хождения по земле.

Мы знаем несомненно, что естественный способ хождения для человека есть ходьба на ногах, а не на руках. Мы знаем это наверно потому, что ноги приспособлены для ходьбы, а руки нет; потому, что при ходьбе на ногах все прочие органы могут свободно исполнить свое назначение и не могут исполнять его при ходьбе на руках; потому, что человек может ходить на своих ногах с легкостью, удобством и быстротой, тогда как на руках после долгих упражнений он ходит лишь неуклюже, медленно и с мучительными усилиями. И точно также мы знаем, что естественным или законным способом собирания доходов, потребных для покрытия нужд общества, является налог со стоимости земли. Стоимость земли по своей природе и отношениям совершенно так же приспособлена к целям собирания налогов, как ноги к ходьбе по земле. Стоимость земли* возникает только тогда, когда с образованием общества начинает чувствоваться надобность в кое-каких общих или общественных доходах. Она возрастает вместе с тем, как развивается общество и потому требуются все большие и большие доходы. Налог на стоимость земли несколько не ослабляет личного побуждения к

---

* Никогда не следует забывать, что стоимость есть нечто совершенно отличное от полезности. Смешение этих двух различных понятий давало начало множеству ошибок и порождало не мало пуганицы. Как бы ни был полезен какой-либо предмет, он все равно не может иметь стоимости до тех пор, пока нет человека, желающего отдавать за него труд или произведения труда.

производству и накоплению, как другие налоги; напротив того, он предоставляет полный простор производительным силам и предупреждает возникновение помех к производству. Он не поддерживает монополии и не создает несправедливого неравенства в распределении богатства, как другие налоги; напротив, он ведет к уничтожению земельной монополии и к уравнительному распределению богатства. Он может собираться с большей точностью и экономией, чем какой-либо другой налог; он не вызывает уклонений, подкупов и обманов, с которыми бывает связано собирание других налогов. Словом, он удовлетворяет всем экономическим и нравственным требованиям. Разве это не требование справедливости, чтобы доход от земли, который зависит не от труда человека, а от существования и роста общества, отбирался обществом на удовлетворение общественных нужд?

Пытаясь в предшествующей главе представить себе мир, в котором естественные богатства и удобства были бы свободны, как воздух, я сказал, что тот мир, в каком мы находимся, есть наилучший для людей, желающих пользоваться данным им разумом. Так оно и есть на самом деле. Те законы, которые заставляют общественную несправедливость выражаться в неравенстве, страданиях и нравственной порче, благодетельны по своей природе. Все это зло есть лишь замещение добра, какое могло бы быть.

Человек есть более, чем животное. И взглядыываясь в мир, в котором мы находимся, мы видим, что самое устройство его приспособлено не только к развитию животной жизни. Если бы цель существования этого мира сводилась только к предоставлению животному человеку возможности есть, пить, хорошо одеваться и иметь удобное жилище на время его короткой жизни, то какой-нибудь из тех миров, какие я пытался ранее создать в воображении, более соответствовал бы ей. Но цель этого мира, но крайней мере, поскольку она касается человека, заключается, очевидно, скорее в развитии его нравственных и умственных сил, чем физических. Будем ли мы рассматривать самого человека или его отношения к внешнему миру, всюду мы будем наталкиваться на несомненное доказательство той истины, смело провозглашенной в священном писании евреев, что человек создан по образу Божию.

Если бы все вещественные предметы, нужные человеку, могли одинаково хорошо производиться на всех точках земной поверхности,

то это было бы, по-видимому, удобнее для человека-животного, но как ему было бы подняться выше животного уровня? Как мы видим это из истории развития общества, торговля всегда была и до сего времени остается великим двигателем цивилизации и воспитателем человечества. По-видимому, бесконечное разнообразие производительных способностей различных частей земной поверхности приводит к тому обмену произведений, который является самым могущественным средством предупреждения замкнутости, уничтожения предрассудков, расширения знания и возвышения мысли. Это разнообразие в природе, видимо возрастающее с ростом наших познаний о ней, подобно разнообразию в способностях отдельных личностей и человеческих обществ, которое таким же образом возрастает с общественным развитием, вызывает силы и дает начало радостям, которые никогда не могли бы возникнуть, если бы человек оказался на земле в положении вола на безграничном клеверном поле. «Международный закон Бога», против которого мы выступаем с нашими таможенными тарифами — так близоруко людское невежество и себялюбие — есть закон, побуждающий к умственному и нравственному совершенствованию, — закон, которому обязана своим существованием цивилизация.

И таким же образом, вникнув в явление ренты, мы увидим в нем одно из тех чудных и благодетельных приспособлений, в которых человеческая мысль находит отпечаток мысли бесконечно более совершенной и узнает дело Великого Творца.

Закон ренты заключается в следующем. Когда индивидуумы сходятся вместе и образуется общество, включающее в себя все большее и большее число членов и делающее общие интересы и общественные отношения все более и более важными, тогда сверх и кроме тех ценностей, которые могут создавать сами индивидуумы, возникает ценность, которая создается всем обществом, в его целом, и которая, приурочиваясь к земле, делается осязательной, определенной, способной учитываться и присваиваться. С ростом общества растет и эта создаваемая им ценность, представляющая в осязательной форме долю участия в производстве всего общества, в отличие от доли участия в нем его отдельных членов.

В силу естественного закона, — в тех его проявлениях, изучать которые есть дело политической экономии, как дело химии или астрономии изучать другие его проявления, — всякий шаг на пути общественного совершенствования необходимо приводит к росту этой

общей ценности, к увеличению этого общего фонда.

Фонд этот является как бы запасом, который заготавливается в силу естественного закона для возрастающих нужд развивающегося общества, приспособлением природы, благодаря которому естественный прогресс общества заменяет неравенство равенством и дает перевес центростремительным, объединяющим силам над центробежными, рассеивающими. Из этого фонда, принадлежащего всему обществу, могут получаться средства на содержание слабых, беспомощных, престарелых — без обращения к унижающей людей милостыне, частной или общественной; из этого фонда могут получаться средства на удовлетворение общих нужд всех граждан, на которое каждый из них в праве рассчитывать; и этот фонд, с дальнейшим развитием общества, может послужить ему для перехода, естественным и легким путем, от грубого союза для охранения внутренней и внешней безопасности к товариществу, в котором люди, соединяя свои силы и помогая друг другу своим разумением, были бы в состоянии давать каждому во много раз более того, что он мог бы добыть своими единичными усилиями.

Признавая землю частной собственностью; позволяя отдельным лицам присваивать себе фонд, явно предназначенный природою для пользования всеми, мы расхищаем общественное достояние и создаем то первичное неравенство, которое как круги на воде расходится во все направления и порождает новые неравенства. Мы попираем благие дары Создателя, мы оказываем невнимание и неуважение к законам, назначенным Им для человеческого общества, и вот в самых центрах нашей общественной жизни оказываются страшные признаки разложения.

ГЛАВА XX.

Американский фермер.

Нередко приходится слышать, будто никакие предложения и признание общего права на землю не могут сделаться предметом обсуждения в качестве чего-либо выполнимого к виду враждебного отношения к ним со стороны фермеров-собственников, составляющих значительную часть населения нашей страны и имеющих решающий голос в тех вопросах, которые останавливают на себе их внимание.

Что новые идеи медленнее прикладывают для себя путь среди земледельческого населения, чем среди городского, — это верно, хотя, мне думается, в меньшей мере верно в отношении Соединенных Штатов, чем в отношении другой какой-либо страны. Но и помимо этого, мне кажется, очень ошибаются те люди, которые видят в мелких собственниках могущественный оплот частной собственности на землю в Соединенных Штатах.

Даже и допуская, чего я допустить не могу, будто всегда можно рассчитывать на противодействие фермеров тем мероприятиям, хотя бы и сулящим великое благо обществу, которые, по-видимому, идут в разрез с их мелкими личными интересами, все же нельзя было бы говорить о неизбежности противодействия фермеров тем мерам, которые предложены мною, т. к. эти меры не идут в разрез с интересами огромного большинства фермеров. Напротив того, они были бы в интересе фермеров не менее, чем в интересе людей, живущих от платы за свой труд. Обыкновенный фермер с первого взгляда может отшатнуться от мысли сделать землю по существу общей собственностью, но дайте ему время вникнуть в дело и обсудить его, и люди, пытающиеся убедить его, будто сосредоточить все налогообложение на стоимости земли значит взвалить все, налоги на фермеров, будут иметь в этом не более успеха, чем имели его рабовладельцы, пытавшиеся убедить своих негров, что северяне явились только затем, чтобы хватать их и продавать на Кубу. Самый заурядный американский фермер умеет читать, писать и считать, и очень хорошо считать в тех делах, которые близко его касаются. Он не стоит совершенно в стороне от великих течений мысли, хотя они и захватывают его сравнительно медленно, и он во всяком случае не представляет из себя самодовольного невежды, желающего, чтобы все оставалось таким, каково оно есть, и чуждого изменениям. Уже недовольный своей жизнью он все более и более разочаровывается в

ней. Его тяжелая обделенная жизнь начинает казаться ему еще более тяжелой и обделенной, когда он сравнивает ее с веселой и легкой жизнью в больших городах, о которой он постоянно читает, если даже не видит ее, и огромные состояния, накапливаемые людьми, ничего неприбавляющими к общему богатству, уже вызывают в нем чувство обиды. Он уже начинает сознавать, что он несет более общественных тягостей, чем сколько должно приходиться на его долю, и получает от общества менее, чем сколько ему полагается, и хотя время полного пробуждения для него еще не наступило, но мысль его, оставляя старые политические дразги, уже все более и более направляется к экономическим и общественным вопросам.

Ясно, что та перемена в налогах, которую я предлагаю, как средство, при помощи которого может быть утверждено и обеспечено рапное право на землю, была бы выгодна для фермеров, обрабатывающих чужую землю, владеющих заложенной землей, в сущности, принадлежащей владельцам закладных, или только ищущих для себя земля. Но она была бы выгодна и для тех фермеров, составляющих огромную массу нашего американского фермерства, которые владеют действительно принадлежащей им землей и на противодействие которых главным образом ссылаются. Я покажу потом, что фермеры эти образуют теперь стремительно снижающееся меньшинство избирателей в деревнях и того менее значительное и еще сильнее снижающееся меньшинство избирателей во всей стране. Однако и они, поняв предложенную мною реформу, не только не выступили бы против нее, но, напротив, сделались бы самыми горячими ее защитниками. Правда, фермер, который обрабатывает свою маленькую землю собственными руками, является собственником земли. Но он в большей степени является работником, а владея скотом, постройками и орудиями также еще и капиталистом. И он получает свои средства к жизни скорее от своего труда и капитала, чем от каких-либо выгод, доставляемых ему ценностью его земли. Интересы производителя для него важнее интересов собственника земли.

Несколько лет тому назад в Дублине жил господин по фамилии Мерфи, отличавшийся от прочих Мерфи своей приятностью во всех отношениях. Этот Мерфи имел землю в Типперери; но так как у него был там приказчик, собиравший арендную плату и прогонявший неплатежеспособных арендаторов, то он находил более удобным для

себя жить в Дублине. А в Дублине и, в сущности, даже во всем свете самым удобным для себя местом он находил постель. И вот он лежал в постели около восьми лет; лежал не потому, что бы он был болен, а потому, что ему нравилось лежать. В постели он обедал, пил вино, курил сигары, читал, играл в карты, принимал посетителей, поверял счета управляющего и выдавал чеки. После восьми лет пребывания в постели он устал лежать, встал, оделся и несколько лет ходил вокруг и около, как все другие люди, и затем умер. Но семья его жила как ни в чем ни бывало, — жила ни в чем себе не отказывая. Ибо доходы Мерфи ни мало не уменьшались от его лежания, а расходы, пожалуй, еще сокращались.

Это был истинный собственник земли — без примеси и без прикрасы. Но пусть работающий фермер-собственник подумает, что случилось бы с ним и его семьей, если бы он со своими детьми тоже залег в постель, и для него станет ясно, насколько интересы его, как трудящегося человека, преобладают над его интересами, как собственника земли.

Фермеру-собственнику не нужно путаться в отвлеченностях для того, чтобы понять, что отмена всех налогов, кроме налога на стоимость земли, была бы как раз в его интересах, в независимости от того, как она повлияет на более крупных собственников. Пусть только он подумает, как тяжело ложатся на него все косвенные налоги, которых он не может перекладывать ни на кого другого; как повышают они цену чуть ли не всего, что он покупает, ни мало но повышая цены того, что он продает; как они заставляют его давать средства на содержание правительства, сравнительно с тем, что у него есть, несравненно больше, чем дают богатые люди, — и он поймет, что замена прямыми налогами косвенных была бы ему очень на руку. Подумав несколько, он поймет также, что еще более было бы ему на руку, если бы прямые налоги приурочены были лишь к стоимости земли. Земля фермера — не голая земля, и обыкновенно стоимость улучшений, построек и скота, которые имеются на ней, значительно превышает стоимость самой земли. А так как все прочие ценные земли, которых вообще значительно больше, остаются без улучшений, то и замена налогов, падающих теперь на постройки, улучшения и скот, налогом на стоимость самой земли, минующим постройки или улучшения, была бы, очевидно, выгодна собственникам обустроенной земли и особенно мелким собственникам, у которых улучшения,

сравнительно с землей, стоит дороже, чем у крупных собственников, к которым теперь, при общей подоходной системе, приходится платить даже и с дохода от земли гораздо больше, чем крупным собственникам.

Чтобы понять это, фермеру нужно лишь оглянуться вокруг. Рядом с его землей в тридцать или шестьдесят акров расположены поместья по две, по три, по четыре тысячи акров, а где и в десятки тысяч акров, такой же ценной, как у него, земли, на которой сделано относительно мало хозяйственных затрат, чем на его земле, а может быть и вовсе не сделано никаких затрат и которая остается вне всякого употребления; в селах есть участки в пол акра, в четверть акра, в двести — триста квадратных футов, на которых не сделано никаких улучшений или сделано очень мало, и которые тем не менее стоят дороже, чем вся его земля со всем его хозяйством. Если он посмотрит дальше, то увидит земли с полезными ископаемыми, имеющие огромную стоимость, но на них почти не сделано никаких улучшений и построек, с которых взимаются налоги. Заглянув в большие города, он увидел бы пустующие участки в несколько сот футов, стоящие дороже, чем в его местах целые квадратные мили хозяйственной земли, а на главных улицах увидел бы великолепные дома, стоящие дешевле, чем земля, на которой они построены, т. к. один только фут ее ценится там дороже целого хозяйства любого фермера. Само собою разумеется, что переложить все налоги на стоимость земли значило бы уменьшить и относительно и абсолютно то, что платит теперь в налогах фермер-собственник.

Было бы большой ошибкой думать, будто переложение всех налогов на стоимость земли повело бы к обогащению городов за счет села — следствие было бы как раз обратное. Стоимость земли всего быстрее повышается в городах и при теперешних условиях общественного развития повышение это шло бы и дальше в том же порядке. Потому, переложение всех налогов на стоимость земли привело бы к уменьшению налогов в сельской местности сравнительно с городами. А этого требует и справедливость. Ибо не только наличие собственного народонаселения придает стоимость земле в крупных и малых городах, но и существование более рассеянного земледельческого населения, для которого они составляют промышленные, торговые и финансовые центры.

Хотя на первый взгляд может показаться фермеру, будто отменить все налоги, кроме налога на стоимость земли, означало бы избавить

более богатых горожан от налогов и переложить их на него, но поразмыслив он скажет, что мера эта имела бы противоположный эффект. Налоги на богатство в разных видах и на капитал никогда не распределялись и не могут распределяться более или менее равномерно. Богатый человек ускользает от них легче, чем бедняк, и город легче, чем деревня. Налоги, прибавляющиеся к ценам товаров, падают на обитателей редко заселенных районов столь же тяжело и во многих случаях даже более тяжело, чем на жителей больших городов. Налоги на сельскохозяйственные принадлежности и постройки, очевидно, падают на трудового фермера, большая часть имущества которого состоит именно из этих принадлежностей и построек, с большей тяжестью, чем на собственников больших пространств неустроенной ценной земли или, как в городах, земля, стоящей гораздо дороже построек.

На самом деле трудовой фермер в огромной мере выиграл бы от такой перемены в налогах. Где ему приходилось бы платить более налогов на стоимость земли, там он избавлялся бы от налогов, которыми облагаются его постройки и хозяйственные принадлежности, и от всех косвенных налогов, которые теперь так тяжело ложатся на него. А так как вследствие обложения неиспользуемой земли наравне с используемой земельным спекулянтам пришлось бы продать свои земли и снизить завышенные цены на нее, то фермерам в редко заселенных районах почти и вовсе не приходилось бы платить налогов. Они стали бы платить его в сколько-нибудь осязательном размере лишь тогда, когда земля кругом их, одинаковая по качеству с их землей, была бы целиком использована, и когда они пользовались бы уже всеми выгодами хорошо обустроенного общества.

Что терял бы фермер-собственник, так это продажную стоимость земли, хотя полезность ее для него осталась бы прежней, — даже, в сущности, увеличилась бы, т. к. он стал бы получать больший доход от своего труда на ней. А т. к. продажная стоимость других земель тоже утратилась бы, то эта потеря не затруднила бы ему возможности приобретения новой земли, если бы он вздумал перебраться на другое место, хотя сделало бы более легким для него устройство на земле своих детей или приобретение для себя большего количества земли, если бы он с выгодой мог его обрабатывать. Потеря его была бы только кажущейся, а выигрыш вполне осязательным. Для фермера, и особенно семейного, лучше, чтобы дорожал труд, а не земля. Это

покажется странным, но мелким земельным собственникам бывает невыгоден рост стоимости земли. Напротив того, они от него разоряются. Но прежде, чем говорить об этом, я позволю себе объяснить то крупное недоразумение, какое заключается в убеждении, будто мелкие фермеры-собственники составляют и будут составлять большинство американского народа.

Земледелие есть первичное занятие; фермер в Америке — проводник культуры; и даже в тех, сравнительно неважных, случаях, когда заселение началось с поисков драгоценных металлов, оно становилось более или менее прочным лишь тогда, когда заводилось земледелие в тех или других его видах. Однако с ростом населения и развитием промышленности относительная важность земледелия уменьшается. В Соединенных Штатах уже становится очевидным быстрый и решительный перевес неземледельческого населения над земледельческим. По официальным данным, городское население Соединенных Штатов в 1790 году составляло лишь 3,3% всего населения, тогда как в 1880 году оно уже поднялось до 22,5%*. Земледелие все же еще остается самым распространенным занятием, однако прочие занятия, в сумме, уже значительно превосходят его своею численностью. По данным переписи, которые, не смотря на всю свою неудовлетворительность, все же представляют единственный источник сведений такого рода, число лиц, занятых в земледелии, в 1880 году определялось в 7.670.493 человека из всего числа в 17.392.099 занятых во всех вообще профессиях. Или, если брать число взрослых мужчин, как лучший показатель политического значения, то мы будем иметь, после небольшого подсчета данных переписи, 6.491.116 лиц мужского пола от шестнадцати лет, занятых в земледелии, против 7.422.039, занятых в других профессиях. Из этих цифр видно, что земледельческое население в Соединенных Штатах не может составить избирательного большинства, а преобладание неземледельческого населения на выборах уже и теперь довольно заметное, непрерывно и стремительно возрастает**.

---

* Примером небрежности, с какой разрабатываются данные переписи, может служить сводная таблица, показывающая городское население, при чем не указывается, какое именно население отнесено к городскому. Помечено только, что все это население насчитывается в 286 городах. Имея в виду эту пометку и сопоставляя его с данными других таблиц, я мог убедиться, что к городскому населению отнесено лишь население городов, имеющих свыше 8.000 жителей.

** Сравнение данных 1870 и 1880 года показывает, что за десятилетие между

Таким образом уже и само земледельческое население Соединенных Штатов оказывается в меньшинстве, а люди, владеющие собственными фермами, составляют меньшинство среди этого населения. По данным переписи, число ферм равнялось в Соединенных Штатах в 1880 году 4.008.907. Число земледельцев арендаторов, уплачивающих аренду деньгами или частью урожая, показано в одной из таблиц равным 1.024.601. Остается, следовательно, 2.984.306 номинальных собственников хозяйств из 7.679.493 лиц, занятых в земледелии. Действительных собственников должно быть еще того менее. Самой обыкновенной формой земледельческой аренды в Соединенных Штатах является не денежная или долевая аренда, а закладная. Какая часть хозяйств, находящихся в руках их собственников по названию, находится в залоге, этого никто доподлинно не знает. Но несомненно, что число заложенных хозяйств значительно больше числа сдаваемых в аренду и едва ли мы преувеличили бы число заложенных хозяйств, приняв его равным половине не сдаваемых в аренду*. Во всяком случае фермеры,

---

этими годами число лиц, занятых в земледелии, возросло лишь на 29,5%, тогда как число лиц, занятых в сфере услуг и профессиональным трудом, возросло на 51,9%, торговле и на транспорте — на 51,9%; заводской и горной промышленности — на 41,7%. (По данным следующей переписи в Соединенных Штатах, за десятилетие между 1880 и 1890 годами число лиц, занятых земледелием, возросло еще менее — лишь на 12,6%, тогда как число лиц, занятых профессиональным трудом возросло на 56,3%, в сфере услуг — на 24,5%, торговле и на транспорте — на 78,2%, заводской и горной промышленности — на 49,1%. *Дополн. перев.*)

* «Я нимало не сомневаюсь, что если бы можно было сделать точное вычисление, то по меньшей мере 50% всех мелких хозяйств в старых штатах оказались бы лишь по названию собственностью их владельцев. По меньшей мере такое число мелких собственников в этих штатах настолько увязло в долгах, настолько затянута разными закладными, что едва могут сводить концы с концами и им всегда грозит опасность потерять последние крохи из-за того, что они не внесут во время постоянно растущих процентов по их долгам.

Не лучше положение дел и в новых штатах. Единственная разница состоит в том, что фермеру там приходится начинать сразу же с большого долга. Он приобретает землю в рассрочку, при чем на него начисляются проценты и он не считается собственником земли до тех пор, пока не уплатит всей суммы с процентами. Затем он обзаводится необходимыми принадлежностями, отчасти в долг, за известный процент, расплачиваясь из ссуды, взятой под урожай. Заняв, он строится, покупает скотину, семена, пищу, одежду. С таким-то грузом долгов начинает свое хозяйство в новых штатах фермер, если только он не капиталист и если вообще еще может думать о своем хозяйстве, и естественно, если за таким началом обыкновенно вскоре же наступает один и тот же роковой конец.

действительно являющиеся собственниками своих земель, составляют лишь меньшинство всех фермеров и лишь самую незначительную часть людей, занимающихся земледелием.

Более того, все тенденции времени направлены к тому, чтобы уничтожить типичного американского фермера, — человека, который собственными руками обрабатывает свою землю. Движение в этом направлении только что началось, но оно началось уже и при существующих условиях будет развиваться с возрастающей быстротой. Увеличение числа крупных ферм и уменьшение числа мелких, заметные по данным переписи, которые приведены были мною ранее, являются ничем иным, как доказательством того факта, — слишком бросающегося в глаза, чтобы нуждаться в доказательстве цифрами, — что стремление к концентрации, которое во множестве других отраслей промышленности заменило фабрикой работавших на себя ремесленников, стало проявляться и в земледелии. Целый ряд изобретений уже дал крупному фермеру подавляющий перевес над мелким, а на них, повидимому, дело не кончится*. И этот перевес крупного производителя в земледелии над мелким дает о себе знать не только непосредственно в самом производстве, но также в перевозке продуктов и их продаже и в закупке необходимого продовольствия. Говорить, как это приходится иногда слышать, будто огромные, обрабатываемые машинами фермы в скором времени должны будут

Путешествуя по этим штатам, всюду видишь множество объявлений о продаже мелких владений, более или менее устроенных, и невольно приходишь к заключению, что весь класс мелких собственников из-за какой-то причины вынужден продавать свои владения возможно скорее по какой бы то ни было цене.

Все земледельческие области нашей страны переполнены разными агентами, которые, располагая капиталами всех крупных денежных центров мира, устраивают ссуды под залог земельных владений, — в общей сложности, по-видимому, неисчислимые. Не мало помогают им в этом деле и местные капиталисты, адвокаты и торговцы». — В. Муди. — «Земля и труд в Соединенных Штатах». N.-Y. 1888, p. 85.

* Одним из наиболее важных изобретений, сделанных в сельском хозяйстве, является хлопко-очистительная машина, которую только что удалось построить после долгого ряда неудачных попыток. Если машина эта на самом деле в состоянии будет работать так, как она работает, по слухам, то она произведет страшный переворот в промышленности Юга и скажется на наших общественных и политических отношениях не менее сильно, чем хлопко-трепальная машина, изобретение которой расширило и оживило рабовладение неграми в Соединенных Штатах, заметно укрепив в его среде антиобщественные стремления.

разбиться на множество мелких владений, так же безрассудно, как говорить о том, что огромные фабрики для механического производства обуви вскоре должны будут уступить место прежним сапожникам и башмачникам с их выколотками и шилами. Огромные фермы с машинами и огромные пространства, отгороженные проволочными изгородями, для выращивания скота, будут существовать до тех пор, пока будут налицо существующие условия. Если они появились впервые в наших новых штатах, то только лишь потому, что там есть всего больше простора для их развития, но стремление, приведшее к ним, сказывается и повсюду, где чувствуются современные промышленные влияния, и проявляется как на Британских островах, так и в наших более старых штатах.**

Это стремление роковым образом ведет к искоренению типичного американского фермера, фермера, который своими руками и с помощью своих детей обрабатывает свой маленький участок. Когда какой-нибудь бруклинский адвокат или бостонский банкир едет в роскошном вагоне на наш Северо-Запад, покупает там у государства несколько участков земли, нанимает вспахать их, засеять, убрать и обмолотить хлеб, оставляя на месте приказчика, и получает затем прибыль от первой жатвы от двенадцати до двадцати тысяч долларов с каждого участка, тогда плохая доля может ожидать там фермера-переселенца прежнего типа, который является туда с женою и детьми после томительного переезда в телеге, представляющей из себя, вместе с упряжкой и кое-каким скарбом, весь его капитал. Когда английский или американский капиталист протягивает на целые версты колючую проволочную изгородь и выращивает затем на отгороженном пространстве скот целыми стадами, доставляя его на рынок с наименьшими издержками и продавая с наибольшей выгодой, тогда может ли тешить себя надеждой на будущее человек, начинающий заниматься скотоводством всего с несколькими коровами?

Вместо вымирающих типичных американских фермеров прежнего времени нарождаются теперь фермеры-капиталисты и простые сельскохозяйственные рабочие. Фермер-капиталист не работает собственными руками; за него работают другие люди. На земле,

---

** Устойчивость мелкой фермерской собственности в некоторых местностях континентальной Европы, по моему мнению, обуславливается господством в тех местах обычаев, чуждых англоязычным народам, и тем фактом, что там не проявились еще с достаточной силой тенденции нашего времени.

которую он обрабатывает, он проводит лишь очень немного времени, если и вообще бывает на ней. Он живет в городе или в каком-нибудь промышленном центре и занимается, быть может, не столько земледелием, сколько банковыми операциями или спекуляцией. Сельскохозяйственный рабочий — всецело пролетарий, кочевник; часть года он работает на земле, остальное время бродяжит, переходя с фермы на ферму, с одного места на другое, не имея ни дома, ни семьи, и не зная никаких обязанностей и никакой ответственности, сколько-нибудь поддерживающих в человеке чувство собственного достоинства. Если наши законы о земле будут оставаться в том же виде, как теперь, то часть наших фермеров приблизится к капиталистам, а большая часть превратится в сельскохозяйственных рабочих. Однако, рядом с стремлением производства к крупным размерам, которое приводит к уничтожению мелких фермеров-собственников, в том же направлении сказывается также другой фактор: рост цен на землю.

При ограблении Летнего дворца в Пекине союзными войсками в 1860 году, несколько драгоценностей досталось простым солдатам. Но долго ли они оставались в их руках? Если бы герцог Брауншвейгский разделил свое собрание бриллиантов между беднотой, то долго ли она владела бы ими? У ирландских фермеров и лондонских торговцев фруктами и овощами есть ослы, стоящие всего \$5-10. Но сравняйся эти ослы, в силу какого-нибудь стечения обстоятельств, в цене с чистокровными лошадьми, и ни одного осла не осталось бы у этих фермеров или торговцев. Где дешевы куры, там их ест простой народ; где они дороги, там они бывают лишь на столе богатых людей. То же самое и с землей. Лишь только она получает ценность, как немедленно же в ней развивается стремление ускользнуть от людей, которые трудятся из-за насущного хлеба, и перейти во владение богачей.

Если что вызвало в Англии чрезвычайную концентрацию земельной собственности, то не столько превращение феодального владения землей в личную собственность, не столько присвоение церковных земель и захват общинных, сколько именно этот рост стоимости земли. Мелкие земельные владения, которых было очень не мало в Англии двести и даже сто лет тому назад*, сделались частью

---

* Согласно Маколею, при вступлении на престол Якова II в 1635 году большинство английских фермеров были собственниками земли, которую они

крупных поместий, главным образом, путем купли-продажи. Они тянутся к богачам, как тянутся к богачам бриллианты, ценные картины или чистокровные лошади.

До тех пор, пока народная масса будет так глупа, что будет допускать частную собственность на землю, земельная собственность с полным основанием будет признаваться самым надежным владением. Она не может ни сгореть, ни уничтожиться ни при каких случайностях, она не может быть украдена, она постоянно повышается в цене с ростом численности населения и усовершенствованиями в промышленности. Так как обладание ею является видимым знаком несомненного богатства и так как оно ставит собственника, с возникновением более или менее сильной конкуренции, в положение господина или бога по отношению к человеческим существам, не имеющим законных прав на эту планету, то оно приносит с собою собственникам и вес в обществе и особое почтение. В виду этого, земля получает более высокую цену, чем что-либо иное, приносящее тот же доход, и человек, для которого то, что он может теперь же добыть, имеет больше значения, тем надежность помещения капитала, всегда признает аренду земли более выгодной для себя, чем ее покупку.

Таким образом, с возрастанием стоимости земли в Англии для мелких собственников не просто представлялось искушение или необходимость из-за превратностей судьбы продавать свои земли, но оказывался и прямой расчет в этом, так как взять на года землю можно дешевле, чем капитал. Продавая свою землю и затем беря в аренду другую, английский фермер, превращавшийся при этом из собственника земли в арендатора, достигал, но крайней мере, на время возможность пользоваться большим количеством земли и большим количеством капитала, а через это и право собственности на землю тяготело из рук людей, ближайшей целью которых было добывание пропитание, в руки людей, которые прежде всего ищут надежного помещения для капитала.

Этот переход будет совершаться и в Соединенных Штатах вместе с ростом цен на землю. Мы можем наблюдать его уже и теперь. Только во вновь застроенных частях наших растущих городов мы можем встретить людей с скромными средствами, живущих в собственных домах. А там, где земля имеет большую цену, мы видим их уже

живущими в наемных квартирах. В таких городах участок за участком размежевывается и продается, обыкновенно с переводом долга, семьям, которые таким образом стараются обзавестись собственным домом. Но мне думается, как общее правило, с годами, когда земля приобретает большую стоимость, эти дома с землей переходят из рук их номинальных собственников и обитателей в обладание крупных земельных собственников и заселяются жильцами. Таким же образом в сельской местности только лишь там, где земля мало или вовсе не возрасла в цене, мы находим хозяйства, которые в течение долгого времени находились во владении одних и тех же семей трудовых фермеров. Управляющий одной из важнейших наших железнодорожных линий рассказывал мне, что он впервые обратил внимание на чрезвычайную важность земельного вопроса, присматриваясь к огромному движению на западе, которое, как он выяснил себе из обстоятельных расспросов, обуславливалось ростом цен на землю. Вместе с тем, как растет в цене земля, все труднее и труднее для работающего фермера становится устройство отдельного хозяйства для своих детей, тогда как продажа своей земли по хорошей цене делает возможным для него приобретение значительно большего количества земли там, где земля дешева. Или он соблазняется, или вынуждается заложить свою землю; тогда все, что он ни выработает, начинает поедать закладная, и в конце концов он роковым образом приходит к убеждению, что для него ничего не может быть лучше, как воспользоваться разницей между залогом и продажной ценой его земли и переселиться на Запад. Там он тоже нередко начинает с закладной, ибо, как это водится теперь, переселенцы по большей части покупают землю с переводом долга у железнодорожных компаний и барышников. А чем обыкновенно кончаются такие покупки, можно видеть из объявлений переселенческих контор, в которых тысячами предлагаются устроенные фермы, продающиеся с какой угодно рассрочкой платежа. Купит человек заложенную ферму, не внесет во время платежей или разочаруется в покупке, и уходит дальше, а ферма его, улучшенная им, продается другому с переводом долга. Говоря вообще, полными собственниками таких ферм в конце концов бывают не владельцы их, а владельцы закладных. Закладные эти, в сущности, делают то, что фермерское владение становится лишь переходной ступенью к крупному землевладению или к владению землей на правах аренды.

На самом деле, типичный американский фермер, работающий сам

на собственной земле, был создан условиями дорогого труда и дешевой земли. Изменяются эти условия, будет дешев труд и дорога земля, и его не станет, как не стало его уже в Англии.

Уже стало невозможным в наших более старых штатах сделаться фермером-собственником человеку, у которого нет ни гроша за душой. Это становится невозможным и всюду в Соединенных Штатах вместе с тем, как уничтожается запас свободных государственных земель. А теряя, из-за разных случайностей и перемен в жизни, свою маленькую ферму, или чувствуя себя не в силах конкурировать с крупным или капиталистическим земледелием, фермер-собственник не в состоянии бывает оправиться, подняться вновь, и может лишь пополнить собой ряды арендаторов или сельскохозяйственных рабочих. Так стягивается в крупные владения земельная собственность, и так будет стягиваться до тех пор, пока будет оставаться частная собственность на землю. Учреждение это не только не соответствует интересам трудовых фермеров, но прямо грозит, если не им, то их детям, потерей всякого права на пользование родной землей, утратой личной независимости и обращением в крепостное состояние.

ГЛАВА XXI.

Город и деревня.

Коббет сравнивал Лондон, когда тот еще не был тем, чем он стал теперь, с огромным нарывом, обезображивающим Англию. Есть доля правды в этом сравнении. Едва ли что с большой ясностью указывает на ненормальность существующих общественных условий, чем постоянно увеличивающееся сосредоточение населения в городах. Ежедневно убивается на бойнях Нью-Йорка около 12000 быков и, кроме тех, которые развозятся потом в другие места, около 2100 воловьих туш доставляется сюда в вагонах-холодильниках из Чикаго. Подумайте только, как негативно влияют на плодородие земли эти туши, поедаемые большим городом, которые выбрасываются через канализационные трубы наших больших городов в море, вместо того, чтобы возвращаться в землю, из которой они берутся. А там земледелие принимает хищнический характер, и наши поля из года в год начинают давать все меньшие урожаи, что, в сущности, равнозначно постепенному уменьшению того пространства земли, на котором держатся наши растущие миллионы.

Во всех проявлениях человеческой жизни замечается возникновение таких же аномалий. Многочисленное население больших городов оказывается совершенно отрезанным от живительного воздействия природы. Огромное большинство их жителей никогда, из года в год, не касается ногой матери земли, не срывает полевого цветка, не слышит журчания ручейка, шума волнующейся нивы или шелеста листьев в лесу, когда легкий ветерок пробегает по вершинам деревьев. Все смягчающие и успокаивающие влияния природы оказываются недоступными для них. Звуки ее заглушаются грохотом экипажей на улицах и криком людей в соседней комнате или в соседней квартире; ее пейзажи загораживаются высокими зданиями.

Солнце и луна восходят и заходят, и торжественно идут по небесам созвездия, по эти несчастные заключенные видят их лишь так, как может видеть их человек в глубокой каменоломне. Белый снег падает зимой только для того, чтобы превратиться в массу грязи на мостовых, а когда солнце садится летом, то полуденный жар отражается от кирпичных и каменных громад. Филадельфийские власти высказали много мудрости, распорядившись снабдить каждое

дерево в скверах ярлычком с его названием; как бы иначе могли их отличить одно от другого дети, вырастающие в таких городах? Отличают ли они, хотя бы, траву от клевера?

Эта жизнь больших городов не есть естественная жизнь человека. Живя ею, он неминуемо должен терять и в физическом, и в умственном, и в нравственном отношении. Однако зло еще не оканчивается на этих потерях. Они являются лишь одной стороною его. Эта неестественная жизнь в больших городах предполагает собою такую же неестественную жизнь в деревне. Как какой-нибудь нарыв, отвлекая к своему гнойнику здоровые соки, истощает все тело, так и скопления человеческих существ в больших городах вызывают расстройство жизни во всей стране.

Человек есть стадное животное. Он не может жить одним только хлебом. Если он страдает и телом, и духом приходя в слишком тесное соприкосновение с себе подобными, то он страдает так же и от чрезмерного разъединения с ними. Красота и величие природы вскоре перестают чувствоваться человеком там, где он не видит других людей; ее разнообразие надоедает ему, где у него нет общества; он то и дело испытывает физические лишения и жизненные неудобства, и в нем гложут его высшие способности; все, что ставит его выше животного, страдает от отсутствия того возбуждения, которое возникает при более или менее близком соприкосновении людей. Подумайте о той однообразной жизни, какой живет отрезанный от остального мира фермер, о том заколдованном круге работы и сна, из которого он почти никогда не выходит. И подумайте, — что еще ужаснее, — о том жалком существовании, на какое осуждена бывает его жена, об отсутствии какого-либо отдыха или развлечения, удовлетворения вкуса или чувства гармонии и красоты; о ее нескончаемых трудах и заботах, от которых она стареет и дурнеет в такое время, когда могла бы еще быть во цвете сил. Даже неудобства и лишения, испытываемые обитателями городских трущоб, не могут сравниться с неудобствами и лишениями такой жизни. Как в городах, с их ростом, люди сгущаются со страшным вредом для себя, размещаясь ярусами, семья над семьей, так одновременно, со страшным вредом для себя, они разъединяются в деревне. Всюду, где проявляется этот процесс концентрации в города, обнаруживается также и стремление сделать жизнь в деревне более бедной и трудной, лишив ее общественных возбуждений и удовольствий, столь необходимых для человеческого существования. Везде по деревням и

села уничтожается здоровая общественная жизнь прежнего времени. В Англии, Шотландия и Ирландии редкость народонаселения в земледельческих округах начинает бросаться в глаза не менее, чем его сосредоточение в городах. В Ирландии, когда вам приходится проезжать по большим дорогам, ваш извозчик, если он пожилой человек, то и дело указывает вам на места, где во время его детства находились людные поселки, оглашавшиеся в летние вечера смехом детей и веселыми играми молодежи, но где теперь видишь лишь голую пустыню с единственным признаком человеческого поселения в виде разбросанных кое-где жалких пастушьих хижин. В Шотландии, где в таких городах, как Глазго, население настолько скучено, что две трети семей довольствуется квартирами в одну комнату, где, проходя по улицам в воскресенье, вы видите людей, которые смело могли бы позавидовать самым жалким дикарям, имеются обширные пространства некогда заселенной земли, превращенной в пастбища для скота и в рощи с тетеревами и ланями, — долины, некогда кормившие тысячи людей, а теперь арендуемые лишь какой-нибудь парой охотников. Так же и на юге, вместе с ростом Лондона, Ливерпуля, Лидса и Ноттингема почти совсем заглохла сельская жизнь «веселой» Англии. Две трети всего народонаселения страны скучились в города. Оживленных поселков, в роде тех, в каких тешились, по преданиям, Шекспир с товарищами, более уже нет; деревенские лужайки, на которых ставились мачты для лазания и стреляли из луков в цель, запаханы или отошли под барские усадьбы, и всюду разбросаны памятники минувшей веры и ушедшего населения в виде церквей или их остатков, — церквей таких, какие теперь никоим образом не могут наполняться народом, если только не придут из города по какому-нибудь случаю богомольцы с особым поездом.

Также и в земледельческих округах наших более старых штатов можно наблюдать то же стремление, хотя с наибольшей силой оно выражается у нас в более новых штатах, — в виде огромных пастбищ, измеряемых десятками квадратных миль, на которых полудикие ковбои увеселяют себя лишь облавами при загоне скота, да попойками от поры до времени на железнодорожной станции, и в виде, так называемых, бонанза-ферм, в которых глаз утомляется от вида нескончаемых хлебных полей и лишь изредка видит человека, где рабочие помещаются в бараках и лишь один управляющий имеет

привилегию жить вместе с своею семьей.

Уже из одного постоянно увеличивающегося сосредоточения народонаселения в больших городах можно понять, что теперешние тенденции влекут современное общество к неизбежной катастрофе. Сто лет тому назад в Нью-Йорке с пригородами было 25.000 населения. Теперь там 2.000.000. При том же росте еще через сто лет там должно бы было оказаться 160.000.000 человек. Такой город невозможен. Но что будет представлять из себя города в десять и двадцать миллионов, которые при сохранении теперешних тенденций, должны будут увидеть ныне рождающиеся дети.

Но я не буду останавливаться далее на этом предмете. Я только хочу обратить внимание на тот факт, что эта концентрация населения ослабляет общественную жизнь как на окраинах, так и в центре страны, что она вредит фермеру так же, как обитателю городских трущоб.

Это неестественное распределение населения, подобно тому неестественному распределению богатства, которое одному дает сотни миллионов, а других превращает в бродяг, является следствием работы новых промышленных сил при неприспособленных для них условиях. Оно возникает, прежде всего, из нашего обращения с землею, как с частной собственностью, и, затем, из нашего пренебрежения к тем общественным обязанностям, принять которые на себя побуждает нас материальный прогресс. Когда будут устранены эти причины, тогда наступит естественное распределение богатства, которое избавит нас от чрезмерной скученности и в то же время предоставит удобное соседство с людьми.

В этой-то возможности и заключался бы огромный выигрыш для фермера от предложенных мною мер. С восстановлением общего права на землю, скученное население больших городов рассеялось бы, а рассеянное население деревень стало бы жить теснее. Когда никто не мог бы получить прибыли от повышения стоимости земли, когда никому не приходилось бы бояться, что детей его лишат их природного права, тогда никто не желал бы иметь более земли, чем сколько он может с выгодой использовать. Вместо жалких, полуобработанных полосок земли, то и дело прерываемых огромными пустырями, благоустроенные фермы непосредственно следовали бы одна за другой. Переселенец не тащился бы куда-то вдаль по нескончаемым пространствам пустыющих земель, и хлеб не везли бы тысячи миль мимо полуобработанных полей. Машинная обработка не

была бы брошена; где крупное хозяйство оказывалось бы более выгодным, там по-прежнему пользовались бы машинами, но с уничтожением монополий, с повышением заработной платы и установлением более равномерного распределения богатства, хозяйство такого рода усвоило бы кооперативные формы. Земледелие перестало бы быть хищническим, а сделалось бы интенсивным, стало бы более получать от земли и полностью возвращать ей то, что от нее брало бы.

Более тесное размещение населения повело бы к сбережениям разного рода; труд сделался бы несравненно более производительным, и деревенским жителям стали бы доступны те удобства, радости и развлечения, которые теперь могут иметь лишь более состоятельные классы в больших городах. И мне кажется, что с уничтожением земельной монополии сельская жизнь стала бы возвращаться к первобытной своей форме — деревне, окруженной обработанными полями с общим пастбищем и лесом. Но, как бы то ни было, а трудовой фермер стал бы вполне участвовать во всех тех огромных выгодах, которых может достигнуть общество, заменяя упорядоченной кооперацией дикий произвол и хищничество, царящие среди нас.

Чтобы люди, гнездящиеся теперь в городских трущобах, в условиях, порождающих болезни и смерть, преступления и порок, жили семьями в благоустроенных домиках, окруженных садами; чтобы фермеры содержали себя при ежедневной двух или трехчасовой работе, более похожей на здоровое развлечение, чем на труд; чтобы их дома были наполнены всевозможными удобствами, признаваемыми теперь за роскошь, снабжались светом, теплом и движущей силой, если бы она требовалась, и были соединены телефонами с соседними домами; чтобы их семьи пользовались библиотеками, курсами и научными учреждениями разного рода; чтобы они бывали в театрах и концертах так часто, как им хотелось бы, и при случае предпринимали бы поездки в другие страны; чтобы, словом, не только удачный человек, один из тысячи, но и люди самых заурядных способностей и самого обыкновенного благоразумия или предусмотрительности пользовались всеми возвышающими и облагораживающими влияниями прогрессирующей цивилизации, — это покажется сынам нашего века дикой мечтой одуренного гашишем человека. Однако силы, уже находящиеся во власти человека, делают все это легко осуществимым.

В нашей безумной борьбе с целью одержать вверх друг над другом, как мало обращаем мы внимания на те благие дары, которые великодушно предлагает нам природа. Подумайте, хотя бы, о таком факте. Для большинства населения культурных стран таких, как Англия и даже в значительной мере Соединенные Штаты, фрукты являются роскошью. Однако земля-кормилица не скупится на них, и, пожелай только люди, они могли бы вдоль всех своих дорог посадить фруктовые деревья.

ГЛАВА XXII.

Заключение.

Вот в чем, на мой взгляд, заключается смысл или значение великих общественных задач нашего времени. Нам более дано, чем кому-либо из ранее живших людей, и, следовательно, более требуется от нас. Мы сделали и продолжаем делать огромные успехи в области материальной культуры; нам нужно достигнуть подобных же успехов и в нравственной области. Цивилизация в своем развитии прямо-таки требует большей добросовестности, более тонкого чувства, более братских отношений, более сильного выработанного общественного духа. При отсутствии их цивилизация должна превратиться в один из разрушительных процессов. Она не может поддерживаться при нравственности дикого состояния. Ибо цивилизация все теснее и теснее сближает людей и постоянно стремится подчинить индивидуума обществу, делая все более и более важными общественные условия.

Общественные и политические задачи, стоящие перед нами, серьезнее и опаснее, чем воображают те люди, которые не задумывались еще над ними; однако решение их является целиком делом надлежащего распределения общественных сил. Человек господствует над материальной природой, изучая ее законы, и в условиях и силах, которые казались сначала наиболее губительными, он нашел самые богатые запасы того, что ему нужно, и самых верных своих слуг. Хотя мы только еще начали приводить в порядок наши сведения о физической природе, но уже ясно, что она не откажется удовлетворить ни одного из наших желаний, если только мы будем искать этого удовлетворения, не нарушая ее законов.

И та способность приспособления средств к целям, которая дала человеку возможность обратить в магистраль некогда непроходимый океан, переноситься с места на место быстрее ласточки, уничтожать пространство при передаче своих мыслей, превращать камни в тепло, свет, движущую силу и материал с тысячами применений, взвешивать звезды и определять химический состав солнца, производить лед в тропиках и выращивать цветы среди северных снегов, дает ему также, если он пожелает воспользоваться ею, возможность устранить общественные неурядицы и избежать грозящих обществу опасностей. Владычество закона не ограничивается физической природой. Оно охватывает также мир мысли и нравственных чувств, и

развитие общества и общественная жизнь управляются законами не менее твердыми, чем законы вещества или движения. Желая сделать общественную жизнь здоровой и счастливой, мы должны отыскивать эти законы и в соответствии с ними добиваться своих целей.

И моей мечтой в то время, когда я писал эту книгу, было не то, что читатели примут выраженные в ней взгляды, а то, что она побудит их к самостоятельному размышлению.

Всякий, кто, отложив в сторону предрассудки и себялюбие, направит свою мысль на внимательное и честное исследование общественных зол, столь явных в наше время, на изыскание причин их и средств борьбы с ними, тем самым выполнит самое важное, что только он может сделать для их устранения. Это первая обязанность, возлагаемая на каждого из нас в отдельности, как на граждан и как на людей. Пусть кто-то сможет сделать сверх этого что-либо еще, но это каждый из нас должен сделать прежде всего. Ибо «если слепой будет вести слепого, то они оба упадут в яму».

Общественная реформа не может быть достигнута шумом и криками, жалобами и оговорами, образованием партий или устройством революций; она может быть достигнута лишь пробуждением мысли и поступательным движением в мире идей. Пока нет правильной мысли, не может быть и правильного действия, а когда есть правильная мысль, правильное действие уже само собой будет вытекать из нее. Власть всегда находится в руках массы; если что угнетает народ, так это его же невежество, его же близорукое себялюбие.

И потому-то, величайшим делом каждого человека и каждой организации людей, стремящихся улучшить общественные условия, является дело воспитания народа, дело распространения идей. Все прочее может быть полезно лишь постольку, поскольку оно помогает этому делу. И в этом деле может участвовать всякий способный мыслить человек, сначала вырабатывая для себя правильные понятия, затем пытаясь пробудить мысль в людях, с которыми он приходит в соприкосновение.

Масса задавлена работой, очерствела в борьбе из-за животного существования и не может относиться вдумчиво к условиям общественной жизни. А потому тем более важной обязанностью является это для людей, имеющих досуг и средства. Если мало мыслящих людей, то тем более могущественными делаются они. И

пусть не думает никто, что он лишен влияния. Мыслящий человек, кем бы он ни был и где бы он ни находился, всегда становится источником света и силы. Может показаться жестоким словом, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Но разве не ясно, как день, что закон сохранения энергии, из которого следует, что каждое движение лишь преобразуется, но не уничтожается, имеет такое же приложение в нравственном мире, как в физическом? Одухотворяясь благородной идеей, человек как бы зажигает в себе пламя, от которого загораются новые источники света, и его влияние сказывается на всех людях, которые приходят с ним в соприкосновение, безразлично, как бы их ни было много или мало. Как далеко может зайти это влияние, распространяясь таким образом, этого никому из нас не дано знать здесь, но знает это «Хозяин виноградника»...

Как я уже говорил в одной из первых глав этой книги, прогресс цивилизации делает необходимым большее внимание к общественным делам и высшее понимание их. И я убежден, что мы делаем громадную ошибку, лишая женщин голоса в общественных делах; что мы не в состоянии будем добиться того внимания, того понимания, той преданности долгу, какие требуются для решения общественных вопросов, пока не освободим наших жен. Если и было достаточно понимания одного пола для управления делами общего интереса при более грубом состоянии общества, то теперь, для решения неизмеримо более сложных, тонких и важных общественных вопросов, выдвинутых современной цивилизацией, требуется столько же понимания от женщин, как и от мужчин, и мы никогда не достигнем их решения, если не заинтересуем в них женщин. Та невнимательность, то переливание из пустого в порожнее, тот недостаток добросовестности, которые так заметны теперь в общественных делах первостепенной важности, на мой взгляд, обуславливаются именно тем обстоятельством, что мы лишаем женщин их доли участия в политической жизни. Ничто не может вполне заинтересовать мужчин, что не интересует также женщин. Некоторые говорят, что женщины менее разумны, чем мужчины. Но кто сказал, что они менее влиятельны?

И я глубоко убежден, как это и высказывал уже, что для достижения сколько-нибудь значительных общественных улучшений всегда следует обращаться скорее к чувству симпатии людей, чем к их

сознанию собственного интереса; скорее к их чувству долга, чем к их инстинктам самоулаждения. Зависть — сродни удивлению, и именно удивление, которое возбуждают богатые и властные люди, поддерживает существование аристократии. Где нищий в сапогах с презрением смотрит на нищего в опорках, там общественные несправедливости, превращающие народ в дровосеков и водовозов привилегированного меньшинства, всегда будут иметь могущественнейшую опору. Рассказывают о каком-то флорентийском агитаторе, что тот, получив новую пару сапог, пришел к убеждению, будто бы были удовлетворены все жалобы народа. И как часто мы видим повторение той же истории среди наших рабочих движений и среди тех битв, которые приходится выдерживать рабочим союзам. Это слабая сторона всех движений, которые поддерживаются лишь чувством собственного интереса.

И как самой природой человека обуславливается то, что он может достигнуть более или менее прочного счастья, лишь добываясь счастья для других людей, так, повидимому, и природа вещей такова, что отдельные лица и целые классы общества могут обрести свое право лишь в борьбе за права других людей. Поясим это примером. Когда рабочие какого-нибудь цеха образуют союз, то, подчиня личные интересы каждого общим интересам всех, они добиваются от хозяев некоторого улучшения в своем положении. Но они не могут достигнуть многого, потому что союз такого рода вскоре же наталкивается на помеху своей деятельности в лице не принадлежащих к нему рабочих, ищущих работу. Никакой рабочий союз не может поднять заработной платы. Попытка достигнуть этого может иметь не больше успеха, чем вычерпывание воды из дырявой лодки. В виду этого, для достижения сколько-нибудь прочного и заметного улучшения в своем положении, рабочим людям нужно добиваться не только, чтобы каждый союз сообразовался с интересами других союзов, но также, чтобы ученые рабочие сосредоточивали свое внимание главным образом на мерах, могущих улучшить положение чернорабочих. Если за кого надо хлопотать при освобождении трудящихся, если за кого нужно бороться при установлении справедливого общественного строя, так это именно за тех людей, которые всего менее могут подумать о себе и постоять за себя, — за тех, на стороне которых нет преимуществ, даваемых собственностью, искусством или образованием, — за мужчин и

женщин, которые остаются на самом низу общественной лестницы. Добиваясь равноправия для них, мы добьемся равенства прав для всех.

Потому-то, как говорил Мадзини, людям следует соединиться скорее вокруг знамени долга, чем вокруг знамени собственного интереса, чтобы добиться признания своих человеческих прав. И здесь мы можем видеть глубокое философское понимание того, кто учил любить ближнего, как самого себя.

В этом духе, а не в каком другом, могут развиваться те силы, которые нужны для разрешения общественных задач и для движения вперед цивилизации.